

М. И.
БЕРДИЧЕВСКИЙ
—
РАЗСКАЗЫ

М. І. Бердичевскій
(бинъ Горіонъ)

РАЗСКАЗЫ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ЕВРЕЙ-
СКАГО, РАЗГОВОРНО-ЕВРЕЙСКАГО И НѢМЕЦКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. Д. ЗАЛЬЦМАНЪ
БЕРЛИНЪ

Copyright
by the S. D. Saltzmann Verlag
Berlin 1922

Оглавленіе

БРЕМЯ ЖИЗНИ

Судъ Божій — Святой — Когда угасаетъ родъ —
Послѣдній рукомойникъ — Лопнувшія струны —
Страшная повѣсть — Кузнецъ

ВЪ ГОРОДКѢ

Повѣсть о тугомъ воротничкѣ — Блудный сынъ —
Перерывъ — Собственный домъ — Сауль —
Тихіе люди

ОТЦЫ И ДѢТИ

Расторгнутыя узы — Еще одинъ шагъ — Чужіе
— Безъ нея — Изъ далекаго пути — Откровеніе

ВРЕМЯ ЖИЗНИ

Судъ Божій

I

Да, живъ Господь, и всевидящимъ окомъ своимъ онъ видитъ правду, и все, что ни творить человѣкъ въ этомъ мірѣ — добро или зло — все записано въ книгахъ судебъ, и когда наступитъ день суда, воздастся должное человѣку. Согрешить человѣкъ противъ Бога своего, не совершитъ молитвы во время или, упаси Боже, осквернитъ день субботній, тогда Богъ не оставитъ его безъ наказанія. Но за то, если сокрушаешься всѣмъ сердцемъ о своей винѣ, проливаешь слезы раскаянія, тогда Богъ смягчаетъ гнѣвъ свой и прощаетъ тебѣ согрѣшеніе твое. Онъ направляетъ тебя на путь истины и вооружаетъ силою противостоять искушенію. И говорятъ же мудрецы: великое дѣло раскаяніе. Человѣкъ умиляется душой передъ Творцомъ своимъ, и мирится съ нимъ, и умолкаютъ худители, окружающіе престолъ Господень, которые только и знаютъ, что рыться въ душѣ человѣка и доискиваться въ ней преступныхъ желаній, чтобы потомъ донести на него Богу. Но тутъ прекращается власть сатаны, и если Богъ скажетъ грѣшнику: искупленъ грѣхъ твой, ибо душа твоя вернулась ко мнѣ, тогда и сатана долженъ присмирѣть. Такъ было всегда на этомъ свѣтѣ и такъ будетъ во всѣ вреемна. И то же говорятъ священныя книги, и если бы не было сказано такъ въ священныхъ книгахъ, то человѣкъ самъ дошелъ бы собственнымъ умомъ до того, что можно смыть обиду и очистить душу отъ злыхъ помысленій. Ужъ таковъ человѣкъ, что норовитъ все свер-

нута съ пути истины, и будь невозможенъ возвратъ и исправленіе зла — что случилось бы съ нами при обилии грѣховъ нашихъ.

Но такъ поступаетъ Богъ съ нами лишь тогда, когда мы погрѣшаемъ противъ Него. Онъ, который самъ заповѣдалъ намъ законы и повелѣнія, воленъ прощать свою обиду, и по благоугодію своей Онъ отпускаетъ намъ грѣхи наши. Но если согрѣшитъ человѣкъ противъ ближняго своего, обидитъ его, откажется помочь ему въ бѣдѣ, станетъ жить клеветой и злословіемъ, смотрѣть съ презрѣніемъ на брата своего или, упаси Богъ, притѣснить вдову и сироту, — тогда Господь неумолимъ. Напрасно вы станете усердствовать въ чтеніи молитвъ и соблюденіи постовъ; напрасно будете ударять себя въ грудь и сознаваться въ винѣ — ничто не смоетъ съ васъ грѣха, если хоть единый человѣкъ хранитъ въ сердцѣ своемъ злобу противъ васъ.

На вашихъ глазахъ трудится поденщикъ, рубить дрова, таскаетъ тяжелые камни, а вы забываете о томъ, что и онъ человѣкъ и, вознаградивъ его къ концу дня скуднымъ заработкомъ, считаете, что исполнили долгъ свой, и со спокойной совѣстью садитесь за столъ; а онъ между тѣмъ на дворѣ на холодѣ съѣдаетъ кусокъ сухого хлѣба, и съ тоской вспоминаетъ жену и дѣтей, принужденныхъ довольствоваться такимъ же ужиномъ. Думаете ли вы, что вы смягчили вину свою тѣмъ, что совершили омовеніе передъ ѣдой, а послѣ трапезы произнесли молитву и благодарили Бога за дары его? Вспомните, что говоритъ пророкъ: зачѣмъ мнѣ обильныя жертвоприношенія ваши? Что изъ того, что вы ревностно оберегаете обряды и завѣты отцовъ, если въ сердцѣ вашемъ нѣтъ любви къ ближнему.

Вздумаетъ ли человѣкъ гордиться своимъ значеніемъ, какъ сейчасъ услышитъ напominаніе свыше: тебѣ ли хвастать, тебѣ ли чваниться? изъ праха ты созданъ и въ прахъ обратишься. Всѣ равны передъ Богомъ, и обида всякаго равно значится передъ Богомъ, и изъ за одного грѣха Богъ

въ состояніи стереть съ лица земли цѣлый городъ. И если даже близокъ часъ искупленія, и Мессія уже стоитъ у вратъ города, а одна вдова проронитъ тогда слезу, то слеза эта дойдетъ до небесъ, и Богъ поднесетъ ее къ себѣ и прольетъ гнѣвъ свой на народъ Израйля и молвитъ: да вернется Мессія въ чертогъ свой, ибо недостойнъ родъ сей спасенія, и долго ему еще оставаться въ изгнаніи.

II

Нѣкогда жила въ городкѣ вдова съ тремя дочерьми, и всѣ три были молоды и красивы, но приданого для нихъ у нея не было. Правда, бѣдной ея нельзя было назвать, такъ какъ у нея былъ домикъ съ остатками состоянія, но съ этимъ не уйдешь далеко, если нѣтъ мѣшочка съ червонцами; а и въ тѣ времена не легко было выдать замужъ дѣвушку, не отсчитавъ наличными ста червонцевъ или по крайней мѣрѣ пятидесяти. Но вдругъ подоспѣло счастье, ей удалось сосватать старшую дочь и сосватать хорошо, женихъ былъ юноша ученый и хорошаго происхожденія. И такъ какъ отецъ его умеръ рано, то восемнадцати лѣтъ онъ былъ уже самостоятельнымъ. Конечно, вдова была очень рада, а дѣвушка тоже радовалась въ душѣ. Какъ бы то ни было, всетаки сирота, и кромѣ матери и сестеръ нѣтъ у нея никого; да и вообще стать невѣстой въ молодые годы наполняетъ счастіемъ сердце дѣвушки.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ послѣ помолвки, какъ женихъ вдругъ раздумалъ и отказался отъ невѣсты. Отчего поступилъ онъ такъ жестоко съ дѣвушкой? Случилась ли другая невѣста, дочь родственника, кто знаетъ? да и кто запомнить, что совершилъ въ молодости? А новая невѣста его тоже была добрая и тихая дѣвушка, и послѣ свадьбы ему жилось съ ней хорошо и спокойно и позабылъ онъ совсѣмъ про вдову и про первую суженную свою. И что удивительно, Яковъ (таково было имя юноши) былъ че-

ловѣкъ съ честной и доброй душой, который никогда никому зла не сдѣлалъ. Съ Реввекой женой своей онъ жилъ въ мирѣ и согласіи.

Казалось бы все хорошо. Живутъ въ ладу и съ Богомъ и съ людьми, домъ у нихъ полная чаша, и нищаго тоже не отпускаютъ безъ подаянія. Чего бы, кажется, недоставало? Такъ нужно же вмѣшаться сатанѣ въ жизнь Якова и Реввеки, ибо видно не суждено человѣку безмятежное счастье, и нѣтъ свѣта безъ тѣни.

И вотъ съ Божьей помощью родился у нихъ первый сынъ, и было въ домѣ ихъ торжество и ликованіе, и день пріобщенія ребенка къ завѣту Авраама праздновали чуть ли не какъ свадьбу. Но вотъ ребенокъ умираетъ скоропостижно въ самый день праздника.

При второмъ сынѣ всѣ забыли о предостереженіи, данномъ при первомъ, и опять устроили большой пиръ. Вдругъ вбѣгаетъ бабка съ крикомъ: скончался! А черезъ часъ пришелъ гробовщикъ.

Когда же спустя годъ родился третій сынъ, то отложили день совершенія обряда, но и это не помогло, ребенокъ умеръ на восьмой день. И плакали по немъ какъ плачутъ по взрослому, и безутѣшно было горе Якова и Реввеки.

Когда должно было явиться на свѣтъ четвертое дитя, то ужъ за мѣсяцъ до его рожденія всѣ были въ грустномъ ожиданіи, и Реввеку постоянно мучили злые сны. Разъ снилось ей, что она заблудилась въ лѣсу и что издали звали ее къ себѣ души умершихъ младенцевъ. Какія мѣры были приняты тогда, чтобы сохранить жизнь ребенка! Косяки дверей были тщательно изслѣдованы, не повредился ли свитокъ молитвы, прибитый на нихъ, печки, пороги — все было обыскано. Яковъ и Реввека исповѣдывались передъ Богомъ, были милосердны къ бѣднымъ, давали обѣты, жертвовали свѣчи въ молельню, сдѣлали новую ограду вокругъ кладбища, чтобы угодить покойникамъ. А конецъ былъ таковъ, что и это дитя Богъ призвалъ къ себѣ. Какъ видно

нѣтъ милости у Него. Яковъ и Реввека ходили какъ полумные. Къ слезамъ привыкли уже, и когда садились за столъ, то никто не смѣлъ поднять глазъ на другого — такъ велика была скорбь ихъ. А между тѣмъ нужно думать о заработкѣ, сводить арендные счета — кто не помнитъ тогдашнихъ бойкихъ дѣлъ съ панами въ Польшѣ и на Руси.

И зачала Реввека въ пятый разъ, и когда Яковъ заговаривалъ съ ней объ этомъ, она ударилась въ слезы. Чувала душа ея, что и на сей разъ все кончится несчастіемъ. Зачѣмъ мучаютъ ее напрасно? Жизнь! Ходить съ бременемъ девять мѣсяцевъ и повторять себѣ: плодъ, зачатый тобою, не созрѣетъ, а погибнетъ, не выраститъ тебѣ младенца твоего, не дождаться тебѣ радости отъ него. Вырвать его у тебя къ восьми или девяти днямъ, и ни стоны, ни вопли твои не тронуть никого. И хоть бы поболѣло дитя, старались бы помочь, позвали бы врачей, но такъ подарить матери сына съ тѣмъ, чтобы отнять его у нея. . . . Въ постоянномъ раздуміи и тревогѣ она проводила долгія безсонныя ночи и порою въ отчаяніи повторяла себѣ: нѣтъ, не умереть ему. Она возьметъ ребенка, станетъ передъ Господомъ и будетъ умолять его о жизни сына ея. И Богъ сжалятся надъ нею.

Когда наступило время родовъ, завѣсили всѣ окна и не допускали никого въ комнату. Гдѣ только виднѣлся уголъ, всюду приклеили листки съ «Пѣснью восхожденія», и всюду привѣшивали камеи и амулеты. Причетчики сидѣли по ночамъ и читали псалмы Давида. Всѣ трепетали за жизнь младенца и въ то же время увѣряли себя, что дитя будетъ жить. А къ девятому дню явился ангелъ смерти и взялъ свое. Еще за часъ до того мать дала ему грудь. Вотъ оно лежитъ на бѣлой подушкѣ и глядитъ на тебя невиннымъ взглядомъ младенца, какъ вдругъ предсмертная судорога — и глаза смыкаются на вѣки.

Ужась объялъ на сей разъ сердце Якова и супруги его, и впервые явилась у нихъ мысль: должно быть, это кара свыше. Но никто изъ нихъ не нашелъ за собою грѣха.

Яковъ бросилъ всѣ дѣла свои, ибо на что́ ему богатства, когда рука Божія такъ тяжело легла на немъ. Реввека уже не проронила тогда ни одной слезы. Чѣмъ помогли ей прежнія жалобы?

И въ тотъ моментъ, когда пишу я строки эти, я знаю, что придутъ люди, прочтутъ ихъ и спросятъ въ недоумѣніи: въ чемъ провинились предъ Господомъ агнцы сіи? И на вопросъ ихъ я возражу вопросомъ же: неужели Всеправый судья караетъ безвинно? Скрѣпи сердце свое, читатель, и жди конца повѣсти.

III

Въ тѣ дни стала ходить по свѣту молва про знаменитаго отшельника, рабби Исаака изъ Люблина. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые поражаютъ даже праведниковъ своимъ благочестіемъ и близостью къ Богу. Онъ зналъ, что происходитъ за сотни верстъ отъ него, и стоило ему взглянуть на человѣка, какъ передъ нимъ открывалось прошедшее и будущее его.

Когда до Якова дошелъ слухъ про старца и про его чудеса, онъ сказалъ Ревбекѣ: Поѣду и я испросить совѣта у чудотворца. Быть можетъ онъ избавитъ насъ и станетъ молить за насъ Бога. Реввека приняла съ радостью рѣшеніе мужа, и Яковъ отправился въ Люблинъ съ первой подвой. Сердце его сильно билось при мысли о томъ, что ему предстоитъ, но упованіе на Бога не покидало его, и онъ крѣпился душою.

Прибывши въ Люблинъ, Яковъ помолился Богу и пошелъ прямо къ старцу. Въ смущеніи и съ трепетомъ ступилъ онъ на порогъ дома и остановился, пораженный видомъ праведника. Лицо прозорливца, окаймленное бѣдою какъ снѣгъ бородою, сіяло неземнымъ свѣтомъ. Увидѣвъ Якова, рабби Исаакъ поднялся со своего сидѣнія, подошелъ къ нему и сказалъ: Тебя зовутъ Яковомъ; и много вытерпѣлъ ты изъ за дѣтей. Но наступитъ конецъ твоему страданію. Поѣз-

жай домой, собери все свое имущество и раздѣли его на три части; одну часть раздай бѣднымъ, другую оставь женѣ, а третью размѣняй на червонцы и зашей въ платочекъ. Эту часть возьми съ собой и иди странствовать по бѣлу свѣту. Побывай во всѣхъ большихъ городахъ, на всѣхъ большихъ ярмаркахъ и ищи, ищи того, кто укажетъ тебѣ, въ чемъ твой великій грѣхъ. И если Господь сжалится надъ тобой и простится тебѣ вина твоя, тогда придетъ минута спасенія для тебя и для жены твоей.

Услышавъ такія слова отшельника, Яковъ изумился и смутился. Онъ припалъ къ стопамъ угодника и взмолился передъ нимъ: Рабби, я не знаю, въ чемъ провинился я передъ Богомъ, я готовъ принять на себя всякое покаяніе и исполнить все, что вы возложите на меня. Но старецъ повторилъ кратко въ отвѣтъ: Соверши все, что сказано тебѣ, и да хранишь тебя десница Божія.

Съ тяжелымъ сердцемъ вернулся Яковъ домой; всю дорогу онъ размышлялъ о томъ, что то скажетъ жена его Реввека на слова прозорливца. Онъ понималъ, что не легкая обязанность возложена на него, что не мѣсяцъ и не два потребуются на это, и кто можетъ предвидѣть, что еще случится съ нимъ въ дорогѣ. Но видно старецъ прочелъ что-то особенное на лицѣ его.

Вернувшись домой, Яковъ рассказалъ все женѣ и съ безпокойствомъ выжидалъ рѣшенія ея. Но Реввека поразила его стойкостью и непоколебимостью вѣры своей. Она сказала мужу: Пріеми долгъ, возложенный на тебя, и покорись волѣ Господней. Я останусь здѣсь одна и буду по цѣлымъ днямъ молиться Богу, чтобы Онъ не покидалъ тебя. Богъ, который столько разъ насылалъ на насъ кару, можетъ исцѣлить наши раны. Еще на этой недѣлѣ я читала въ Пятикнижїи: Его ли десница не поможетъ.

Рѣчи Реввеки, дышавшія упованіемъ на Всевышняго, подняли упавшую вѣру Якова и придали ему бодрости и силы. Онъ собралъ свое имущество, раздѣлилъ его на три части и отправился въ путь-дорогу.

IV

Совершенно другимъ человѣкомъ выѣхалъ Яковъ изъ дому: это ужъ не былъ прежній богатый купецъ, привыкшій къ удобствамъ и роскоши, а обыкновенный простой странникъ съ узелкомъ на плечахъ. Нерѣдко молитвы совершалъ онъ въ дорогѣ, и не разъ приходилось ему ночевать въ молельнѣ какъ нищему, но ничто не смущало покоя его души, ибо гордость онъ отогналъ прочь отъ себя. Памятуя слова прозорливца, онъ шелъ изъ города въ городъ, изъ села въ село. И всюду, куда онъ ни приходилъ, онъ принимался со рвеніемъ за поиски, съ тайной надеждой найти того, кто откроетъ ему причину его страданій и разрѣшитъ ему роковую задачу его жизни. Но проходятъ недѣли, за недѣлями мѣсяцы, и не видно посланника Божія.

Яковъ достигъ уже границы и идетъ все дальше. Лишь слышитъ о большомъ городѣ, о богатомъ селѣ, объ ярмаркѣ, куда стекаются толпы народа, онъ направляетъ шаги свои туда, мысленно уже готовясь ко встрѣчѣ съ тѣмъ, кто сниметъ повязку съ глазъ его. Но проходитъ годъ, второй, ужъ третій наступаетъ, а онъ все еще ищетъ. Не разъ приходилось ему спать на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ, не разъ съѣдалъ онъ къ обѣду сухой кусокъ хлѣба, боясь съѣсть запрещенное закономъ, не разъ бѣжалъ онъ въ стужу, гонимый вѣтромъ и дождемъ — но всѣ невзгоды были ему ни по чемъ. Нѣженкой онъ былъ въ дѣтствѣ, а у жены своей настоящимъ баловнемъ и не привыкъ къ лишеніямъ, а всетаки съ минутой, когда пришлось взвалить суму на плечи, а въ руку взять страннический посохъ — въ него вступилъ новый духъ. Таковъ издревле удѣлъ Израиля: разсѣянный по всему міру, онъ скитается изъ страны

въ страну, отъ народа къ народу. Сказано страдать въ изгнаніи, такъ страдать, искупать грѣхи, такъ искупать. Еврею не равняться съ царемъ, хоть онъ и потомокъ Авраама. И идетъ Яковъ уже четыре года, пятый, шестой. Волосы на головѣ посѣдѣли отъ скитанія, но онъ все идегъ впередъ. А если порою и подкрадывается мысль: когда же будетъ конецъ хожденію? то достаточно ему вспомнить ликъ прозорливца, вспомнить, какъ онъ поднимаетъ брови и смотритъ на него взглядомъ, пронизывающимъ душу, чтобы разсѣялись всѣ сомнѣнія. Сатана, не ввести тебѣ меня въ искушеніе! Богу угодно испытать меня, и я перенесу смиренно все, что возложено на меня, и хотя прошло ужъ много лѣтъ и невѣдома мнѣ еще цѣль моего странствія, — но такова, видно Его святая воля, и не намъ роптать на нее. — Минутами онъ задумывается надъ судьбой всего Израиля, мечтаетъ о Мессіи и о праведникахъ великихъ. Яковъ взялъ съ собой на дорогу маленькую Библию, и когда онъ устаетъ въ пути, онъ садится на дорожный камень и вынимаетъ изъ сумки свою Библию. И простыя, безхитростныя слова вѣчной книги вливаютъ въ душу его новую вѣру и новое упованіе. Онъ читаетъ и перечитываетъ ее, и кажется ему, что написана она для всѣхъ людей и по всѣ времена. А порою слова книги обращены прямо къ нему, къ Якову. Вотъ наставленія ему, а вотъ о томъ, какъ жить во имя Господне. Что такое человѣкъ? Червь земной, недостойное, низкое существо, но стоитъ ему внять голосу Божію, и душа его становится доступной откровенію.

V

Наступилъ седьмой годъ странствія Яковлева. Душе-спасительная Библия истрепалась понемногу, и когда Яковъ по вечерамъ открывалъ ее, то изъ нея сыпались отдѣльные листы; пришлось связать ее веревочкой. Яковъ еле влачитъ ноги, но не ложится отдохнуть, боясь, что не сможетъ встать и итти дальше. Вѣра Якова стала распадаться подобно

тому какъ распадается бочка: сначала появляется въ ней трещина, трещина становится все больше, а въ концѣ концовъ выпадаетъ клепка.

Нѣтъ, думалъ онъ, не ошибся прозорливецъ, но, быть можетъ, Господь судилъ иначе. Чудодѣйственная Библия потеряла прежнюю силу.

Усталый и изможденный, онъ сѣлъ однажды отдохнуть на холмикѣ среди дороги. Незамѣтно для самого себя онъ погрузился въ думы, и внезапно мелькнула въ головѣ его мысль. Зачѣмъ покинулъ ты свою отчизну? Стоило ль браться за такое сомнительное дѣло? — И понялъ Яковъ тогда, что подобныя мысли не что иное, какъ сожалѣніе о томъ, что онъ послѣдовалъ указанію старца; ужасъ объялъ его душу, онъ вскочилъ и пустился бѣжать, какъ бѣжитъ человѣкъ отъ навожденія. Но злыя мысли все не давали ему покоя, онъ шелъ сряду трое сутокъ, а душу его все точилъ червь сомнѣнія, и, дойдя на третій день до рѣки, онъ подумалъ: не повернуть ли обратно? . . . И когда онъ послѣ этого заглянулъ въ душу свою и увидѣлъ, какъ сошелъ онъ съ истиннаго пути, какъ заблудился и утратилъ вѣру свою, онъ заплакалъ какъ дитя . . .

Неужели неправду говорилъ прозорливецъ? неужели не найти тебѣ того, кто откроетъ тебѣ глаза твои? но Яковъ убѣждалъ себя вновь: Возьми еще на мѣсяцъ терпѣнія. А когда проходилъ этотъ мѣсяцъ, онъ ждалъ другого. А когда и этотъ мѣсяцъ подходилъ къ концу, онъ думалъ: и какъ оставить труды столькихъ лѣтъ и вернуться?

Но все же переполнилась чаша страданій — Яковъ проникся сознаніемъ, что не причалить ему къ берегу. Онъ поѣдетъ только на предстоящую большую ярмарку, а если и въ этотъ разъ онъ не найдетъ никого, тогда шабашъ, домой! И прозорливецъ не потребовалъ бы съ него большихъ жертвъ.

Съ такими мыслями прибылъ Яковъ на ярмарку, на которую съѣзжались люди со всѣхъ концовъ страны. Никто не узналъ бы въ немъ теперь прежняго Якова, веселаго и счастливаго мужа Реввеки. До того измѣнился видъ его. Но вотъ наступаетъ конецъ его мытарствамъ, Богъ сжалится, наконецъ надъ рабомъ своимъ и услышитъ мольбы его. Мало ли кто прїѣзжаетъ на такую ярмарку? Евреи и мужики, купцы и ремесленники, и тайные чудотворцы, одѣтые какъ простые смертные, снуютъ въ толпѣ, присматриваясь ко всему, что творится кругомъ. Какъ это давеча у него не хватило довѣрія къ Творцу? Не сказано ли развѣ: не ожесточайте сердца своего и не искушайте Бога, Творца вашего. — Яковъ проталкивается между телѣгами и возами и тюками товаровъ; передъ нимъ проносится пестрая толпа татаръ и евреевъ и русскихъ и грековъ; разноязычный говоръ гудитъ въ его ухахъ, а онъ одиноко бродитъ въ этой толпѣ, со спутанными мыслями, какъ шальной, разговаривая самъ съ собой, и если его не задавили люди или колеса, такъ это чудо.

Такъ прошелъ первый день ярмарки. Разбитый пришелъ онъ вечеромъ на постоялый дворъ, но чуть свѣтъ всталъ онъ на другой день и давай опять искать. Вдоль и поперекъ обошелъ онъ площадь, заглянулъ въ каждую телѣгу, малѣйшую будку, побывалъ на всѣхъ стоянкахъ. На этотъ разъ онъ не далъ доступа злымъ мыслямъ, сбивавшимъ его. Прочь, прочь, гналъ онъ ихъ отъ себя. Ужъ сегодня найти мнѣ того, о комъ говорилъ прозорливецъ. Господи, смилуйся, помоги, сегодня, сегодня, сегодня! взмолился онъ Богу. Ахъ, еслибы онъ могъ быть теперь на небѣ, онъ поднялъ бы крикъ, чтобы встрепетнулся весь міръ. — Десять лѣтъ промучили меня, заставили ходить по городамъ и селамъ, лѣтомъ и зимой, въ холодъ и въ зной. Неужели пропадутъ безплодно труды мои! Помогите, ангелы небесные, помогите праведники и угодники свягите, молитесь за меня! Гдѣ судъ и правосудіе? — Онъ кричитъ какъ сумасшедшій, бѣжитъ, перескакиваетъ черезъ телѣгу, вовсе не тотъ прежній Яковъ... А когда онъ вече-

ромъ послѣ тщетныхъ поисковъ вернулся усталый въ свою комнату, онъ стихъ и сѣлъ въ уголокъ какъ онѣмѣвшій. Тогда явился передъ нимъ сатана и молвилъ безстыдно: И послѣ этого ты сохраняешь вѣру въ Провидѣніе? Оставь молитвы и преклоненія передъ Богомъ, нѣтъ суда праведнаго, нѣтъ возмездія въ семь мірѣ. — И внушенія лукаваго чуть чуть было не нашли отклика въ душѣ Якова, но, опомнившись и сознавъ всю низость своего паденія, онъ крикнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, всѣ жильцы перепугались и подумали, что онъ сошелъ съ ума.

Какъ сонный пошелъ онъ на слѣдующій день на ярмарку. Все пережитое казалось ему какимъ-то долгимъ кошмаромъ, и порою онъ останавливался среди дороги и дергалъ себя за халатъ, какъ бы желая убѣдиться, что онъ еще живъ. Телѣга чуть было не наѣхала на него, мужикъ ударилъ кнутомъ и закричалъ: эй, посторонись.

Къ вечеру ярмарка опустѣла. Купцы понемногу разѣхались, съ палатокъ сорвано полотно, товары завернуты и уложены на телѣгахъ, еще слышенъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ да послѣдніе счеты и расчеты. На землѣ валяются солома, сѣно, бумажки, яичная скорлупа; оборванные мальчишки дерутся изъ за объѣдковъ арбуза. Улицы безлюдны и печальны, Яковъ проходитъ по нимъ въ глубокой скорби.

Ужъ поздній вечеръ, небо темно, тучи спустились надъ землею, раздались раскаты грома и полился дождь, такой проливной, какъ будто хотѣлъ смыть всю грязь съ земли. Яковъ промокъ и озябъ и ищетъ убѣжища отъ дождя. Онъ вбѣгаетъ въ ворота, гдѣ стоитъ нѣсколько женщинъ, также укрывшихся отъ дождя. Одна изъ нихъ, дѣвушка лѣтъ двадцати, держала раскрытый зонтикъ надъ головой. Она хотѣла защитить и Якова отъ дождя и подняла зонтикъ надъ нимъ, но Яковъ посторонился отъ нея, какъ и подобаетъ набожному еврею. Тогда дѣвушка обратилась къ своимъ спутницамъ: Смотрите, опять онъ отъ меня уходитъ; ужъ однажды,

когда онъ былъ моимъ женихомъ, онъ отвернулся отъ меня, а теперь опять

Яковъ поднялъ глаза, чтобы увидѣть ту, которая произнесла эти слова, но она исчезла... Онъ спросилъ у стоявшихъ вблизи его женщинъ: Не стояла ли здѣсь сейчасъ дѣвушка съ раскрытымъ зонтикомъ? Онѣ смотрятъ на него какъ на безумнаго.

Но Яковъ не сошелъ съ ума. Онъ даже не очень удивился происшедшему.

Небо понемногу прояснилось. Яковъ въ раздумьи шелъ домой, въ душѣ его воскресали давно забытые образы. И вспомнилъ онъ юношескіе годы свои, какъ сталъ онъ женихомъ первой своей невѣсты, какъ покинулъ ее и женился на другой и какъ мать дѣвушки пришла къ нему и плакалась передъ нимъ . . . А онъ забылъ обо всемъ и мнилъ себя безвиннымъ все время.

Прибывъ на постоянный дворъ, онъ переодѣлся съ головы до ногъ и сталъ въ смиреніи читать вечернюю молитву. Лучъ свѣта озарилъ наконецъ глубокій мракъ души его. Онъ чувствуетъ себя обновленнымъ и возрожденнымъ, и хотя сердце его обременено еще тяжелымъ грѣхомъ, но теперь онъ наконецъ узналъ его, онъ узналъ, за что каралъ его Господь. И казалось Якову, что онъ впервые молится Богу, до того новыми были для него слова молитвы.

— Тебя хвалю, Зиждителю вселенной, ты вдунулъ въ меня дыханіе жизни, ты устраняешь съ пути нашего камни преткновенія. Въ твоихъ рукахъ судьбы живыхъ и умершихъ — сладостною болью сжимается сердце Якова. — Ты откроешь намъ врата спасенія. Да славится имя Твое на землѣ и въ небесахъ — слезы ручьями текутъ изъ глазъ. . .

VI

На слѣдующій день онъ уплатилъ счетъ въ гостинницѣ и уѣхалъ въ городокъ, гдѣ жила когда-то его первая невѣста. Теперь онъ ужъ не шелъ, а ѣхалъ, ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока

однажды въ пятницу утромъ прибылъ туда. Тотчасъ же онъ началъ разспрашивать про ту вдову, но никто не помнилъ ея имени. Весь субботній день онъ продолжалъ свои розыски, наконецъ онъ разыскалъ старожила, и тотъ разсказалъ ему, что въ самомъ дѣлѣ жила здѣсь нѣкогда такая вдова, но давно уже умерла. Были у нея три дочки, двѣ младшія вышли замужъ, старшая тоже была невѣстой, но женихъ покинулъ ее, и она сошла безвременно въ могилу . . . Яковъ развязалъ сумку и далъ старику цѣлковый. Затѣмъ онъ отправился на кладбище и вмѣстѣ съ гробовщикомъ принялся искать могилу своей невѣсты. Долго искали они, пока нашли на самомъ краю кладбища могилу, всю поросшую травой и мхомъ. На старомъ, почернѣвшемъ камнѣ виднѣлась надпись: Тутъ покоятся останки рабы Божіей, Рахили, праведной, непорочной дѣвицы. Скончалась двадцати лѣтъ отроду, не извѣдавъ счастья земного. Миръ праху ея . . .

Яковъ послалъ сторожа за канторомъ. Канторъ прочелъ заупокойную молитву надъ умершей и ушелъ, щедро одаренный Яковомъ. Сторожа позвала домой жена, и Яковъ остался одинъ. Онъ склонился надъ могилой и, ударяя себя въ грудь, началъ смиренно:

— Прости, Рахиль, согрѣшеніе мое. Велика вина моя передъ тобой, и недостойнъ я милости твоей, но сжался надъ дѣтьми моими. Да не умрутъ они по винѣ отцовъ. Скажи, чѣмъ смыть мнѣ грѣхъ мой предъ тобой и отвратить гнѣвъ отца вдовъ и сиротъ.

Склоненный надъ могилой, Яковъ уснулъ, а во снѣ явилась ему Рахиль и молвила кротко: — Не бойся, Яковъ, гнѣва моего; искупленъ грѣхъ твой долгимъ страданіемъ твоимъ. И я въ гробу не вѣдала покоя дотолѣ . . . Но если душа твоя жаждетъ жертвъ и покаянія, то иди въ городъ, гдѣ живутъ обѣ сестры мои и протяни имъ братскую руку . . .

Яковъ проснулся, открылъ глаза и, умиленный нисшедшей на него милостью Божіей, онъ поднялъ обѣ руки къ небу и излилъ душу въ благодарственной молитвѣ.

Въ тотъ же день онъ отправился въ путь дорогу. Прибыль онъ въ городъ богатымъ купцомъ и представился сестрамъ своей невѣсты дядей изъ дальнихъ странъ. Онъ узналъ про ихъ бѣдность и пріѣхалъ помочь имъ, выдать дочерей замужъ, дать имъ приданое. Весь городъ дивился щедрости его, кто ни просилъ, никому не было отказа. Двухъ дѣвушекъ въ скорости выдали замужъ, кто не пожелалъ бы быть мужемъ дѣвушки, у которой такой богатый и щедрый дядя? Младшихъ дѣтей Яковъ тоже обезпечилъ, матерямъ оставилъ богатые подарки и уѣхалъ, осыпанный благословеніями.

Такъ спустя десять лѣтъ вернулся Яковъ подъ родной кровъ. Дома ждала его вѣрная супруга Реввека и приняла его съ раскрытыми объятіями. Безъ жалобы и ропота она ждала десятокъ лѣтъ пришествія мужа своего, ибо душу ея все время подкрѣпляла вѣра въ Благость Всевышняго.

И вновь отверзъ Господь чрево Реввеки, и черезъ девять мѣсяцевъ она родила сына, и сынъ этотъ выросъ на славу и утѣшеніе своимъ родителямъ. Онъ женился на дѣвушкѣ изъ знатной семьи, и родились у него сыновья и дочери, и потомки его живутъ понынѣ вѣрой и правдой, и славится всюду имя ихъ.

Да взойдетъ заря новой жизни для всѣхъ блуждающихъ во тьмѣ невѣдѣнія, и да грядетъ Спаситель Сіона!

С в я т о й

Предки его были богаты и знатны; они слыли учеными и были извѣстными лѣсопромышленниками. Послѣ женитьбы они предавались усердно ученью, занимаясь торговлей лишь между прочимъ и довѣряя дѣла свои компаньонамъ. Мало-помалу, они и сами приступали къ веденію дѣлъ и посвящали имъ уже половину времени; другая половина предназначалась служенію Богу. Съ теченіемъ времени они все болѣе уходили въ дѣла мірскія, оставляя ученіе на субботніе дни; будни служили для поѣздокъ, расчетовъ, сношеній съ помѣщиками и купцами. Но и среди суеты мірской на нихъ замѣтна была печать ихъ благороднаго происхожденія; она проявлялась въ окладистой бородѣ, широкомъ воротѣ рубахи и исполненной достоинства осанкѣ каждаго изъ нихъ. Ихъ движенія во время разговора, выражавшія сознаніе долга и еще нѣчто, не поддающееся опредѣленію, внушали собесѣдникамъ чувство благоговѣйнаго уваженія. Пожертвованія они давали всегда серебряными монетами и Богу молились тихимъ голосомъ, какъ люди, близкіе къ Престолу. Въ дѣла общины они не вмѣшивались, но отъ богоугоднаго дѣла не отвращали глазъ. На исходѣ субботы къ нимъ приходили ихъ наставники и простые евреи, и тогда велась бесѣда о свѣтскихъ дѣлахъ. Они не пускались въ длинные споры и охотно слушали рассказы другихъ о всякихъ событіяхъ, не интересуясь тѣмъ, гдѣ и когда они произошли; ихъ остроты и насмѣшки были всегда невиннаго характера и не заключали въ себѣ яда. Къ столу ихъ подавалось прекрасное вино и вкуснѣйшіе пряники. Женщины были всегда рады гостямъ и ничего не жалѣли для нихъ.

Онѣ не вмѣшивались въ разговоры мужчинъ и сидѣли всегда скромно въ уголку; но ихъ присутствіе сказывалось во всемъ. Всѣ приходившіе и уходившіе привѣтствовали ихъ и прощались съ ними учтивымъ поклономъ. Сыновья были кроткаго, тихаго нрава и всѣ годы до женитьбы проводили за ученіемъ. Дѣвушкамъ присуща была особенная красота, чистая и цѣломудренная, и всякій богатый человѣкъ считалъ для себя счастьемъ получить для своего сына такую невѣсту. Но и юноши считались «хорошимъ товаромъ» у сватовъ. Обыкновенно отецъ невѣсты даетъ вдвое больше приданаго, чѣмъ отецъ жениха. Но сыновьямъ этой семьи давали вчетверо больше; если же съ ихъ стороны выдавалась дочь, то и тогда отецъ жениха давалъ вдвое больше.

А у Рувима, старшаго въ родѣ, третій сынъ вышелъ непохожимъ на своихъ братьевъ. Старшіе сыновья уже помогаютъ отцу, у котораго отъ старости дрожатъ руки, и онъ не въ состояніи держать въ нихъ пера. Они, конечно, занимаются со своимъ учителемъ, т. е. сидятъ съ нимъ определенное время въ его комнатѣ, но главное ихъ занятіе уже состоитъ въ куплѣ-продажѣ. Дѣло еще хранится въ тайнѣ, ибо не подобаетъ это юношамъ во Израилѣ. Но что же дѣлать? Еще годъ — два, и имъ пора подъ вѣнецъ; ради тестя нужно еще поучиться Талмуду, а тамъ, вѣдь всякій знаетъ, что заботы о пропитаніи важнѣе всего. Одинъ только Илья, третій сынъ Рувима, думаетъ, что міръ созданъ только ради ученія.

У него нѣтъ определенныхъ мыслей объ этомъ, онъ только сидитъ весь день за книгами и занимается даже тогда, когда весь домъ спитъ. Онъ не знаетъ, что его родители богаты, что на немъ дорожное платье, что въ домѣ ихъ роскошная обстановка. Только къ Богу обращены его взоры, къ Нему направлены всѣ думы его и помышленія. Богу угодно, чтобы сыны человѣческіе предавались ученію денно и ночью. Ученіе Божіе свято, Богъ святъ, служители Его святы. И какъ же ему, Ильѣ, думать о чемъ-нибудь иномъ, о суетѣ мірской?

Священное Писаніе преисполнено чудесъ. Все въ немъ чудно, отъ начала до конца, и все дано Моисею на горѣ Синаѣ.

А что такое человѣкъ? Существо, созданное для того, чтобы вникать разумомъ въ ученіе Божіе и исполнять заповѣди и повелѣнія Божіи. — Мать его сидитъ послѣ обѣда за шитьемъ и возится все время съ ключами; отецъ вѣчно занятъ дѣлами и считаетъ деньги послѣ молитвы. И чужіе люди приходятъ къ нимъ въ домъ и все толкуютъ о лѣсѣ, да о дровахъ. Мужики привозятъ телѣги съ дровами и укладываютъ ихъ потомъ рядами. Пьяный Василій ночуетъ у сарая и стережетъ дрова. А онъ, Илья, сидитъ все въ своей комнатѣ и присматривается ко всему кругомъ, и все кажется ему такимъ чуднымъ, страннымъ . . . И братья его не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Они считаютъ его богобоязненнымъ, а онъ, вѣдь, только исполняетъ то, что обязанъ дѣлать всякій.

Одна черта особенно отличала его отъ всѣхъ: застѣнчивость характера. Онъ стѣснялся учиться вслухъ, призывать громко имя Бога во время молитвы или исполнять Божьи заповѣди явно, на глазахъ у всѣхъ. Когда учитель оставляетъ комнату на время, онъ чувствуетъ себя хорошо; онъ можетъ лобызать тогда священные книги, когда сердце его преисполнено любви, и проливать слезы мольбы и покорности, когда страхъ Божій овладѣваетъ имъ.

Господь, вѣдь, для того лишь и царитъ надъ людьми, чтобы они боялись и слушали Его. Все живетъ лишь по Его милости и погибаетъ, когда Онъ отвращаетъ ликъ Свой. Въ жизни—вѣчная борьба между добромъ и зломъ, между праведниками и грѣшниками. Совершить человѣкъ хоть одно доброе дѣло, и во всемъ мірѣ перевѣсъ добра надъ зломъ; возметъ же онъ на душу хоть одинъ только грѣхъ, — и зло торжествуетъ повсюду.

Отъ постоянныхъ думъ тѣло его ослабѣло и исхудало. У матери сердце сжимается при видѣ его, и отецъ недоволенъ, что сынъ его совсѣмъ ушелъ отъ житейскихъ дѣлъ. Воздай

Богови Божіе и Кесарю— Кесарево, думаль онъ про себя. Но Илья не обращаетъ вниманія ни на что и идетъ себѣ своею дорогою.

Ему ужъ исполнилось восемнадцать лѣтъ, вотъ и девятнадцать, двадцать; годъ за годомъ уходитъ, а онъ все еще не женихъ. Но его это какъ будто не касается. Онъ служитъ Богу постомъ и самобичеваніемъ. Онъ пришелъ къ сознанію, что одного пониманія еще недостаточно для спасенія души; Богу прежде всего угодна чистота плоти. Въ ученіи и молитвѣ есть наслажденіе, но нужно учиться умерщвленію плоти, выносливости во всѣхъ страданіяхъ. Еслибъ можно было разрѣзать члены свои во имя Господне, повергнуться въ прахъ предъ лицомъ Всевышняго!..

Зачѣмъ нуженъ сонъ человѣку? Еслибъ не привычка спать, то осталось бы много времени для ученія и служенія Господу.

Ему ужъ было тогда двадцать два года, и его обручили съ дочерью богатаго простолюдина-высочки; приданого дали ему тридцать тысячъ серебромъ. Тестъ его былъ огромный толстый старикъ. Все у него большихъ размѣровъ: большія лошади, большія повозки, жена большая и дочери большія. Не будь его дочери одѣты въ дорогія платья, ихъ можно было бы принять за кухарокъ. Ъдятъ онѣ много и жадно, сила въ нихъ не женская: одно прикосновеніе руки ихъ къ плечу причиняетъ боль.

Итакъ худощавый и хилый Илья сталъ мужемъ здоровенной Деборы, — которая вдвое выше и толще его. Славьте Бога, евреи, новому зданію положено основаніе.

II

А зданіе уже, слава Богу, выстроено.

У Ильи три дочери и два сына, квартира въ шесть комнатъ и большая лавка шелковыхъ и шерстяныхъ товаровъ. Дебора сама завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ; она вторая богачка въ

городѣ и настоящій знатокъ своего дѣла. Въ свободное время она занимается дѣтьми и хозяйствомъ.

А мужъ ея Илья ходитъ весь день по рынкамъ и по частнымъ домамъ, собираетъ пожертвованія и раздаетъ ихъ бѣднымъ. Онъ вступилъ теперь на новый путь. Слѣдовать всѣмъ повелѣніямъ и указаніямъ Тору и исполнять точно всѣ заповѣди Божіи — свыше силъ человѣческихъ. Но одну заповѣдь человѣкъ въ состояніи выполнить, и Илья хранитъ теперь заветъ любви и милосердія къ бѣднымъ и обездоленнымъ. День и ночь онъ живетъ одной этой мыслью и ей посвящаетъ всѣ свои силы. Нѣтъ дома въ городѣ, гдѣ онъ не бывалъ бы уже сотни разъ, нѣтъ ни одного хозяина, у котораго онъ не просилъ бы денегъ или хлѣба для неимущихъ.

Все, что у него было своего и что ему удалось выманить у жены, ужъ давно роздано нищимъ. Дома слѣдятъ за нимъ зорко жена, прислуга и всѣ домочадцы, и все-таки ему всегда удается утаить отъ нихъ что-нибудь: деньги, платокъ, хлѣбъ, сахаръ, книгу. И все, что ему попадаетъ въ руки, онъ отдаетъ первому встрѣчному, простирающему руку, не разбирая между попрошайкой и истинно нуждающимся. Двери многихъ домовъ уже закрыты для него, ибо хозяевамъ надоѣло безпрестанно давать ему подаванія, но и въ такіе дома онъ прокрадывается тихонько, заднимъ ходомъ, и проситъ пожертвованія или беретъ насильно первую попавшуюся вещь. Уже случилось не разъ, что кухарки преслѣдовали его ругательствами и даже побоями за подобныя продѣлки. Но имъ за это всегда доставалось отъ хозяекъ. Вѣдь, въ концѣ концовъ, онъ человѣкъ добрый и достойный уваженія... Если бы онъ совершилъ лишь сотую долю своихъ дѣяній, то и тогда городъ могъ бы гордиться имъ; но остальные девяносто девять долей ужъ излишни. «И Всевышній не обилень щедротами».

А Илья думаетъ: Господь всеблагъ и всемилостивъ. Онъ любитъ бѣдняковъ и заботится о нихъ. Богатые созданы ради бѣдныхъ, да и смыслъ всей жизни только въ томъ вѣдь и заключается, чтобы помогать убогимъ.

Какъ можно удержаться и не дать ближнему того, что есть у тебя? Какъ возможно не прикрыть нагого, не накормить голоднаго? Какъ можно оставить что-нибудь на завтра, когда сегодня есть столько голодающихъ?

Самъ голодъ данъ человѣку, чтобы при его помощи творить добро. Деньги существуютъ для того, чтобы отдать ихъ нуждающимся, одежда — для того, чтобы прикрыть ея несчастныхъ, которые не въ состояніи купить ее.

Всякій, у кого есть деньги, назначенъ лишь казначеемъ надъ ними и обязанъ давать изъ нихъ неимущему.

Первая обязанность человѣка — это обязанность по отношенію къ бѣдному; онъ для тебя долженъ быть важнѣе тебя самого, твоей жены, твоихъ дѣтей. Прерви молитву, чтобы поспѣшить къ больному, жертвуй честью твоей ради ближняго твоего.

Всѣ эти мысли какъ-то сами приходятъ ему въ голову; у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія; ему, въ сущности, вовсе и некогда предаваться размышленіямъ; само ученіе кажется ему теперь лишь тщеславнымъ стремленіемъ человѣка возвыситься надъ другими. . .

Господь Богъ самъ кормить голодныхъ съ сотворенія міра, а ты—Его посоль всякій день, всякую минуту.

И въ грядущемъ, когда настанетъ часъ воскресенія изъ мертвыхъ, тогда нищіе станутъ въ первомъ ряду; первые въ этомъ мірѣ станутъ послѣдними, а послѣдніе — первыми. Всѣ бѣдняки нарядятся тогда въ дорогія одежды, и Господь самъ приготовитъ имъ великій пиръ.

Илья не желаетъ для себя возмездія въ этой жизни. Его единственная мечта — узрѣть благоденствіе бѣдняковъ и самому быть однимъ изъ нихъ.

Еслибъ онъ развелся со своей женой, онъ сталъ бы нищимъ на самомъ дѣлѣ. . . Когда умрутъ его родители, онъ отдастъ наслѣдство бѣднымъ; когда его жены не станетъ, онъ сдѣлаетъ дѣтей своихъ нищими.

Дѣти его молятся Богу, занимаются изученіемъ Торы и съ радостью исполняютъ ея повелѣнія; но они еще не знаютъ, что все это не имѣетъ значенія, пока не отерта ими послѣдняя слеза съ ланиты ближняго.

Но вѣдь и милосердіе доставляетъ наслажденіе. Если ты добръ по душѣ, то что жъ удивительнаго въ томъ, что ты помогаешь другимъ? развѣ это твоя заслуга? Нѣтъ, когда сердце твое черство и неумолимо, смягчи его и отдай другимъ то, что есть у тебя, давай противъ воли, лома! :бя и свою волю!

Какъ разъ тогда, когда ты падаешь отъ усталости и когда сонъ смыкаетъ вѣжды твои, открой ихъ насильно и вставай съ постели. Тебѣ пріятно лежать головой на подушкѣ и ногами внизъ, а ты положи ноги на подушку, а голову опусти низко. Бичуй свое тѣло, когда ты отсталъ отъ пути праведнаго. Но нѣтъ! и тогда можно творить добро: ночевать у больного, рубить дрова бѣднякамъ, продающимъ ихъ, чистить имъ печи.

И порою Илья устаетъ до того, что чуть не падаетъ отъ изнеможенія. Ужъ жена не пускаетъ его больше въ домъ; любовь къ дѣтямъ онъ заглушилъ въ себѣ насильно. И скоту присуща привязанность къ дѣтенышамъ, въ чемъ же преимущество человека? Какъ разъ тотъ, кто чуждъ тебѣ душой, долженъ стать тебѣ близкимъ: и нечестивецъ, и грѣшникъ, и послѣдній изъ послѣднихъ, и прокаженный. Кто не въ состояніи цѣловать язвъ прокаженнаго, тотъ еще далекъ отъ совершенства. Господь Богъ любитъ особенно больныхъ и страждущихъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ, всѣхъ одержимыхъ недугомъ и покрытыхъ ранами.

Лишь тотъ, кто такъ любитъ ближняго, достоинъ спасенія души. Напрасно вы боитесь болѣзни, бѣдности и страданій: все это проявленія воли Божіей, ведущія къ очищенію души.

Если бы сердца всѣхъ были открыты для другихъ, а не одержимы зломъ, то всѣ люди братски обнимали бы другъ друга и растаяли бы отъ любви.

Но нѣтъ! и это уже наслажденіе. . . Наслаждаться грѣшно. Грѣшно заниматься какимъ бы то ни было дѣломъ, если оно доставляетъ удовольствіе, даже будь оно самымъ хорошимъ.

Радость жизни, — это проклятіе жизни; она не позволяетъ намъ творить добра безъ личнаго интереса.

Люди свое я, ломай его ради другихъ.

III

И наступили сумерки въ жизни Ильи.

Добрыя дѣла его прервались сами собою, ибо нѣтъ ужъ у него ничего, что онъ могъ бы отдать другимъ, и нѣтъ человѣка въ городѣ, который сжалился бы надъ нимъ и далъ бы ему что-нибудь для бѣдныхъ. И бѣдняки сами перестали вмѣнять ему въ заслугу его заботу о нихъ: онъ сталъ имъ, наконецъ, въ тягость. Набожные сторонились отъ него, богатые стыдились знакомства съ нимъ, и сталъ онъ одинокимъ среди своихъ . . . Въ домъ свой онъ не ходитъ уже давно, и не разъ приходится ему страдать отъ холода и голода.

Теряясь въ смутныхъ размышленіяхъ, онъ вновь принялся за книги, и все ему казалось въ нихъ теперь такимъ страннымъ и чуждымъ. Зачѣмъ сказано: поступай такъ и такъ? зачѣмъ вообще нужны дѣла? что за связь между человѣкомъ и его ближними? что такое человѣкъ и какова цѣль его жизни?

И однажды онъ всталъ съ восходомъ зари, взялъ свой плащъ и посохъ и отправился за городъ. Онъ пошелъ по большой дорогѣ; такъ шелъ онъ день, два, три дня и прибылъ въ одну деревню. Тамъ у него есть знакомый; онъ выпиваетъ у него стаканъ чаю, произноситъ благословеніе надъ виномъ и идетъ дальше. Такъ странствуетъ онъ съ тѣхъ поръ изъ города въ городъ. Въ мѣстахъ, гдѣ у него есть знакомые, онъ останавливается, заходитъ къ нимъ, гоститъ у кого день — два, у кого недѣлю — другую. Ни съ кѣмъ онъ не говоритъ ни слова и не вмѣшивается въ разговоры ученыхъ.

Иногда онъ оставляетъ свой ночлегъ, не простившись ни съ кѣмъ, и идетъ дальше своей дорогой. Порою онъ забываетъ обо всемъ, садится на выступъ скалы и прислушивается ко всему кругомъ.

Плоть его начинаетъ уничтожаться, а онъ все служить Богу смиреніемъ и молчаніемъ. О, еслибъ онъ мучъ превратиться въ камень, лежащій все время на одномъ мѣсѣ!

Когда на дворѣ дождь, онъ прячетъ голову межъ кълѣнь и выжидаетъ его конца.

Руки и ноги его отяжелѣли, голова идетъ кругомъ, когда онъ засыпаетъ. Во снѣ онъ видитъ людей, смотрящихъ на него тысячами глазъ, и всѣ они голодны и просятъ хлѣба. Всадникъ идетъ по облакамъ и несетъ на плечахъ Св. Писаніе а тамъ дальше громоздятся скалы надъ рядами скалъ. Вдовица плачетъ предъ престоломъ Господнимъ. Илья сидитъ въ углу и видитъ все, что творится внизу.

Однажды онъ внезапно проснулся; день былъ пасмурный, все какъ-то черно кругомъ. Кровь ударила ему въ голову и онъ ослѣпъ. Вотъ оно, вѣчное очищеніе, — подумалъ онъ. А тамъ, на томъ свѣтѣ, все начнется сызнова . . .

И умеръ Илья въ тотъ самый день, когда въ первый разъ пришелъ въ незнакомый ему городъ. И никто не зналъ, гдѣ его могила . . .

Когда угасаетъ родъ

Д в а м і р а

(Введение)

Злую шутку сыграла судьба съ Ладыжинцами. Зажиточные домовладѣльцы, хасиды, сливки мѣстнаго общества, люди, занимавшіе почетное положеніе въ городѣ, всѣ эти благодѣлатели, благочестивцы и заправилы, по своему усмотрѣнію назначавшіе раввиновъ и рѣзниковъ, и первые получавшіе доступъ къ заѣзжему чудотворцу - раввину, — короче, всѣ прихожане старой синагоги разорились и сошли со сцены. Исчезли прежнія крупныя дѣла по вывозу муки въ дальніе края; винокуренныя заводы перешли въ другія руки; прибыльныя аренды, посредничество по сахарнымъ дѣламъ уже не служили болѣе источникомъ заработковъ; прекратились займы, которые нѣкогда можно было сдѣлать въ ближайшемъ городѣ, а съ исчезновеніемъ денегъ потеряно было и расположеніе польскихъ магнатовъ, игравшихъ первую роль во всей окрестности. Жалкіе остатки прежняго величія сохранились лишь у нѣкоторыхъ видныхъ горожанъ: у кого остались серебряныя ложки, у кого сохранился дорогой бокалъ для субботняго вина, у кого — богатое серебряное шитіе на молитвенномъ плащѣ и шуба съ бобровымъ воротникомъ; у одного отъ прежняго выѣзда осталась старая карета, одиноко стоявшая гдѣ-нибудь въ углу дворика. Кое-кто владѣлъ еще парой, другой оголенныхъ деревьевъ, высохшихъ отъ недостатка ухода.

Громадный цѣпной песъ, сторожившій нѣкогда домъ богача, приказалъ долго жить, да и самъ богачъ, умирая, уже не былъ богачемъ.

Гдѣ всѣ тузы добраго стараго времени, гордые видной осанкой своей? Гдѣ бѣлые чулки ихъ, виднѣвшіеся надъ туфлями, курчавые пейсы, изящныя шелковыя ермолки? Гдѣ то радостное, приподнятое настроеніе во время молитвы, которое служило лучшимъ доказательствомъ довольства и безпечальнаго житія? Гдѣ тѣ красавицы гражданки, разодѣтыя по праздникамъ въ шелкъ и бархатъ съ блиставшими издали жемчужными ожерельями? Гдѣ юноши, краса и гордость отцовъ, съ любовью и самозабвеніемъ преданные ученію и семнадцати, восемнадцати лѣтъ отъ роду переходившіе на хлѣба въ домъ тестя, не жалѣвшаго ничего для ненагляднаго зятя? Гдѣ богатство и слава прежнихъ дней? — Стѣны старой синагоги давно уже не мазаны; священныя книги поистрепались, переплеты ихъ поизносились; каминныя печи полуразрушены, и поговариваютъ, что нерѣдко ихъ и отапливать нечѣмъ.

И странное дѣло. Судьба, такъ жестоко обидѣвшая великихъ міра сего и повергшая ихъ въ нищету и посрамленіе, та же самая судьба вдругъ улыбнулась черни, простому народу, на который доселѣ никто не обращалъ вниманія и который въ представленіи всѣхъ служилъ грубой подкладкой для платья изъ тонкой матеріи.

Прежніе дровосѣки и водоносы, извозчики и дегтярники, потомки синагогальныхъ служекъ, носильщиковъ и сапожниковъ, люди неграмотные, которые и молитвы-то говорятъ съ большимъ трудомъ, стали быстро возвышаться, жить по господскому и даже копить деньгу. Объ одномъ говорятъ, что у него уже пятьсотъ рублей наличными, а имущество вотъ того достигаетъ и всѣхъ семисотъ. Богатство Соломона-Бера оцѣнивается въ цѣлую тысячу, а банщикъ Натанъ, говорятъ, еще богаче. И все то они за наличные покупаютъ; они и кредитомъ пользуются, и ихъ слово — золото. По наружности они остаются еще тѣми, чѣмъ были прежде; въ будни одѣва-

ются просто, а обзавестись упитанной физиономіей и толстымъ брюшкомъ еще не успѣли или это для нихъ прямо нежелательно, зато домъ — полная чаша. Квартиры приукрашены, чисты, окна открываются; многіе держатъ лошадей и повозку, которую, правда, и отдаютъ иногда въ наемъ, но не въ качествѣ простыхъ возницъ, а какъ люди, купившіе себѣ ее изъ прихоти и для собственнаго удовольствія; и лошади ихъ стоятъ на добромъ корму въ чистыхъ, просторныхъ конюшняхъ.

И они, которыхъ можно было раньше уподобить коренному населенію Палестины, обращенному завоевателями - Израильтянами въ рабовъ и вассаловъ, стали теперь столпами общества, распорядителями городскими деньгами, господами надъ раввинами и прочей, зависимой отъ города, святой братіей. Ихъ полуразрушенная молельня была отремонтирована, и ея выбѣленные известкой стѣны красовались какъ стѣны городского дворца. Канторъ преданъ имъ душой и тѣломъ, ибо служить въ ихъ синагогѣ чаще, чѣмъ въ старой, и судьба его въ ихъ рукахъ. По праздникамъ рѣзники приходятъ къ нимъ и совершаютъ у нихъ благословеніе надъ виномъ, а прѣзжій раввинъ дѣлаетъ имъ визиты и уходитъ отъ нихъ, щедро вознагражденный за оказанную честь; жертвовать же рубль или полтинникъ, а то и совсѣмъ ничего не давать — это выпадаетъ на долю тѣхъ, которые были богачами во время оно.

Короче, имъ, сынамъ простой массы, власть и богатство, имъ почетъ и уваженіе, несмотря на то, что руки ихъ еще мозолисты и заскорузлы, и они и теперь не стыдятся поковырять заступомъ землю возлѣ дома или снести на спинѣ кулуки. Не произошло никакого измѣненія въ обрядахъ и законоположеніяхъ, которыхъ придерживаются евреи; Богъ одинъ и тотъ же въ старой синагогѣ, какъ и въ новой. И, однако же, что то измѣнилось . . . Богъ теперь уже не ограничивается пареніемъ въ заоблачныхъ высотахъ и углубленіемъ въ таинства Торы и Талмуда; Онъ сталъ Богомъ мозолистыхъ

рукъ и тяжелаго труда и обрѣтается теперь не исключительно въ ээирѣ и въ нематеріальныхъ, не постигаемыхъ чувствами мірахъ, а въ домахъ простыхъ евреевъ, не обладающихъ духовнымъ достояніемъ и не могущихъ похвастать духовно-аристократическимъ происхожденіемъ. Прихожане ихъ синагоги не нуждаются въ чудесахъ Рабби Іосифа дела-Рейны и другихъ; достаточно съ нихъ того, что Моисей, мужъ мудрый и благочестивый, написалъ Тору, и что они могутъ по субботамъ приблизиться къ ней и сотворить молитву - благословеніе, за что и жертвуютъ на синагогу, кто сколько можетъ; пожертвованіе они вручаютъ старшинѣ въ слѣдующую же недѣлю, безъ тѣхъ мудрствованій, которыя въ ходу у прихожанъ старой синагоги и которыя употреблялись ими и въ прежнія времена . . . У массы своя мораль, мораль здоровая, полезная для себя и не вредящая и другимъ.

И еще одно: благодаря имъ, самый городъ былъ расширенъ. Въ прежнія времена, когда властвовали еще тузы, для всѣхъ было ясно, что вотъ здѣсь центръ города, а тамъ на окраинѣ — его конецъ, и разъ это такъ, то иначе, понятно, и быть не можетъ . . . Населеніе увеличивалось и нуждалось въ новыхъ домахъ; никому, однако, не приходило въ голову купить свободный участокъ земли и выстроить на немъ домъ. Возводились пристройки и надстройки къ старымъ домамъ и на густо населенныхъ площадяхъ, распродававшихся по участкамъ, пока дома не сбились въ тѣсную кучу и не заслонили окончательно оконъ отъ солнечнаго свѣта. Нѣсколько локтей земли считались приличнымъ приданнымъ, такъ какъ могли вмѣстить лавку или домъ, а увеличивать городъ — нѣтъ надобности. Этотъ порядокъ продолжался до тѣхъ поръ, пока «благородные» не сошли со сцены, и масса со своимъ здоровымъ умомъ не заняла ихъ мѣста. Тогда обратили вниманіе на просторную площадь вокругъ города и стали ее обстраивать домами и лавками. Почтенные обыватели смѣялись: только дуракъ, молъ, способенъ дѣлать затраты на зданія, находящіеся за городомъ. Пюнеры изъ массы, однако, не смущались

этимъ и продолжали себѣ возводить домъ за домомъ, и такимъ образомъ, выросъ новый городъ, красивый и просторный. Мало того, — жители окраинъ, принужденные раньше покупать все необходимое въ центрѣ города, весьма охотно перешли въ ближайшія къ ихъ мѣстожительству новыя лавки; а магазины стараго города понемногу опустѣли, къ удивленію лавочниковъ, считавшихъ ихъ неистощимымъ золотымъ дномъ. Колесо повернулось!

И глухая вражда между этими двумя общественными классами, существовавшая споконъ вѣковъ, теперь еще усилилась. «Благородные» злятся и считаютъ положительнымъ святотатствомъ, что Арія - Лейбъ, сынъ Пейсаха - сторожа, невѣжда изъ невѣждъ, является теперь отцомъ и благодѣтелемъ города, а Исаакъ Быкъ въ базарные дни ссужаетъ кой-кого деньгами безъ процентовъ, какъ дѣлали они — богачи въ доброе старое время. Въ свою очередь, Исаакъ Быкъ, Арія - Лейбъ и ихъ товарищи терпѣть не могутъ этихъ горе-магнатовъ, наряжающихся еще по субботамъ въ шелкъ, въ то время, какъ рубаха-то вся въ заплатяхъ. Въ особенности раздражаетъ ихъ то, что эти бывшіе богачи еще до сихъ поръ считаютъ себя избранныками Божиими за то, что двигаются они по улицѣ мелкими размѣренными шажками и молятся нѣсколько дольше другихъ. Но больше всего ихъ возмущаетъ, что въ глубинѣ души они сами питаютъ еще какое-то чувство невольнаго почтенія къ этимъ избраннымъ и немного теряются, когда случайно приблизится къ нимъ кто-нибудь изъ представителей этой высшей расы... Эти новоиспеченные представители третьяго сословія отлично знаютъ, что богатство и всѣ дѣла города въ ихъ рукахъ, что все принадлежитъ имъ, и что у того, напримѣръ, бывшаго богача или почтеннаго обывателя вѣтеръ свободно гуляетъ по карманамъ, — но въ глубинѣ души они сознаютъ, что имъ, выскочкамъ, недостаетъ чего-то такого, что дано только *тѣмъ*, что внушаетъ къ себѣ почтеніе и чего они не въ состояніи опредѣлить словами — и это ихъ бѣситъ. Тѣ, обращаясь къ нимъ, называютъ ихъ

просто Лейбомъ, Ицекомъ, Шимономъ или Нахманомъ, а эти послѣдніе отвѣчаютъ: ребъ Симха, ребъ Аврамъ, ребъ Моше, ребъ Хаимъ, — и никакъ не могутъ иначе. Они, правда, обладаютъ деньгами, властью и т. п. — но титулъ «ребе» дается рожденіемъ . . .

А между тѣмъ эти люди, вышедшіе изъ простонародья, сладко ѣдятъ и мягко спятъ, въ то время какъ носители титула «ребе» постоянно озабочены, живутъ на мѣдные гроши и не имѣютъ почвы подъ ногами. Большинство ихъ совсѣмъ ничего не дѣлаетъ, остальные ведутъ свои дѣла спустя рукава, полагая, что ничто ихъ уже не выведетъ.

Возникаетъ ли какое-нибудь прибыльное предпріятіе — оно попадаетъ въ руки жителей «лѣваго конца», какъ называютъ новый городъ; случись урожай — онъ ничѣмъ не отразится на жизни стараго города. Когда съ закатомъ солнца съ пастбищъ возвращаются коровы съ полными выменами, онѣ поворачиваютъ налѣво же, и жители правой стороны города съ тоскою смотрятъ имъ вслѣдъ . . .

В е р х ъ и н и з ъ

(Начало)

Пересѣкши новый городъ и достигнувъ спуска къ мосту, что перекинулся черезъ рѣку, увидишь на противоположной сторонѣ утесистую возвышенную площадь, на которой раскинулась деревня, а на самой вершинѣ — красивый бѣлый домъ съ желѣзной крышей. Снизу ведутъ къ нему каменные ступеньки; какъ взойдешь по нимъ на крыльцо и посмотришь на городъ, онъ представится тебѣ въ видѣ картины художника, изображающей рядъ домовъ, сливающихся въ одну стройную панораму. Странникъ, не знающій жителей города, ихъ жизни, судьбы и исторіи, проникнется чувствомъ мирной красоты, и отраднымъ покажется ему голубое небо, раскинувшееся высоко надъ этимъ пейзажемъ. Да и тотъ, кто знаетъ, что

скрывается подъ этой красотой, забудетъ на время все, и въ вечернія сумерки услышитъ исходящій оттуда голосъ: не подходи ко мнѣ ближе, смотри издали . . .

Одинокій домъ на окраинѣ пріятно ласкаетъ взоръ прохожаго. Умѣлая трудолюбивая рука видна на всемъ, контуры правильны, расположение удобно, и на всемъ царитъ печать крестьянской опрятности. Единственному мыслящему человеку въ городѣ, сыну мѣстнаго раввина, не разъ приходится на умъ, какъ хорошо было бы для него уединиться со своими книгами въ этомъ домѣ на горѣ и предаться мечтамъ и грезамъ о дорогой его сердцу наукѣ . . . Въ настоящее же время тамъ живетъ другой, нѣкій Айзикъ Гершъ, а по метрической записи: Айзикъ-Гершъ Морочукъ.

Онъ вышелъ изъ рядовъ «лѣваго фланга» и теперь онъ—сила, его мнѣніе имѣетъ вѣсъ въ городѣ, и живетъ онъ на горѣ уже много лѣтъ. Отецъ его былъ кузнецомъ, и кузница находилась тутъ же. Онъ также учился подковывать крестьянскихъ лошадокъ и стучать молотомъ по наковальнѣ, но его тянуло прочь отсюда, и онъ сдѣлался носильщикомъ, извозчикомъ, затѣмъ сталъ торговать понемногу лошадьми и, наконецъ, приобрѣлъ себѣ состояніе всякими правдами и неправдами. По смерти отца онъ купилъ у брата его участокъ земли и поставилъ тутъ домъ и конюшню. Онъ самъ составилъ планъ постройки, своими руками обтесывалъ камни, закладывалъ кирпичи и глину. Фундаментъ онъ заложилъ изъ тесаного камня, а окна защитилъ рѣшеткой, какъ въ крѣпости. Комнаты были просторны, мебель проста, и все дѣлалось у него на глазахъ, даже плотники работали подъ его непосредственнымъ руководствомъ. — Онъ охотно помогалъ людямъ своего сословія, которые гордились имъ, и много далъ на ремонтъ и украшеніе синагоги; имъ были подарены храму кивотъ и шитый золотомъ покровъ. Представителей же другого сословія, хотѣвшихъ нѣкогда отдать его въ солдаты, онъ терпѣть не могъ. Вообще онъ ненавидѣлъ всѣхъ богобоязненныхъ людей, хотя самъ и вѣрилъ въ Бога. Онъ ненавидѣлъ

людей, смотрящихъ во время ходьбы себѣ подъ ноги, утомленныхъ жизнью. Онъ былъ повелителемъ по натурѣ. Когда онъ наблюдалъ за работами по ремонту синагоги; рабочіе усердно работали изъ боязни передъ нимъ, да и самъ онъ не разъ бралъ топоръ или другой инструментъ и показывалъ какъ нужно работать; онъ также смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы работники ежедневно получали плату безъ проволочекъ, и по окончаніи работъ приглашалъ ихъ къ себѣ и поилъ водкой. Его жена была болѣзненная женщина, и онъ не обращалъ на нее вниманія. Когда она была здорова, она работала до изнеможенія, какъ служанка. На досугѣ онъ любилъ сидѣть въ одиночествѣ, на крыльцѣ своего дома и смотрѣть, а когда это ему надоѣдало, онъ сѣдлалъ коня и скакалъ куда нибудь за городъ безъ цѣли, или заворачивалъ въ какое нибудь село и разспрашивалъ знакомыхъ крестьянъ объ ихъ поляхъ и хлѣбахъ, о лошадахъ и коровахъ. Повидимому, на сѣдлѣ-то и зародилась у него странная идея, въ осуществленіе которой онъ и самъ сначала не вѣрилъ — женить своего старшаго сына Гедалію, совершеннѣйшаго невѣжду, хоть и посѣщавшаго хедеръ въ теченіе нѣсколькихъ полугодій, на нѣжной красавицѣ. — дочкѣ ребѣ Менаше Марголиса.

Менаше былъ аристократомъ съ головы до ногъ; онъ самаго знатнаго происхожденія, зять бывшаго городского богача. Въ послѣднее время онъ также сильно обѣднѣлъ и отошталъ, и если бы не большой домъ, доставшійся ему въ наслѣдство и отданный въ наемъ подъ христіанскую больницу, межъ тѣмъ какъ онъ самъ ютился въ маленькомъ флигелькѣ во дворѣ, — ему и его семьѣ пришлось бы буквально голодать. Кое какіе остатки отъ прежнихъ временъ остались у него еще въ домѣ: большой круглый столъ, занимающій почти треть комнаты, съ широчайшею бѣлою скатертью, концы которой достигають пола, а вокругъ стола — три старинныхъ большихъ кресла подъ бѣлыми чехлами, спинки которыхъ заклоняють окна до половины. Въ комнатѣ стоитъ еще запертый шкафъ съ книгами, да на стѣнѣ висятъ старые часы. Ти-

хая грусть, которой вѣетъ отъ всего этого, нашептываетъ рассказы про былыя времена . . .

Было время, когда онъ самъ занималъ весь большой домъ. Онъ вель открытый домъ; горожане часто посѣщали его, пили чай; занимали деньги и просили милостыни открыто и тайно; тутъ передавались новости дня, велись дружескія бесѣды или шли рассказы о цадикахъ и анекдоты о мотовствѣ и сумасбродствѣ магнатовъ. — Въ тѣ времена Менаше разѣзжалъ въ каретѣ на парѣ добрыхъ лошадей и посѣщалъ пановъ, которые принимали его съ почетомъ и сажали рядомъ съ собою на мягкихъ креслахъ. Онъ вель тогда дѣла и съ богачами Умани. Умань! это краса украинскихъ городовъ, смотрящая съ высоты холмовъ на свои дворцы, терема и башни, казалась ему какой-то сказочной царицей и наполняла его сердце блаженствомъ. Этотъ просторъ и порядокъ кругомъ, эти шумныя дороги и богатыя улицы ласкали его чувство прекраснаго, и онъ чувствовалъ всѣми фибрами души, что и на грѣшной землѣ есть изящество и люди, рожденные для красоты. Онъ радъ, что числится среди этихъ послѣднихъ и носить ослѣпительной бѣлизны рубашку, постоянный предметъ его заботъ и ухода. Онъ былъ первый во всемъ, онъ и Талмудомъ занимался съ раввиномъ. Въ немъ воистину совмѣщались наука и сила, красота, богатство и знатность рода.

А теперь — какая переменѣна! Жена его, цѣломудренная красавица Суламиевъ, въ молодые годы сошла въ могилу. Его вторая жена — женщина простая и озлобленная. Сыновья оставили его одинъ за другимъ. Дочерей онъ выдалъ съ трудомъ замужъ; къ тому же это ему обошлось дорого, а младшая еще живеть у него во всей красѣ и невинности.

Больница и странная окружающая обстановка вселили въ нее какое то чувство недоумѣнія, а нужда, царящая въ домѣ отца, навѣяла на нее робость и грусть. При видѣ отца, вынимающаго изъ шкафа большую книгу въ красномъ переплетѣ и просиживающаго за ней часами, въ ней пробуждается чувство жалости . . . Мачеха занимается работами по хозяй-

ству, а она ей помогаетъ, какъ можетъ, но онѣ мало разговариваютъ другъ съ дружкой . . . А какъ она проводитъ свои досуги? Книгъ читать она не умѣетъ, а посѣщать подругъ — не хочется; она чувствуетъ себя страшно одинокой — хотя и не сознаетъ этого.

Айзикъ Морочукъ, пройдя какъ-то мимо дома, увидѣлъ молодую дѣвушку, сидѣвшую на длинной скамьѣ у воротъ, поставленной тутъ для больныхъ, ожидающихъ врача, — и она ему понравилась. Не сразу, а лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло ему въ голову женить своего сына на ней, но когда эта мысль овладѣла имъ, онъ какъ бы ошалѣлъ и опьянѣлъ подъ ея вліяніемъ. Онъ зналъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Менаше, зналъ, что затѣялъ трудное дѣло — но, вѣдь Айзикъ-Гершъ хочетъ. Онъ хочетъ добиться того, чтобы всѣ ахнули.

С т о н ы у з н и к а

(Продолженіе)

Трудное время настало для Менаше Марголиса. Долги, надѣланные имъ, когда онъ выдавалъ дочерей замужъ, разрастали съ каждымъ годомъ. Домъ былъ заложенъ, а приносимаго имъ дохода не хватало на хлѣбъ и на покрытіе процентовъ. Кредиторы щадили его и не рѣшались лишить его послѣдняго источника существованія. Но вотъ глава торгового дома, бывший его первымъ кредиторомъ, умеръ, а молодые наследники, не знавшіе какое общественное положеніе занималъ нѣкогда Менаше, стали настоятельно требовать у него своихъ денегъ.

Мысль, что ему придется оставить свой кровъ и пристанище, приводила въ ужасъ Менаше. Ему уже пятьдесятъ, и голова уже покрывается сѣдинами.

Вы, вѣтренные юноши, легкомысленно переѣзжающіе съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, вамъ не понять страданий человѣка, на закатѣ дней принужденнаго покинуть род-

ное гнѣздо. Цареподобнымъ женихомъ вступилъ онъ впервые на порогъ этого дома, въ немъ провелъ онъ первые безмятежные годы супружескаго счастья, въ немъ вырастилъ сыновей и дочерей, въ немъ же узналъ нищету и горе.

И эти, дорогія его сердцу стѣны его дома станутъ пріютомъ для чужихъ, незнакомыхъ людей?

Правда, дѣла его все хуже и хуже, но все же земля подъ ногами его собственная, домъ пока еще принадлежитъ ему; за этимъ столикомъ, что стоитъ у окна, онъ пьетъ чай въ жаркіе лѣтніе дни, и столикъ этотъ все еще замѣняетъ ему садъ и бесѣдку. — Вонъ тамъ, за домомъ, высокій заборъ отдѣляетъ его владѣнія отъ базарной площади, и тутъ онъ самъ полновластный хозяинъ... Дѣлами онъ больше не занимается; онъ очень удрученъ; онъ не можетъ забыть, что потерялъ богатство, а вмѣстѣ съ нимъ почетъ и уваженіе людей, но все же этотъ тихій уголокъ успокаиваетъ его нѣсколько. И въ уединенные вечерніе часы онъ предается весь размышленіямъ о спасеніи души. Онъ долго и усердно молится Богу и читаетъ священные книги. У него въ шкафу житомирское изданіе Талмуда, и когда онъ, раскрывая большіе фоліанты, углубляется въ слова отцовъ синагоги, онъ проникается какимъ то особеннымъ чувствомъ. Они были великими мудрецами и святыми мужами, и не предполагали, что спустя тысячу или больше лѣтъ послѣ ихъ смерти (въ хронологіи онъ былъ не особенно силенъ) онъ, Менаше сынъ Рувина, будетъ сидѣть и изучать то, что они сказали.

И удивительнѣе всего, что и ученіе не защищаетъ въ годину бѣдствія.

Насталъ послѣдній срокъ уплаты долговъ, и кредиторы стали угрожать выселеніемъ. Куда ему обратиться? Гдѣ онъ найдетъ кровъ и пристанище для себя и для семьи на закатѣ дней своихъ? На этотъ разъ онъ отчаялся въ спасеніи. Онъ давно привыкъ къ плохимъ обстоятельствамъ и крупнымъ потерямъ; много страдалъ онъ, когда его благосостояніе разрушалось по частямъ, какъ страдаетъ человѣкъ, теряющій

одинъ за другимъ свои зубы; смерть жены и старшаго сына была для него жестокимъ ударомъ. Но то было другое дѣло: судьба... Богъ покаралъ его. Навѣрное онъ велъ себя не какъ слѣдуетъ и согрѣшилъ передъ Нимъ. Кто можетъ считать себя совершеннымъ праведникомъ? Но теперь онъ чувствовалъ, что не злая судьба вмѣшалась тутъ, а что-то другое. Это было *дѣло рукъ человѣческихъ*, просто дѣло негодяя. — Имъ, правда, давно слѣдуетъ уплатить, но что онъ можетъ сдѣлать? У нихъ есть вдсятеро больше, а домъ — его собственность, пристанище на старости лѣтъ... Это просто грабежъ, насильственное отбирание послѣдней овечки у бѣдняка.

И за что же? Бога они не боятся. Какъ это они не сочувствуютъ его бѣдственному положенію, какъ они рѣшатся выбросить на улицу слабого, безпомощнаго старика съ семействомъ? Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ для нихъ эта тысяча или нѣсколько больше (онъ самъ не зналъ хорошенько своихъ счетовъ съ ними).

Онъ отправился въ Умань, чтобы переговорить съ сыновьями Шифмана. Какъ все измѣнилось за послѣдніе годы! Дома стали еще выше, новыя улицы — еще красивѣе. Онъ плелся шагомъ въ уныломъ раздумьи. Шифманы откажутъ. Живутъ они недалеко отъ Софіевки, славящейся своей красотой, а вблизи ея цвѣтущихъ деревьевъ нѣтъ мѣста для стонновъ людей...

Большой мохнатый песъ смотрѣлъ на него издали, когда онъ входилъ въ желѣзные ворота ограды, окружавшей ихъ дворецъ. Онъ медленно подвигается впередъ. На звонокъ отворяется дверь, и его вводятъ въ переднюю со стеклянными стѣнами. Ему это мѣсто знакомо. — Молодой хозяинъ не заставилъ себя ждать, и не успѣлъ Менаше изложить свою просьбу, какъ этотъ уже отрѣзалъ, что это бесполезно... Они рѣшили окончательно взыскать всѣ долги, доставшіеся имъ послѣ отца, почему же ему простить его долгъ. Онъ заложилъ домъ и долженъ былъ знать, что взрослые не играютъ

какъ дѣти . . . Взялъ деньги — надо возвратить; а многого, вѣдь, отъ него и не требуется . . .

— А человѣчность?

— Человѣчностью не проживешь. Отъ продажи дома останется у васъ еще кое какая сумма на покупку маленькаго домика или на наемъ квартиры. Нищему не нужно домовъ.

— Сударь! — подпрыгнувъ Менаше на своемъ мѣстѣ, — я не нищій, слышите ли вы? ! . . Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, никто не называлъ меня такъ. Свои деньги я потерялъ, это правда — но я не нищій. Слуги моего отца были болѣе почтенными людьми, чѣмъ ваши родители! — Онъ вдругъ опомнился и сообразилъ, что ничего этого не было, что все это — плодъ его фантазіи . . .

Нѣтъ! они вовсе не такіе дурные люди. Презится ему, что одинъ изъ нихъ пріѣзжаетъ на тройкѣ, выскакиваетъ изъ кареты и входитъ въ домъ съ его векселемъ въ рукахъ. Бери себѣ, Менаше, назадъ свой вексель. Разбогатѣешь — заплатишь. Не безпокойся. И прекрасно. Сердце его въ груди трепещетъ отъ радости. Онъ спасенъ. Гдѣ жена, надо ее обрадовать этимъ извѣстіемъ! . . Какъ на зло, она какъ разъ теперь отправилась въ городъ. Онъ идетъ къ ней навстрѣчу и, увидя ее издали, вспоминаетъ, что это — вздоръ и фантазія. Никто не пріѣзжалъ, никто векселей не возвращалъ. Совсѣмъ наоборотъ, онъ получилъ отъ нихъ письмо. Письмо! Пощечина, а не письмо. «Плохо будетъ, если не заплатите; намъ вы зятемъ не приходитесь» . . . Нахальство какое! Ему за пятьдесятъ, въ бородѣ просѣдь, а пишущій это — двадцатипятилѣтній молокососъ и круглый невѣжда. Какая дерзость! Будь онъ теперь въ Умани, онъ бы себя показалъ. Плюнулъ бы ему въ лицо, палкой побилъ бы его. Онъ въ жизни своей мухи не обидѣлъ; пусть скажутъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, оскорбилъ ли онъ кого изъ нихъ, выругалъ ли когда нибудь еврея; но такого наглеца щадить нечего. Онъ поѣдетъ въ Умань и повыбиваетъ ему стекла въ домѣ; въ судъ подастъ на него; онъ попроситъ его

повременить, снизойти.... — Дойдя до этой послѣдней мысли, онъ почувствовалъ стыдъ передъ самимъ собой.... Что онъ можетъ? Онъ, безсильный, надломленный еврей, станетъ бороться съ человѣкомъ, который сильнѣе его? Онъ побѣдетъ туда и станетъ просить, умолять... Онъ откинулся на спинку стула и разрыдался. Плакалъ тихо, закрывъ лицо руками. Мужчина пятидесяти лѣтъ, которому пора даже младшую дочь замужъ выдавать, плачетъ, какъ малый ребенокъ! Ангелы небесные, не открывайте этого никому! Надо дверь запереть, чтобъ жена не видѣла безсилія мужа. Ангелы небесные, плачьте надъ жизнью человѣческой на землѣ!

Столкнулись

(Окончаніе)

Невѣроятные, неправдоподобные слухи взволновали весь городъ. Жители праваго города положительно пришли въ ужасъ, да и обитатели лѣвой стороны были сильно возбуждены: неужели же сынъ Айзикъ-Герша женится на дочери Марголиса, и они это увидятъ собственными глазами? Неужели это свершилось?

Вездѣ и всюду стоятъ кучки людей, разговариваютъ, смотрятъ и изумляются. Мужчины оставили свои прилавки, а женщины — кухни. Городъ взволнованъ.

Въ старой синагогѣ люди сидятъ съ опущенными глазами, стыдятся смотрѣть другъ на друга; теперь имъ пришелъ конецъ — и въ новой синагогѣ торжествуютъ. Канторъ тамъ поетъ громче обыкновеннаго, портные исполнены гордости, сапожники готовятся къ роскошной попойкѣ, и всѣ согласны, что творятся чудеса. Безъ сомнѣнія, это для нихъ большая побѣда, а всетаки это такое диво, какого никто не ожидалъ.

Да, никто не воображалъ, чтобы «лѣвые» вырвали розу изъ сада «правыхъ», чтобы пересадить ее на свой участокъ. Даже вліятельнѣйшія лица изъ массы не воображали, что ихъ сословіе настолько окрѣпло.

Прихожане старой синагоги смущены, сбиты съ толку и въ глубинѣ души негодуютъ. Негодуютъ они на себя, на жизнь и даже на Господа Бога. Мало того, что злая судьба преслѣдуетъ ихъ, что они вотъ уже долгіе годы живутъ въ нуждѣ и подчинены хамамъ и невѣждамъ, такъ еще одинъ изъ нихъ, недостойный быть ихъ слугой, имѣетъ дерзость женить своего неуча сына на самой знатной дѣвицѣ въ городѣ, на дочери ихъ Менаше!... Просто надо живыми въ могилы схорониться! Вотъ до чего дошелъ ты, градъ Ладыжинъ, — которому нѣкогда завидовали другіе города!...

Это разразилось внезапно, какъ смертный приговоръ, какъ будто несчастіе въ одну темную ночь раскрыло свою пасть и поглотило святыню. Упадетъ ли на землю свитокъ Священнаго Писанія — сорокодневный постъ сниметъ съ присутствовавшихъ грѣхъ; но кто же возстановитъ ихъ честь и достоинство? Кто можетъ жить въ такое время тьмы египетской?

А Менаше самъ пораженъ какъ громомъ. Лицо его осунулось какъ-то сразу, въ одну ночь, глаза блуждаютъ. Онъ принужденъ былъ согласиться, потому что къ нему приступили съ ножомъ къ горлу. Айзикъ-Гершъ выручилъ его своими деньгами, и онъ можетъ теперь спокойно жить въ своемъ домѣ. Но душа его болитъ; теперь онъ, несчастный, опозоренъ окончательно, навсегда.....

Напрасно онъ минутами успокаиваетъ себя цитатами изъ Талмуда: «согрѣшившаго по принужденію Богъ прощаетъ»; подъ «творящимъ» благодѣяніе во всякую пору» законъ подразумѣваетъ «заботящагося о своей семьѣ». Какъ могъ онъ оставить ихъ безъ крова? — А внутри червь гры-

зеть его душу, подтачиваетъ его тѣло и высасываетъ мозгъ изъ костей.

Вотъ уже два дня, какъ онъ ничего не ѣлъ. Ему совѣстно показаться на улицѣ, и онъ запираетъ дверь, когда въ нее стучатся. Цѣлыми часами сидитъ онъ угрюмый и безмолвный, и вдругъ его охватываетъ злоба и разгорается въ немъ жажда мести. Онъ отомститъ имъ всѣмъ за себя, за свою душу. —

Смертельную ненависть питаетъ онъ къ обитателямъ лѣваго конца, къ жестокосердному Айзикъ-Гершу, къ его сыну, этому жениху, прости Господи. Слыханное ли дѣло? Этотъ верзила съ мужицкимъ лицомъ и грубыми лапами будетъ его зятемъ, зятемъ Менаше, сына Рувина, внука Нисана, правнука ребъ Мойше!.. Онъ дико расхохотался, затѣмъ вскочилъ и закричалъ: «Пустите меня! Дайте мнѣ выйти на улицу и уничтожить ихъ всѣхъ!»

Невыносимыя страданія. Онъ почти съ ума сходитъ, вспоминая все, что произошло за послѣдніе дни. Онъ сталъ тѣнью самого себя и страшно усталъ. Ахъ голова!

«Выдавашаго дочь свою за неvěжду Господь вяжетъ, а пророкъ Илья сѣчетъ, с ѣ ч е т ь ! » . . .

Явилась тѣнь спасенія. Вставши поутру, онъ вдругъ сообразилъ, что все это — сонъ, что во снѣ онъ выдалъ дочь такимъ образомъ, дурной сонъ и больше ничего. Солнце ярко свѣтитъ въ окно. Онъ спасенъ . . .

Онъ теперь хорошо знаетъ, что всего этого не было, и что его единственная дочь не неvěстка какого-то тамъ Айзикъ-Герша, да сотрется и самая память о немъ, — но что-то мѣшаетъ ему говорить объ этомъ открыто. Онъ видитъ, что окружающіе еще вѣрятъ въ это, и полагаетъ, что его осмѣятъ, если онъ станетъ доказывать, что они заблуждаются. Такъ что же, онъ развѣ боится ихъ смѣха? Что ему до нихъ? Достаточно съ него, что онъ знаетъ истинное положеніе вещей, что дочь его не будетъ

осквернена этимъ мужикомъ. Съ чувствомъ благодарности молится онъ Богу, избавившаго его отъ такого несчастія. Душа его спокойна, но онъ избѣгаетъ людей и мало разговариваетъ.

Приготовленія уже начались, день свадьбы близокъ, а онъ твердитъ свое: сонъ это все, просто навожденіе. Портные работаютъ у него въ домѣ, и это его удивляетъ. Еще больше онъ удивляется тому, что въ субботу передъ свадьбой собрались къ нему въ домъ какіе-то люди, пьютъ и съ чѣмъ-то серьезно его поздравляютъ. Съ ума они сошли или не знаютъ вовсе, что все это только сонъ? . . . Онъ боится выяснить имъ ихъ ошибку

Кажется, въ домѣ его «свадьба». — Но онъ то самъ знаетъ, что это не такъ, не такъ.

День вѣнчанія! Весь день онъ въ недоумѣніи . . . Пошли встрѣчать жениха. А онъ незамѣтно улизнулъ и остался дома. Слышна музыка, трубы гремятъ, барабаны аккомпанируютъ . . . Онъ вдругъ опомнился . . . Дѣйствительно это такъ . . . Трубы гремятъ, скрипка заливается . . . Былъ первый день мѣсяца, и онъ вспомнилъ стихъ изъ молитвы этого дня: «Угодна Богу смерть его праведниковъ» . . .

Онъ разыскалъ сумку съ молитвеннымъ одѣяніемъ, вытянулъ оттуда свой вязанный поясъ и молитвенникъ и раскрылъ главу объ исповѣди . . . Затѣмъ онъ взлѣзъ на чердакъ

«Угодна Богу смерть его праведниковъ».

Послѣдній рукомоѣйникъ

Старый Шлемка, или раби Шлема, какъ его обыкновенно называли, содержалъ водяную мельницу въ маленькой деревушкѣ на окраинѣ Кіевской губерніи. Это былъ чело-вѣкъ добрый, почтенный, набожный и большой благотвори-тель. Когда, напримѣръ, сгорѣла баня въ ближайшемъ мѣстечкѣ, куда онъ ѣздилъ на праздники, онъ покрылъ ее на свой счетъ; когда выходила замужъ дочь рѣзника или какого нибудь другого набожнаго чело-вѣка, онъ, по обы-чаю, исполнялъ завѣтъ «пріема невѣсты». Когда раби Шлема пріѣзжаетъ въ городъ, онъ даетъ безъ исключенія всякому просящему, а если къ нему приходитъ его одно-сельчанинъ, бѣдный ли, богатый, знакомый или незнако-мый — все равно, раби Шлема его накормитъ и напоитъ, что называется, до положенія ризъ. Даже мужики не ухо-дили отъ него съ пустыми руками: онъ имъ и жалованіе заплатитъ сполна, да еще поднесетъ и рюмочку водки и ломоть субботней булки.

Жена его, Зельда, тоже добродѣтельная и почтенная женщина. Ея сердце не знаетъ зла, и всѣхъ евреевъ она считаетъ праведными и угодными Богу. Правда, мужъ ея не ученый какой-нибудь, не гений, но очень любитъ и пони-маетъ раввиновъ; и Богъ о нихъ заботится, хотя и живутъ они въ деревнѣ . . . Шлема добрый, предобрый . . . Когда они оба умрутъ, у нихъ навѣрное будетъ мѣстечко въ раю. Не у нея, — у Шлемы, но она, вѣдь, должна быть всегда съ нимъ, подавать ему каждое утро чай, смотрѣть за нимъ, чтобы онъ не простудился. Загробная жизнь представляется

Зельдѣ какою-то долгою, долгою субботой. И сюда каждую субботу вечеромъ прилетаютъ ангелы Господни и благословляютъ ихъ. Вокругъ нихъ живутъ все мужики, нѣтъ ни одного еврея, но хороша суббота съ ея свѣжей булкой, рыбой и виномъ.

Весь субботній день они отдыхаютъ; послѣ обѣда ложатся спать, а потомъ читаютъ. Онъ читаетъ молитвы и недѣльный отдѣлъ библіи, а она — повѣсти о патріархахъ и сказанія старины. За этими книгами отдыхъ кажется еще слаще, и мысль уносится далеко отъ будничныхъ мелкихъ тревогъ въ страну ангеловъ и херувимовъ.... Суббота — даръ только для еврея, — думаетъ Зельда. Мельница работаетъ и въ субботу, такъ какъ она принадлежитъ, по купчей, Ванькѣ-кучеру. Ванька — парень хорошій, только пьетъ иногда не въ мѣру, и если заляжетъ въ пьяномъ видѣ спать въ телѣгѣ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, то спитъ какъ убитый: таковъ ужъ нравъ мужицкій.

Утѣшеніе ихъ старости — дочка ихъ Юта, блѣднолицая миловидная дѣвушка. Разговаривая съ кѣмънибудь, она не глядитъ въ лицо собесѣднику и все норовитъ поскорѣе присѣсть къ окну. Юта совершенно не работаетъ и спитъ до четырехъ часовъ. Родители берегутъ ее, какъ зеницу ока, и все свое вниманіе обращаютъ на то, чтобы она лучше питалась; они были долгое время бездѣтны, прежде чѣмъ родилась эта «жемчужина», какъ они ее называютъ между собой.

Юта постоянно видитъ различныхъ людей, одѣтыхъ въ длинные черные сюртуки или въ шерстяное или холстинное платье. У всѣхъ одинаково есть руки и ноги, и всѣ покрываютъ голову шапками. Мужики ѣдятъ, какъ попало и съ какою-то торопливостью и, когда обѣдаютъ съ ними за общимъ столомъ, то все время смотрятъ въ тарелку и хлопаютъ глазами.... Ея родители тоже люди, и иногда ѣздятъ въ городъ. Равви, навѣщающій ихъ по временамъ, ей очень нравится: голосъ у него тихій, мягкій....

Въ субботу родители какъ-то ближе и милѣе ея сердцу, и она вступаетъ душой въ новый міръ. Въ сумерки, сидя на порогѣ, она слушаетъ журчаніе ручья или, опираясь на перила моста, смотритъ внизъ на отражающееся глубоко, глубоко заходящее солнце, окрашивающее рѣчку въ кровавый цвѣтъ... Лошади не то, что козы, онѣ красивѣе... Пѣтухъ и курица роются въ навозѣ; вечеромъ квакають лягушки... Она не боится лая собакъ: вѣдь онѣ тоже Божьи созданія. Молоко, которое ей обыкновенно подаютъ въ чашкѣ, очень бѣло; ей всегда даютъ свѣжій бѣлый хлѣбъ съ масломъ; на столѣ лежитъ сѣрый хлѣбъ; совсѣмъ черный ѣдятъ мужики. Рыбки живутъ глубоко, глубоко въ водѣ, а птицы парятъ въ голубомъ небѣ.

Юта выросла, и ей наступила пора выйти замужъ. Сваты обиваютъ пороги — шутка-ли дочь раби Шлемки! Золотой вѣкъ наступилъ для сватовъ; они уходятъ отъ добродушныхъ стариковъ съ полными брюхами и набитыми карманами. Старуха даетъ еще больше мужа, и даже въ то время, когда сваты уже сидятъ въ телѣгѣ, чтобы отправиться по добру, по здорову, родители Юты все продолжаютъ давать имъ на дорогу лукъ, яйца, картофель и т. п. Юта же ничего не знаетъ объ этомъ. Она или сидитъ въ саду, или любитъ срубленными и расположенными въ рядъ деревьями, приготовленными для кущи.

.... Однажды Юта обручилась. Ей это сказали во вторникъ, когда она вошла въ столовую. Накинутый на голову бѣлый платокъ, еще больше оттѣнялъ румянецъ стыда и смущенія, выступившій на ея щекахъ. Она подошла къ печкѣ и начала въ замѣшательствѣ проводить рукой по бѣлымъ изразцамъ. Затѣмъ, въ полдень, пріѣхала масса народу... Всѣ служки синагоги, равви, канторъ, — почти всѣ жители мѣстечка. Въ домѣ — суматоха; мать вдругъ одѣла черное шелковое платьѣ, отецъ одѣлъ ермолку съ кисточками. Люди въ длинныхъ черныхъ балахонахъ безпрерывно пьютъ и кричатъ. Мужики пьютъ на дворѣ...

Солнце бросаетъ яркіе снопы свѣта въ комнату... Столы накрыты и стоящіе на нихъ бокалы сверкаютъ на солнцѣ... Три женщины, которыхъ Юта видитъ первый разъ въ жизни, бѣгаютъ, суетятся... Какой-то болѣзненный еврей, очевидно канторъ, сидитъ на самомъ почетномъ мѣстѣ и пишетъ. Отецъ встаетъ и шепчетъ ему что-то на ухо... Юта ничего не понимаетъ, что дѣлается вокругъ нея, но немножко боится.... Въ одно мгновеніе она пробирается между гостями и незамѣтно прокрадывается къ дверямъ... Вдали виднѣется мостъ... Надъ рѣкой дуетъ легкій неуловимый вѣтерокъ. Зеленый камышъ едва колышется... Сердце что-то давитъ... Къ горлу приступаютъ слезы... Юта закрываетъ лицо руками... Боже, Боже мой, гдѣ ты?..

Почти цѣлый годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, въ шитьѣ бѣлья и платьевъ. Родители Юты ѣздятъ въ городъ и привозятъ оттуда цѣлыми кусками плотно, шерсть, шелкъ. Юта уже давно знаетъ о томъ, что ея жениха зовутъ Шлема-Давидъ, что онъ большой ученый, какъ самъ равви. Онъ немного крупнѣе и выше ея, но очень худъ и блѣденъ: ученые всѣ слабы, и когда Шлема-Давидъ приходитъ къ нимъ обѣдать, то ему даютъ много молока.

А онъ, въ самомъ дѣлѣ, необычайно талантливъ: острымъ умомъ своимъ онъ проникаетъ во всѣ тонкости талмудической казуистики; но сердца нѣтъ у него. Талмудъ служитъ ему лишь орудіемъ, чтобы возвыситься надъ другими; въ сущности, его нисколько не интересуютъ вопросы мышленія и морали. Онъ любитъ поѣсть и попить; еще кой-какіе грѣхи водятся за нимъ, — сатана еще не покинулъ его.

Ликуйте, веселитесь, небеса и земля! День свадьбы, наконецъ, наступилъ... Жители мѣстечка и окрестностей никогда еще не видали такого торжества... Водка и вино льются ведрами, птицъ рѣжутъ десятками. Волъ, быкъ, два барана и три козы истекаютъ кровью. Печь топится,

какъ пекло, и въ ней жарять и варять... Жители окрестностей, мужчины, женщины и дѣти ѣдятъ, пьютъ и галдятъ... Музыканты играютъ... Льются звуки заунывные, какъ завываніе вѣтра въ осеннюю ночь. Больше всѣхъ плачетъ и заливаётся скрипка... Юта не знаетъ, что съ ней творится. Она переодѣвается три раза въ день. Мать ее цѣлуетъ, а у самой капаютъ слезы... Въ залѣ играютъ и танцуютъ... Они объ руку... На лицо спущена фата... Ноги подкашиваются... Они кружатся, кружатся... Равви благословляетъ... Бокаль разбить... Вотъ она сидитъ съ «нимъ» за столомъ... Какой желтый супъ! Куски жира такъ и плаваютъ на поверхности! Тамъ всѣ веселятся, танцуютъ. «Его» и ея родня... Она стоитъ посреди комнаты и держится за одинъ конецъ полотенца; за другой держится ея отецъ, мать, родственники, другъ возлѣ друга. Они кружатся вмѣстѣ съ ней, и «онъ» танцуетъ... Благословенъ Всевышній! Это канторъ благословляетъ гостей.

Потомъ она ничего не видитъ... Они одни въ комнатѣ. Свѣча еще горитъ... гаснетъ... потухла...

Наступило утро. Солнце проснулось послѣ долгаго сна и наполнило природу утренней свѣжестью. Вмѣстѣ съ солнцемъ проснулись рѣчка, мостъ, окружающія домъ сосны и погнувшаяся отъ старости мельница; срубленные и приготовленные для кущи деревья влажны отъ выпавшей за ночь росы. Ванька уже давно всталъ и купаетъ лошадей; большой сѣрый котъ расположился на сломанномъ жерновѣ и, шурясь, оглядывается.

Гости устали отъ вчерашняго; у всѣхъ болятъ ноги. Нѣкоторые наскоро проглатываютъ молитву, чтобы опять приняться за водку и сласти; Шлема въ черномъ сюртукѣ сидитъ задумавшись. Онъ усталъ? Нѣтъ, Боже сохрани! Еврею нельзя уставать отъ богоугоднаго дѣла... Онъ задумчиво смотритъ вдаль и качаетъ головой... Онъ вспоминаетъ далекое прошлое, когда онъ женился... Вче-

рашняя скрипка запала ему въ душу... Юта еще ребенокъ.... Давидъ-Шлема уже не молодъ и слабъ....

Служанки моютъ и чистятъ, печь еще разъ топится, старушка еле плетется туда и сюда, музыканты настраиваютъ инструменты — они будутъ играть. Конечно, не теперь, а послѣ обѣда. Какой-то нищій ѣстъ бѣлую булку съ такимъ видомъ, какъ будто ему это случается дѣлать впервые въ жизни; ему даютъ еще курицы, рыбы, супу... Деревенскій канторъ благословляетъ собраніе...

Солнце уже поднялось высоко на небѣ; въ воздухѣ тепло. Сосны отбрасываютъ кружевную, слегка трепещущую тѣнь. Вышла маленькая дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ и глядитъ на вылитые помои: грязная вода течетъ извилистой лентой до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ на своемъ пути препятствія; потомъ дробится на мелкіе рукава и течетъ дальше; старый индюкъ важно топорщится — несчастный, онъ не знаетъ, что уже обреченъ на закланіе ко дню субботы.

Юта показала на порогѣ. Бѣлый платокъ прикрываетъ почти весь ея лобъ; она выглядитъ усталой... Туда, туда вдаль!.. Утро... что? Она опирается о косякъ двери... Земля какъ-будто убѣгаетъ изъ подъ ногъ... Это она была тогда? Какъ свѣтитъ солнце!.. Одинъ изъ музыкантовъ пробуетъ флейту: то-то-та. Звукъ дрожить... тише... умолкъ...

* * *

Цѣлыхъ десять лѣтъ мучилъ Шлема-Давидъ тестя и тещу; они его кормили, поили и одѣвали. У супруговъ уже было семь человѣкъ дѣтей, но Шлемъ-Давиду было не до нихъ. Онъ только тогда и вспоминалъ объ ихъ существованіи, когда Юта заболѣвала: тогда дѣти были ему въ тягость, ему надо было смотрѣть за ними, обувать и одѣвать ихъ каждое утро. Непристойно ученому заниматься такой простой работой, и онъ злился на стариковъ, какъ будто тѣ были виноваты въ этомъ. Свое ученіе онъ уже давно

забросилъ, хотя книги цѣлой грудой лежали у него на столѣ... Единственное, что ему нужно — это хорошо поѣсть и попить, и онъ не стѣсняется прикрикнуть, если кушанье почему-либо опаздывало... Старики уже хорошо знаютъ, кто мужъ ихъ единственной дочери, но боятся сказать что-нибудь про него даже въ его отсутствіи. Они не сомнѣваются въ провидѣніи Божиѣмъ... Его святая воля...

А Юта не любитъ оставаться одна со стариками, надо сдерживать боль въ сердцѣ... «Что съ тобою, доченька?» — а она молчитъ въ отвѣтъ.

Порою лишь, когда наболѣетъ душа, она садится на порогъ и смотритъ на чуждый ей теперь ручей... Въ дѣла мужа она не вмѣшивается и ничего ему не говоритъ: на то Божья воля!..

Дѣти вотъ маленькія... Исроэлька совсѣмъ слабый... Какая она мать? Вотъ ея мать, та... Но у той нѣтъ маленькихъ дѣтей... Развѣ поѣхать къ равви.... Мужъ смѣется надъ этимъ, а вѣдь онъ ученый... Ночью ей часто снится, что она съ нимъ разговариваетъ.

А Шлема-Давидъ ни о чемъ съ ней не говоритъ, онъ только спрашиваетъ и требуетъ... Онъ уже давно занимается различными дѣлами, то нѣсколькими сразу, то однимъ послѣ другого, и растратилъ свои и тестины деньги. Шлема-Давидъ даже однажды чуть всю мельницу не разорилъ своими предпріятіями, да хорошо, что старый Шлема воспротивился, не позволилъ зятю вмѣшиваться въ дѣла мельницы... Шлема-Давидъ тогда сильно разсвирѣпѣлъ, но сдержался... Куда онъ ни повернется, всюду лишь убытокъ, да убытокъ, а считаетъ онъ себя умнѣе всѣхъ. Берется онъ за все съ горячностью, затѣмъ остываетъ, а подъ конецъ бросаетъ совершенно; а деньги исчезаютъ понемногу... Онъ уже три раза, одинъ за другимъ, получилъ приданое и все это принесъ въ жертву спекуляціи.

День за днемъ проходили — и Шлемъ-Давиду стало тѣсно въ маленькой деревушкѣ. Горько и тяжело бѣднымъ

старикамъ при мысли о разлукѣ съ единственной дочерью. Но что подѣлать съ упрямымъ? Пришлось согласиться.

Три дня готовились къ отъѣзду. Во всѣхъ комнатахъ суетня, сундуки раскрыты, вещи вынимаются даже снизу. На расprostертыя на полу простыни наваливаются цѣлыя груды платья; нужныя и ненужныя вещи связываются во всевозможные узлы и тюки; старая Зельда заглядываетъ во всѣ погреба и кладовыя и вытаскиваетъ оттуда все, что имѣетъ хоть какую-нибудь цѣнность для Юты. Всѣ заняты, всѣ суетятся, бѣгаютъ, помогаютъ, укладываютъ... Три телѣги, нагруженныя всякимъ скарбомъ, стоятъ передъ домомъ... Тяжелый мигъ разлуки... Ванька уже сидитъ на первой телѣгѣ, шапка у него на бекрень; «тсс, но-о». Онъ замахивается кнутомъ на лошадей — разъ, два, три... Лошади тронулись....

Странной показалась Ютѣ жизнь въ городѣ. Все какъ-то иначе: нѣтъ здѣсь ручья, нѣтъ сосенъ. Путья для кущи связаны въ маленькіе пучки; ихъ продаетъ мужикъ за нѣсколько копѣекъ и немилосердно сбрасываетъ ихъ съ телѣги на землю. Мужчинамъ вѣчно некогда: они не ходятъ, а бѣгаютъ; бабы кричатъ. Съ восходомъ солнца вылѣзаютъ и дѣтишки изъ своихъ норокъ, и ихъ лица и рубашонки всѣ въ пыли. Дождь не освѣжаетъ землю, и даже утро наступаетъ здѣсь позже... Мальчишки удираютъ при одномъ видѣ собаки... Воду отмѣриваютъ ведрами и продаютъ за деньги...

Когда у нея есть свободное время, она садится у окна; мужа цѣлый день нѣтъ дома.

Отецъ купилъ имъ этотъ домъ, въ которомъ они живутъ, и обставилъ его. На счетъ раби Шлемки же учатся и одѣваются дѣвочки. Мать посылаетъ имъ каждую недѣлю птицъ, рыбу, муку, картофель, зелень и различныя сласти, и Шлема-Давидъ очень сердится, если онѣ оказываются невкусными...

— Нѣтъ счастья зятю раби Шлемки! — говорятъ люди, но считаютъ его всетаки состоятельнымъ человѣкомъ. Шлемы-Давида не уважаютъ: его боятся.

Когда всѣ его предпріятія рухнули, тестъ началъ ему выдавать ежемѣсячное пособіе; тѣмъ временемъ и онъ себѣ приискалъ занятіе: началъ давать уроки. Юта сначала немного стыдилась... Но вѣдь онъ не простой учитель, онъ занимается философіей съ двумя молодыми людьми. А старики уже не такъ щедры, какъ раньше, — источникъ изсякъ. Иногда, во время разговора, кто-нибудь изъ нихъ нѣтъ, нѣтъ, да и вздохнетъ. Что значитъ человѣкъ безъ надежды?

И вотъ, когда прекратились богатые подарки тестя, Шлема-Давидъ отвернулся отъ своей доброй подруги и началъ ее, самъ того не подозревая, терзать. Иногда онъ появлялся домой навеселѣ и хвастался, что можетъ выпить неимоверное количество водки.... Едва же жена начала ему мягко выговаривать за это, онъ приходилъ въ ярость, кричалъ и называлъ ея отца дуракомъ... Объ успѣхахъ мальчиковъ онъ очень мало заботился, выслушивалъ ихъ рѣдко, больше въ шутку; а на дѣвочекъ не обращалъ никакого вниманія; онъ думалъ только о себѣ.

А Юта, между тѣмъ, родила еще разъ. Роды были тяжелые, и выздоровѣвшая Юта очень мало походила на прежнюю, — молодую и красивую. Это было еще въ то время, когда у Юты была служанка. Шлемъ-Давиду она приглянулась. Однажды, зачѣмъ вамъ это рассказывать? Юта долго, долго рыдала укладкой.

Когда Шлемъ-Давиду нечего дѣлать, онъ ни съ того, ни съ сего, начинаетъ бить дѣтей. . . Однажды, онъ даже всю посуду разбилъ отъ ярости. А жена ему ничего не говорила; когда же старики пріѣзжаютъ въ городъ и разспрашиваютъ про ея житье-бытье, она только смѣется и говоритъ: «ничего!»

... Старики умерли; старуха умерла раньше мужа. По духовному завѣщанію нѣкоторыя вещи были розданы нищимъ, небольшой капиталъ переданъ городу для дѣлъ благотворительности, а остальное промоталъ Шлема-Давидъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Пока еще было кое-что изъ наслѣдства, они жили, ни въ чемъ себѣ не отказывая; потомъ, когда наличныхъ денегъ уже не было, Шлема-Давидъ началъ продавать и закладывать вещи.

Прежде всего были уничтожены драгоценности, потомъ наступила очередь серебра и, наконецъ, всего того, что только можно было продать.

Шлема-Давидъ началъ пить еще больше. Онъ зналъ, что скоро будетъ проѣдено все, и онъ и его семья останутся безъ всякой опоры и помощи и, одержимый какой-то злой силою, торопился приблизить это время.

А Ютѣ тяжело разставаться съ вещами, которыя ея родители копили всю жизнь. Безсознательно чувствуетъ она въ нихъ частичку души дорогихъ стариковъ; съ ними связано столько воспоминаній.

Но что ей тяжело, то Шлемѣ-Давиду легко. Онъ очень сердится, когда узнаетъ, что Юта прячетъ отъ него что-нибудь; однажды онъ чуть не ударилъ ее за это.

Такъ, одна за другой, исчезли всѣ вещи. Осталось всего два мѣдныхъ рукомошника изъ цѣлаго ряда старинныхъ массивныхъ тазовъ, украшавшихъ нѣкогда полку въ залѣ. Тазы эти служили Ютѣ воспоминаніемъ о старикахъ, гордившихся ими какъ богатствомъ. Ярко вычищенные и блестящіе, они радовали взоръ посѣтителя и напоминали о добромъ старомъ времени.

Одинъ рукомошникъ былъ проѣденъ въ недѣлю, а черезъ недѣлю и еще три дня пробилъ часть и второго, послѣдняго.

Юта нѣсколько разъ порывалась просить мужа оставить послѣднее достояніе, не трогать его. «Это мой долгъ передъ покойными родителями!» — думала она и хотѣла сказать это мужу. Но слова застывали у нея на устахъ, едва только она взглядывала на его красное лицо и злые глаза.

Шлема-Давидъ спряталъ тазъ подъ полу и съ какимъ-то дикимъ смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ мстителя, побѣждалъ въ ссудную кассу. А Юта сидѣла, глядя ему вслѣдъ... Въ груди ея подымались рыданія, на глазахъ показались сдерживаемыя слезы. Богъ вездѣсущъ, да будетъ Его святая воля!..

Она оперлась о косякъ двери и приложила руку къ наболѣвшей груди. Дѣло было послѣ обѣда. Дѣти ушли изъ дому, на дворъ — ни души. Часы ударили разъ, два, три и прервали гнетущую тишину... Юта не выдержала и зарыдала...

Лопнувшія струны

Когда въѣзжаешь въ украинскій городъ Умань, то поднимаешься все въ гору да въ гору. Дома высятся одинъ надъ другимъ, а улицы тянутся безконечной вереницей одна выше другой. Всѣ улицы ведутъ наверхъ, къ центру города. А тамъ, наверху, и сосредоточилась жизнь всего города: тутъ и базарная площадь, и городская ратуша, и большіе магазины, и извѣстныя гостиницы, и именитая Тальновская молельня, и большая синагога, и великолѣпный костелъ. Раскидистые бульвары и скверы украшаютъ улицы. Вся мѣстная знать и всѣ богачи города живутъ здѣсь, въ центрѣ; тутъ же и всѣ общественныя зданія и правительственныя учрежденія: и окружный судъ, и театръ, и почта, и казначейство, и высокая башня съ городскими часами. А сколько здѣсь всякаго народу! Со всѣхъ сторонъ съѣзжаются крестьяне и евреи изъ окрестныхъ городковъ; извозчики снуютъ по мостовой; вверхъ и внизъ тащатся дроги, нагруженные товарами. Здѣсь каждый день точно ярмарка. Повсюду вертятся факторы; мужики въ мѣховыхъ полушубкахъ и въ шапкахъ со смушками разгуливаютъ съ кнутами въ рукахъ; то и дѣло слышишь: «квасу купите, калачей!» Приказчики хватаютъ тебя за полы; кабаки и трактиры полны народу; огромные самовары разставлены на столахъ посреди улицы, и хохлы въ широкихъ шароварахъ и надѣтыхъ поверхъ ихъ рубахахъ продаютъ чай. Слепые нищіе сидятъ на землѣ и играютъ на кобзахъ, читаютъ молитвы и просятъ подаенія. Вотъ съ пѣніемъ и барабаннымъ боемъ проходятъ солдаты, а за ними гурьбою бѣгутъ ребята-тишки. Когда наступаетъ полдень и башенные часы бьютъ

двѣнадцать, имъ со всѣхъ церквей и монастырей отвѣчаетъ колокольный звонъ. А по вечерамъ, когда на улицахъ зажигаютъ фонари, а изъ оконъ домовъ льются потоки свѣта, забываешь вовсе, что и ночь на дворѣ. Когда идетъ дождь, то онъ лишь оmyваетъ камни, а четверть часа спустя все ужъ такъ сухо, что любо посмотреть. Шутка-ли сказать — Умань! Вѣдь это лучший уѣздный городъ Кіевской губерніи!

Но если отъ моста повернуть направо, то дорога пойдетъ внизъ, подъ гору; лошадей придется тутъ сдерживать, чтобъ онъ не понесли. Здѣсь улицы пустынные и рѣдки, дома по-деревенски окрашены въ голубой и желтый цвѣтъ, крыши сложены изъ красныхъ черепицъ, а ставни въ окнахъ зеленныя, какъ въ былыя времена. Это какъ бы отдѣльный самостоятельный городъ. Не только пріѣзжіе, но и многіе изъ коренныхъ жителей ни разу не были тамъ, въ старомъ городѣ. И если кто-нибудь невольно забредетъ туда, — не миновать ему бѣды. Тамъ-то и селятся рѣзники, возницы, носильщики, и, говорятъ, — даже воры. Тутъ и городская больница, ветхая, полуразвалившаяся баня и старая синагога. Тутъ же, наконецъ, проживала и городская «капелла», о которой я и хочу вамъ рассказать.

Сначала извѣстно было имя одного только скрипача — Рувима, главы всей «компаніи». Онъ не бралъ меньше ста рублей за вечеръ и игралъ на свадьбахъ только у очень богатыхъ и знатныхъ людей, напр. у цадиковъ и у «пановъ». Рувимъ былъ маленькій рыжій еврей. Все его богатство составляла его скрипка. Но что это была за скрипка! Стоило ему только дотронуться до ея струнъ, — и онъ играли сами собой. Когда онъ, увлекаясь, начиналъ играть на одной верхней струнѣ, то сердца слушателей таяли отъ восторга и умиленія. Рассказываютъ, что однажды онъ игралъ на богатой свадьбѣ; въ числѣ гостей былъ извѣстный доносчикъ, котораго пригласили только оттого, что боялись его. Рувимъ былъ тогда особенно въ ударѣ, и его игра такъ подѣйствовала на душу грѣшника, что онъ сталъ другимъ человѣкомъ. .

Когда знаменитый Педоцуръ впервые услыхалъ его игру, онъ сразу предсказалъ ему великую будущность. И дѣйствительно, кто хоть разъ слыхалъ его, тотъ никогда не забывалъ этой игры. Слава о немъ все росла и росла, и на тридцать миль въ окрестности гремѣло имя его. И не было такого богача или даже зажиточнаго домохозяина, который сыгралъ бы свадьбу своей дочери, не пригласивъ Рувима. Ужъ если приведетъ Господь выдать на радостяхъ дочку замужъ, то какъ же не поступить по-людски, по-порядочному, т. е. какъ обойтись безъ Рувима? Если случалось, что отецъ былъ по уши въ долгахъ, или ему просто жаль было вынуть сторублевку для Рувима, то невѣста и мать до тѣхъ поръ плакали и умоляли, пока имъ не удавалось настоять на своемъ. Не разъ приходилось посылать за нимъ нарочнаго, когда онъ, пользуясь своимъ положеніемъ, отказывался играть. Да и въ самомъ дѣлѣ, онъ служилъ лучшей приманкой для гостей. Подъ его игру все казалось свѣтлѣе и лучше: и угощеніе богаче, и пляски живѣй, и настроеніе радостнѣе! Когда онъ затынетъ, бывало, Колъ-Нидре или другую заунывную пѣснь, то сладко становится на душѣ и забываешь про житейскія невзгоды! А когда онъ, бывало, въ полночный часъ провожаетъ жениха къ свадебному пиру, — о, тогда въ игрѣ его слышатся всѣ неуловимыя, сокровенныя движенія человѣческой души: и безотчетная юношеская печаль, и святыя муки сомнѣній, и блаженство первой любви. . .

Но — увы! Нѣтъ ничего вѣчнаго подъ луною. Когда слава Рувима достигла апогея и онъ считался всюду первымъ скрипачомъ, которымъ дорожили знатоки и простой народъ, рѣдко, впрочемъ, устаивавшійся милости слушать его, — именно тогда вдругъ повернулось колесо фортуны. На горизонтѣ музыкальнаго міра появилась новая звѣзда. Прошелъ слухъ о новомъ скрипачѣ, Симонѣ. Сначала никто не смѣлъ

признать за нимъ таланта, и всякій готовъ былъ драться за честь стараго главаря «капеллы». Но вскорѣ имя Симона стало извѣстно по всей окрестности, и его начали приглашать даже въ Кіевъ, къ Бродскому. Знатоки стали поговаривать, что Рувимъ, правда, хорошій скрипачъ, но до Симона ему далеко. Самъ Рувимъ былъ пораженъ игрой его. . .

И слава Симона все возрастала, и все рѣже слышалось имя Рувима. Прежде гордый и неприступный Рувимъ, удаившій своей милости лишь богачей и знать, сталъ теперь музыкантомъ на свадьбахъ у простого народа. Капелла его стала распадаться: музыканты, не получая жалованія, уходили одинъ за другимъ, и при немъ осталось лишь пять чело-вѣкъ, самыхъ вѣрныхъ почитателей его. Правда, были еще люди, не признававшіе иной игры, кромѣ Рувимовой, но прежняя слава его померкла. Симонъ покоришь сердца всѣхъ. Такъ-то невѣдомый пришлецъ снискалъ милость толпы и вытѣснилъ артиста, которому въ теченіе долгихъ лѣтъ внималъ и старъ и младъ. О, непостоянство судьбы!

Около того времени случилась свадьба въ домѣ перваго Уманскаго богача, Саула Этингера. Всѣ были увѣрены, что играть будетъ новый скрипачъ. Но Рувимъ былъ стариннымъ другомъ семьи; онъ велъ къ вѣнцу самого Саула и старшихъ сыновей и дочерей его. Старикъ хотѣлъ и въ сей разъ позвать Рувима, но молодежь, не питающая благоговѣнія предъ сѣдинами, и женщины, слѣдующія однимъ лишь повелѣніямъ моды, настояли на томъ, чтобъ игралъ Симонъ. Тяжело было старику обидѣть Рувима, и, чтобы помирить обѣ стороны, рѣшено было, что Рувимъ будетъ играть на дѣвичникѣ, а Симонъ поведетъ молодыхъ къ вѣнцу.

И вотъ насталъ канунъ свадьбы. Начались танцы. Рувимъ велѣлъ играть своему помощнику, самъ же отошелъ въ сторону. Но когда гости усѣлись за длинные столы, сверкавшіе золотомъ и серебромъ, онъ всталъ, вытеръ лобъ платкомъ, положилъ скрипку на плечо, взмахнулъ смычкомъ и заигралъ. Какъ передать мнѣ словами эту музыку? Люди,

помнившіе его еще юношей и привыкшіе съ давнихъ поръ слышать его, увѣряли, что подобной игры они не слышали. Сердца слушателей отверзлись незримой силой: забыты тревожныя мысли, забыты мірскія дѣла. Чего только не слышалось въ этой пѣснѣ? Всю вѣковую народную скорбь, все безысходное горе Израиля — все передавала она. Все задушевноѣе, все глубже становится игра Рувима. Гости сидятъ, какъ прикованные. Скрипка рыдаетъ, смѣется, поетъ . . . И предсталъ предъ ними весь жизненный путь стараго скрипача: вотъ бурная молодость, увѣнчанная побѣдами, радостное упоеніе славою и гордое сознаніе силъ своихъ; а потомъ внезапный поворотъ — тяжелая доля забытаго толпою артиста. Это была его послѣдняя исповѣдь: скрипка рыдала и стонала и скорбно молила Бога . . . Прошелъ часъ, второй; слушатели сидятъ, какъ очарованные. Уже свѣтлѣетъ; въ большихъ окнахъ началъ играть бѣлесоватый отблескъ зари; догорающія свѣчи стали потухать. Вдругъ въ напряженной тишинѣ послышался трескъ лопнувшей струны. За первой лопнула вторая и третья, а игра все продолжалась. Но вотъ лопнула послѣдняя струна, и скрипачъ безъ чувствъ упалъ на полъ . . .

Когда на слѣдующій день Симонъ провожалъ невѣсту къ вѣнцу, на другомъ концѣ города медленно подвигалось погребальное шествіе: то хоронили Рувима.

Миръ праху его!

Страшная повѣсть про несчастнаго, поднявшаго руку на отца

Я и самъ не повѣрилъ бы этому, еслибъ не узналъ всего отъ него самого. Кто прочтетъ этотъ разсказъ, тотъ убѣдится, какая странная штука — эта жизнь человѣческая...

Дѣло было въ прошломъ году лѣтомъ. Когда я пришелъ въ молельню, служба была ужъ окончена. Я началъ молиться, но все никакъ не могъ сосредоточиться. Хожу взадъ и впередъ по комнатѣ, не переставая думать. Останавливаюсь на минуту у книжнаго шкапа и мимоходомъ вижу, какъ шалуны-мальчишки бросаютъ другъ въ друга молитвенниками. Вдругъ взоръ мой остановился на какомъ-то человѣкѣ, сидѣвшемъ у печки. Сразу можно было узнать по немъ, что онъ не здѣшній. По виду онъ не торговецъ и не простой нищій. Я возвратился на свое мѣсто и продолжалъ, было, молиться, но мысли мои все вертѣлись около странника. Вотъ я дошелъ ужъ до вечерней молитвы. Еслибъ я зналъ, что не смущу его, я пригласилъ бы его къ себѣ поужинать. Молюсь дальше и все стараюсь кончить поскорѣе. Наконецъ, я скидываю молитвенный плащъ и подхожу къ незнакомцу. Онъ встаетъ, не говоря ни слова, и идетъ за мной. По дорогѣ я подумалъ, что онъ, должно быть, издалека. Дома я внимательно присматриваюсь къ тому, какъ онъ совершаетъ предобѣденное омовеніе и читаетъ молитву. Сынокъ мой, мальчикъ двухъ лѣтъ, котораго мы ужъ сажаемъ за столъ, вдругъ расплакался, увидя незнакомца. Ёль мой гость немного. Не знаю, почему, но я не спросилъ у него, откуда онъ; о себѣ же я прямо сказалъ ему,

что я изъ Меджибожа. Когда мы кончили молитву послѣ ѣды, я попросилъ его перейти въ сосѣднюю комнату. Жена у меня гостепріимная: не прошло и четверти часа, какъ на столѣ появился чай. — Пейте, дядюшка. — А жена ваша изъ тѣхъ же краевъ? — Нѣтъ, она изъ Сидилкова. Когда онъ выпилъ стаканъ чаю и убѣдился, что въ комнатѣ никого нѣтъ, онъ началъ свой разсказъ.

— Такъ и быть, разскажу вамъ всю правду. Вамъ, должно быть, хочется узнать, кто я. Я — бѣглець. Вотъ ужъ двадцать лѣтъ прошло, какъ я бѣжалъ изъ своей родины. Если вы меджибожець, то вѣрно слышали про Вольфа, сына Таубы, которому принадлежалъ почти весь городъ Хонородъ, мельницы и винокуренный заводъ. На него однажды напали его собственныя дѣти, и онъ подалъ на нихъ въ судъ. Такъ вотъ, я сынъ его. Вамъ страшно слушать это, не правда ли?

— Разсказывайте дальше.

— Вамъ не вѣрится, чтобъ нѣчто подобное могло случиться. Да, разныя бываютъ сердца въ людяхъ. Еслибъ вы знали моего отца! Не человѣкъ, а дубъ! О, онъ умѣлъ настоять на своемъ. Помню еще съ дѣтства, какой ужасъ онъ внушалъ мнѣ, тогда еще мальчику. Когда умерла мать, онъ взялъ въ руки палку и сказалъ: пусть только свать осмѣлится переступить порогъ моего дома, я ему ребра переломаю. Насъ осталось семеро братьевъ и двѣ сестры. Я былъ самый старшій и долженъ былъ каждый день два часа работать у него въ конторѣ. Вы должны были бы видѣть, какъ онъ говорилъ съ паномъ, когда у того было дѣло къ нему. Стоить, бывало, да такъ и тянетъ изъ него душу, вы думаете по злости, нѣтъ: пусть тотъ-де знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, и не задираетъ носа. Развѣ у меня къ нему дѣло? Вѣдь онъ пришелъ ко мнѣ.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ; вдругъ я узналъ, что меня женятъ. Отецъ рѣшилъ взять мнѣ въ жены красивѣйшую и знатнѣйшую изъ дѣвицъ, не ради меня, не ради моего личнаго блага, а лишь изъ-за самолюбія: пусть знаютъ всѣ, что для Вольфа нѣтъ ничего недостижимаго, даже царскій порогъ. Не-

вѣста, которую мнѣ выбрали, была внучкой знаменитаго Якова-Іосифа Альперина. Отецъ хотѣлъ предстать во всемъ блескѣ: золото лилось рѣкой. Старикъ поѣхалъ на смотрины въ каретѣ, запряженной четверкой огненныхъ рысаковъ. Меня оставили одного дома дожидаться . . .

Сказываютъ люди, она ему самому тогда понравилась. Какъ это случилось, я и самъ не знаю. Какъ бы то ни было, а отецъ мой, пятидесятилѣтній старикъ женился на ней, суженной моей. Вотъ вамъ и отецъ! Мнѣ дали двѣ тысячи отступного, то есть, не дали мнѣ ихъ собственно въ руки, а положили для меня въ банкъ, а меня самого услали къ дядѣ въ другое село, подальше отъ глазъ. Всю дорогу я былъ самъ не свой и даже не понималъ, что со мной. Но когда я пріѣхалъ туда и выбѣжалъ въ поле, изъ груди моей вырвалось рыданіе. Съ этого дня въ моемъ сердцѣ зародилась вражда къ отцу.

Тетка все тужила, что я ничего не ѣмъ. Уныніе овладѣло мной, и по цѣлымъ днямъ я шатался по мельницѣ. Мельникъ бывало говоритъ мнѣ: чего тебѣ здѣсь маяться, Берль! Поѣхалъ бы лучше домой къ отцу!

Тогда-то я услышалъ, что она ужъ пріѣхала. Звали ее Рахилью. Она была, какъ говорили, красоты неземной, ослѣпительной. — Была лѣтняя ночь. Я вышелъ на дорогу. Меня влекло и манило въ даль какой-то неумолимой силой. Развѣ я не живое существо? И Богъ на небѣ и ангелы видятъ это беззаконіе и молчатъ? Я, Берль, сынъ Вольфа, долженъ влачить жалкое существованіе у дяди, гдѣ-то у рѣчки. Если я не сошелъ тогда съ ума, то развѣ только чудомъ.

Спустя два года я увидѣлъ ее. Я стоялъ и смотрѣлъ, какъ мужики молотили. Молотилка вертѣлась и солома кружилась въ воздухѣ, какъ снѣгъ во время метели. Вдругъ подъѣхала коляска, запряженная двумя лошадьми, и изъ нея выскочила женщина. Кругомъ все засіяло. Я какъ-то ничего не поминалъ и сталъ кричать такимъ голосомъ, будто рехнулся. Помню, какъ много рукъ схватили меня и отнесли въ сторону. —

Когда я очнулся, было утро. Я лежалъ въ комнатѣ дяди; голова трещала.

— А чѣмъ все кончилось? — спросите вы.

Я сталъ женихомъ. Дядя и тетка уговорили меня: будетъ тебѣ сидѣть и скорбѣть. Женись и обзаведись семьей. — Они поѣхали со мной къ вѣнцу. Послѣ вѣнчанія я посмотрѣлъ: тощая дѣвушка, но кажется добрая. Она мнѣ понравилась.

Мнѣ дали хорошую должность на мельницѣ. Я работалъ, какъ волъ, и некогда было задумываться. Но если иногда приходилось вставать ночью и ходить на мельницу, мнѣ становилось такъ жутко, что сердце замирало. А когда шелъ дождь, во мнѣ поднималась злоба на отца. —

Сыночекъ былъ у нихъ, сорвиголова; купали его въ молокѣ и все прощали ему. Когда онъ подросъ, то вѣчно скакалъ на лошади и повѣсничалъ. Я ненавидѣлъ его, какъ гада. Завидѣвъ его издалека, я оставлялъ мельницу и забивался въ домъ. Это былъ настоящій разбойникъ; все онъ долженъ былъ перевернуть вверхъ дномъ, и никакіе крики не помогали: вѣдь у него власть, и отецъ на его сторонѣ. Старый развратникъ! Я ужаснулся, поймавъ себя на этой мысли.

Мое униженіе я простилъ бы ему, но дѣти, чѣмъ они виноваты! Она, эта тварь, не пускаетъ ихъ на порогъ. А онъ? И это называется дѣдушка. Такой богачъ! Ей онъ покупаетъ серебряныя пряжки, а для внуковъ не хватаетъ на гостинцы!

Жена моя — хорошая женщина и не даетъ злобѣ разгорѣться во мнѣ. Но я замѣчаю, что и ей это причиняетъ страданіе. Вы думаете, тутъ въ деньгахъ, дѣло? Плевать мнѣ на его деньги. Но чувство, — вѣдь онъ дѣдушка! Кровь во мнѣ кипитъ, когда я вспоминаю про него.

Ненависть все болѣе разгоралась въ моемъ сердцѣ. Пришлось много вытерпѣть и остальнымъ братьямъ. Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ поскорѣе, имъ давалось приданое, а тамъ и дѣла нѣтъ до нихъ. А слова сказать противъ этого нельзя, потому что, вѣдь, Іоська, этотъ пострѣлъ, хозяинъ въ домѣ и

властелинъ надъ ними, какъ будто они не его братья. Старшая сестра вышла замужъ за чужака; мужъ ея, — человѣкъ богатый, но противный. Мужъ другой сестры былъ парень крѣпкій и работалъ въ лѣсу.

Когда мы, бывало, съѣзжались вмѣстѣ на свадьбы или на семейномъ пиру, (они, аристократы, не устаивали насъ своимъ присутствіемъ, или уѣзжали въ Кіевъ кутить), о, мы проглотили бы ихъ тогда всѣхъ сразу, еслибъ могли! Мой шуринокъ горѣлъ постояннымъ огнемъ, и когда онъ однажды выпилъ лишнюю рюмку, онъ сказалъ: Я вымещу на нихъ свою злобу; я распилю ихъ на мелкіе кусочки! — Хмель, какъ видно, дѣйствовалъ на него. Я также сталъ наливать себѣ рюмку за рюмкой и запивать злобу.

Когда они ушли, жена взяла меня за руку и сказала: Послушай, Берль, перестань ты водиться съ Гедальей (такъ звали моего шурина). Изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. — Я хочу отомстить ему! — кричу я. — Богъ съ тобой, Берль, опомнись. — Она мнѣ зажимаетъ ротъ. Ты убиваешь меня такими рѣчами. Вспомни Творца, ложись спать. — Она опустилась на скамью и заплакала: Господи, за что ты привелъ меня межъ такихъ людей! —

Такъ прошло лѣто. Вдругъ мы узнаемъ, что онъ намѣренъ переписать имѣніе и все достояніе на имя своего ненагляднаго наслѣдника, а насъ всѣхъ обойти. Конечно, мы ужъ давно ожидали чего-либо подобнаго, но это извѣстіе поразило насъ, какъ громомъ. Мы то и дѣло бѣгали другъ къ другу и клялись обратить въ прахъ его домъ и не допустить до такого беззаконія. Мой шуринокъ ударялъ кулакомъ по столу такъ, что рука у него распухла. Третій братъ хранилъ злобу про себя, но былъ человѣкъ богобоязненный, и когда увидѣлъ, что мы ужъ не разъ нарушили заповѣдь: не проклинай отца твоего и мать твою, онъ отошелъ отъ нашей компаніи. Я же съ остальными дѣйствовали заодно.

Мы съ братомъ и шуриномъ рѣшили скрыть все отъ женъ, и однажды, зная, что королева съ наслѣдникомъ уѣхали, а

старикъ остался дома одинъ, отправились туда. Мы переодѣлись въ крестьянскія шубы и высокіе сапоги, надѣли на уши мѣховыя шапки и вымазали лица сажей.

Я самъ себя не узналъ, когда опоясался зеленымъ поясомъ, взялъ палку въ руку и тяжело зашагалъ въ мужицкихъ сапогахъ. Шуринъ, не переставая, пилъ водку. Хацкель, мой младшій братъ, смотрѣлъ на меня такими глазами, словно видѣлъ меня впервые.

Была темная ночь. Мы запрягли двухъ лошадей, я держалъ вожжи. Дорога шла подъ гору. Земля мчалась вмѣстѣ съ нами. Я думалъ, что небо раскалывается. Когда я былъ мальчикомъ, я читалъ въ Пятикнижii, что евреи вели войны. А я сидѣлъ теперь на козлахъ, и меня лихорадило. Стрѣляютъ. Что-то черное виднѣется, ужъ не человѣкъ ли? Лошади всполошились. Намъ казалось, что кости наши ломаются. — Гедалья, — отзывается я. Прежде чѣмъ я доскалалъ, мы были ужъ почти у воротъ. Весь дворъ спалъ. —

Разсказчикъ остановился и выпилъ воды. Съ лица его катился потъ. Вошла моя жена и спросила о чемъ-то меня.

— Мой шуринъ душилъ его, — продолжалъ онъ, когда жена вышла. Я былъ какъ во снѣ. Въ рукѣ я держалъ зажженную восковую свѣчу. Вдругъ старикъ вытащилъ изъ-подъ подушки что-то черное и выстрѣлилъ. Братъ, убѣгая, перепрыгнулъ черезъ заборъ и сломалъ ногу. Шуринъ цѣлые годы томился въ тюрьмѣ. Я оставилъ жену и дѣтей и до сего дня скитаюсь по міру.

Кузнецъ

(Исповѣдь убійцы)

Я написалъ эту повѣсть вамъ въ поученіе и въ назиданіе. Онъ самъ все мнѣ разсказалъ, когда вернулся оттуда. Почернѣвшее лицо его съ жесткой, немного посѣдѣвшей, подстриженной бородкой, выражало твердость и силу характера. Помнится, я видѣлъ ужъ когда-то это лицо; это было въ дѣтствѣ. Но не въ этомъ теперь суть. Пусть онъ лучше самъ про себя разсказываетъ.

Мы ѣхали вмѣстѣ изъ Балты. Онъ сидѣлъ въ повозкѣ, противъ меня, зарывшись спиною въ сѣно, и, казалось, о чемъ-то думалъ. Еще одинъ пассажиръ спалъ на возу, скорчившись такъ, что жалко было на него смотрѣть. Ямщикъ, крѣпкій малый, съ красной загорѣвшей шеей, тихо погонялъ лошадей; сзади, на его армякѣ, виднѣлась треугольная заплата, которая постоянно возбуждала во мнѣ желаніе ткнуть въ нее палкой. Я начинаю считать въ умѣ, сколько разъ восемнадцать заключается въ тысячѣ. Беспорядочныя мысли кружатся въ моей головѣ. А мой каторжникъ все сидитъ да молчитъ. Мы проѣзжаемъ черезъ деревню. Вотъ мы ужъ у заставы. Онъ вынимаетъ изъ кармана кисетъ съ махоркой и крутитъ въ рукахъ папироску. Я не могу смотрѣть, какъ онъ склеиваетъ ее слюной. Нѣтъ-ли спички, дяденька? Я даю ему спички. Онъ закуриваетъ папироску и вдругъ вступаетъ со мной въ разговоръ, какъ-будто мы давно-давно знакомы.

— Узнаете ль вы меня? Я — Фишель, кузнецъ. Васъ ужъ не было дома, когда я переѣхалъ на жительство въ Дашевъ. Отецъ мой тоже былъ кузнецомъ. Не знаю, смыслите

ли вы что-нибудь въ этомъ мастерствѣ. Кузнецъ это не то, что портняга или сапожникъ. Столяръ, видите ли, тотъ хоть лѣтомъ работаетъ въ сѣняхъ, а тѣ что жъ? Корпятъ вѣчно въ избѣ да то и знаютъ, что мигать иглой, да постукивать молоточкомъ. Нашъ же братъ стоитъ весь день въ кузницѣ, зимой и лѣтомъ чуть взойдетъ заря. Кузница моя стоитъ на самой окраинѣ города, почти у заставы. Тутъ-то я и работаю. Пробовали ли вы раздувать огонь мѣхами? вотъ раздолье! а ударять молотомъ по наковальнѣ — просто душа радуется. Какъ я могъ прожить тамъ годъ безъ работы, я и самъ не знаю. Потомъ ужъ давали работы намъ достаточно, но это не то, что у себя дома. Коня подковать и держать его, каналью, для этого пониманіе нужно. Видѣли-ли вы когда-нибудь раскаленное докрасна желѣзо? Кузница мнѣ во сто разъ милѣе избы. Въ субботу, правда, приодѣнешься по-праздничному, но нѣтъ тебѣ того удовольствія, какое испытываешь здѣсь, когда стоишь въ одной рубахѣ да штанахъ, бо-сой и весь черный какъ уголь.—Еслибъ къ тому еще та была хороша собой, то чего бы мнѣ оставалось желать? На жизнь я зарабатывалъ. Была бы только у меня работа, и я тогда царь и смѣюсь надъ всѣмъ. Чортъ ихъ дери, болвановъ да шевцевъ! плевать мнѣ на нихъ, дураковъ.—Одна бѣда: жена у меня была поганая, прямо тошно было на нее глядѣть. Тяжело мнѣ было жить съ ней всю жизнь, а подъ старость и еще противнѣе стало. Сижу я съ нею, бывало, ѣмъ, все нутро во мнѣ переворачивается. Взялъ я ее не по любви, а такъ, дали мнѣ за ней полсотни. Ребята померли у насъ еще маленькими, не любилъ я ихъ никогда.

Чтожъ, такова ужъ видно судьба. Быть можетъ, такъ бы и прожилъ я всю свою жизнь. Такъ надо же было старшему брату моему, вдовцу, жениться во второй разъ. Не то, чтобъ по сердцу пришлась мнѣ его жена: ужъ больно надменна была, но поглядѣть бы вамъ на нее, тополь да и только. Какъ увидѣлъ я ее, тутъ только понялъ, какъ гадка моя старуха. Засѣла мнѣ мысль въ голову, и никакъ ужъ ея не

вышибешь оттуда. Весь день просидѣлъ я въ кузницѣ и не могъ ни за что взяться: все только думалъ я думу. Не тѣ, чтобъ завидовалъ я брату, а такъ, невтерпежъ стала жизнь съ бабой, съ тряпкой. Отъ нечего дѣлать началъ я бить ногою о камень, лежавшій на землѣ у горнила. Вѣтеръ завывалъ въ трубѣ и, казалось, плакалъ, какъ живой. Вся-то бѣда въ томъ, что у человѣка глаза есть. Почему я знаю, что у другихъ не такъ, какъ у меня на душѣ, всей правды никто вѣдь не выскажетъ . . . Тутъ и она сама пришла, баба-то моя. Обѣдать мнѣ принесла въ кузницу. Какъ налила мнѣ похлебки изъ горшка, такъ и вскипѣлъ я весь. Чего она стоитъ тутъ, дубина? Взять бы тебѣ кусокъ желѣза, да и размозжить ей черепъ. Боже мой, разбойникъ я, что ли. Но что подѣлаешь съ такой тварью. «Ты какъ-будто разстроены, Фишель», говоритъ она. Такъ и взялъ бы миску и бросилъ бы ей въ голову. А она все еще стоитъ. Собака стала у двери и смотритъ въ кузницу; въ ярости бросилъ я кусокъ желѣза ей въ ногу и чуть не сломалъ ее. «Ради Бога, Фишель!» она схватила меня за руку. — Провались ты сквозь землю — закричалъ я на нее. О, я готовъ былъ схватить ее за горло и душиť ее: такая злоба одолѣла.

Однажды, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, сидитъ она вечеромъ за столомъ — и вдругъ разревѣлась. Я ей ни слова до того не сказалъ, сижу да думаю. Вотъ у Хаима жена померла, и у Рувима тоже, кабы и у меня. Вѣдь всяко бываетъ на свѣтѣ. Правда, жутко стало глядѣть на нее при этой мысли, но не могу никакъ отъ нея отдѣлаться: какъ будто сидитъ кто-то въ мозгу да твердитъ все одно и тоже. Она, видно, мучается чѣмъ-то, или ей страшно. Да мнѣ-то что за дѣло до нея? Пусть мучается. И радъ я, что она у меня въ рукахъ, и какъ захочу, раздавлю ее, какъ червя. Она перестала хныкать. Я сижу и молчу, лишь постукиваю стаканомъ по столу. У Янкеля, слыхалъ я, лошади взбѣсились и понесли. И коню, значитъ, прійдетъ разъ охота вырваться изъ узды. Чѣмъ моя жизнь краше, хоть и человѣкъ я, и разумъ есть у меня, если

я заживо похороненъ съ нею. Ужъ не глядѣлъ бы я на то, что не мила она мнѣ, но хоть бы приодѣлась она чисто, хоть бы кофта бѣлая была на ней, хоть бы зубы у нея во рту-то были. Вотъ мнѣ бы вдовцомъ быть, денегъ мнѣ не надо, а была бы баба у меня по настоящему, чтобъ было на что по-смотрѣть. Вы думаете — я сластолюбецъ? Боже упаси, но всякому вѣдь хочется, чтобъ сердцу было мило. Ужъ коли сидишь за столомъ, то по крайней мѣрѣ радуйся бабѣ, что обѣдать подастъ. Тарелка, ложка — все должно быть чисто. Въ кузницѣ, видите-ли, тамъ другое дѣло: тамъ все въ копоти, черно. Не кутила я, спросите кого хотите, но жерновъ у мельницы и тотъ не мелеть вѣчно...

Недокуренную папироску онъ ужъ давно отбросилъ. Онъ пересталъ рассказывать и лишь оглядывался по сторонамъ. Уши у него плачутъ. Мы ѣдемъ тихо. Я все думаю о томъ, что рассказалъ кузнецъ. Хотѣлось бы мнѣ дослушать его до конца. Но я ничего не говорю. Я жду...

Солнце стояло высоко на небѣ. Мы подъѣхали къ горѣ и остановились у корчмы. Ямщикъ выпрягъ лошадей и далъ имъ овса. Крестьянская телѣга стояла у воротъ. Я вылѣзъ изъ брички и сталъ глазѣть по сторонамъ. Ъсть захотѣлось. Въ котомкѣ, кажется, есть еще кусочекъ колбасы. Да, въ самомъ дѣлѣ, есть. Я зашелъ въ корчму и спросилъ у шинкарки булку и рюмку водки. За столомъ въ углу сидѣлъ старый мужикъ и сопѣлъ. Я выглянулъ черезъ окно. Годъ тому назадъ, когда я былъ въ Тетіевѣ, вѣтеръ унесъ мою шапку; пустяки запоминаются. Кузнецъ молча стоялъ у повозки, я пома- нилъ его пальцемъ. Онъ пришелъ и сѣлъ подлѣ меня. Ему подали селедки и хлѣба. Онъ усѣлся и, не прикасаясь къ ѣдѣ, вновь принялся рассказывать.

— Скажите, дяденька, вѣдь вы человѣкъ бывалый, правда ли, что Богъ караетъ или нѣтъ? Порою какъ-то вѣришь этому. Но еслибы Богу было угодно, то на землѣ могло бы быть совсѣмъ иначе. Сами вы посудите, неужели я долженъ былъ промучиться всю свою жизнь лишь оттого, что теткѣ

моей захотѣлось быть умницей и женить меня на этой женщинѣ. Она то что потеряла? Отчего жена моя не умерла въ сорокъ лѣтъ, когда она такъ опасно заболѣла? Погореваль бы я немного, и дѣло съ концомъ. Такъ нѣтъ-же: выздоровѣть ей нужно было. — У насъ банщикъ былъ, Мошка: какъ заѣла его старуха, онъ съ чердака прыгнулъ и свернулъ себѣ шею. Дуракъ! коли тебѣ жить не даютъ, такъ ты самъ долженъ знать, что дѣлать. Вотъ, еслибъ братъ мой уступилъ мнѣ свою жену. Слыхалъ я какъ-то разъ про подобный случай. Но вправду ли я этого хочу? Мнѣ бы, вѣдь, лишь свою съ плечъ долой, а тамъ . . .

На ногѣ у нея появилась какая-то язва. Какъ сниметъ она, бывало, повязку, такъ прямо не высидишь въ избѣ. Такъ и хочется мнѣ дать ей сожрать эту гадость, сгубить ее навѣки. А можетъ и впрямь таки попробовать? Вотъ, слыхалъ я, коли дать собакѣ сѣры съ перцемъ — для мышей, говорятъ, есть другое средство. — Въ стаканѣ воды оно сейчасъ замѣтно, но въ кашѣ, въ щажѣ, ничего не узнаешь. Щипцы раскаленные взялъ бы и выкололъ бы ей глаза. Когда и задушить-то ее гадко. Не карай меня, Боже. Злодѣемъ такимъ никогда еще я не былъ. Помню, мальчикомъ бѣгалъ я всегда за живодеромъ. Когда я укралъ затычку съ колеса, мнѣ было лѣтъ десять не больше. Мнѣ развѣ деньги нужны были? затычку хотѣлось имѣть: такая гладкая остроконечная штучка; привяжешь ее къ веревкѣ и крутишь вволю! Ты ей голову скрути, тряпкѣ-то твоей! Когда не хочетъ она умереть! И Богу молиться объ этомъ нельзя. Сами вы разсудите, чѣмъ я тутъ виноватъ; не женили бы меня на ней, и не зналъ бы я ея въ жизни и волоса на головѣ не повредилъ бы я ей. Развѣ я сдѣлалъ кому зло, когда меня не трогали? Другое дѣло, когда приходитъ ко мнѣ парень и не платитъ мнѣ за работу, я ему тогда въ зубы. Чортъ его побери, сукина сына, что я слуга ему, чтобъ даромъ на него работать?

И вотъ однажды . . . просто самому не вѣрится. Всталъ я рано утромъ, на душѣ какъ-то жутко, словно ужъ осень на дворѣ. Взялъ я свой мѣшокъ, взвалилъ себѣ на плечи и отправился въ кузницу. Дотащился, было, до дверей, какъ вдругъ, вспомнилъ, что оставилъ ключъ дома. Иду обратно. И какъ вошелъ я въ хату, такъ и опустился на тапчанъ. Сижу и думаю. Странный день сегодня. Охоты у меня ни къ чему нѣтъ. Если выпить ведро воды, то не чувствуешь жажды. Но развѣ мнѣ хочется пить? Нѣтъ, вовсе не хочется. А можетъ быть да? Быть можетъ, вдругъ загорится гдѣ-нибудь сажа? Я еще, какъ видно, не въ кузницѣ? Такъ чего я здѣсь сижу? Я поднимаюсь и иду туда. Но въ голову совсѣмъ не то лѣзетъ. Молотъ изъ рукъ валится. Въ углу что-то прыгаетъ; осматриваюсь — ничего. Хороши дѣла. Какимъ образомъ досталъ я тогда яду, я и самъ не знаю. Держалъ я его въ карманѣ вмѣстѣ съ табакомъ. Еслибъ я по ошибкѣ курилъ одно вмѣсто другого, то могъ бы проститься съ міромъ . . . Вдругъ, вижу издали, идетъ она, несетъ мнѣ обѣдъ. Я выхожу ей навстрѣчу и говорю: неси обѣдъ домой, дома ѣсть буду. Она ушла. Какой сегодня день? вторникъ? Да. Давайте вспомнимъ, гдѣ я былъ вчера. Ага, у Мешулема. Что за чоргъ Мешулемъ? Собака ты этакая. Тише вы тамъ, я вѣдь ей еще ничего не сдѣлалъ. За столомъ она мнѣ говоритъ: ѣшь, отчего ты ничего въ ротъ не берешь? Я молчу. Она пошла въ кухню за ложкой, я вскочилъ и бросилъ порошокъ въ ея тарелку. Черезъ минуту она приходитъ обратно и принимается ѣсть, мнѣ страшно. Не ѣшь больше! хочется мнѣ ей крикнуть. Мнѣ хотѣлось удержать ее за руку, когда она поднесла первую ложку ко рту. Только эта мысль была у меня тогда на умѣ, но чтожъ? когда она ѣстъ. Горько что-то, дай-ка сюда соли. — Двояся! Хочется мнѣ крикнуть, — Двояся, я разбойникъ, отравить тебя хотѣлъ, не ѣшь, не ѣшь этого — но она все ѣстъ да ѣстъ, а я не могу двинуться съ мѣста. Мнѣ показалось, что я весь позеленѣлъ. Еслибъ съ ней была рвота, то

она была бы спасена. Я хочу этого. Но вотъ она уже корчит-ся отъ боли; все лицо ея побѣлѣло. Фишель, голова кругомъ идетъ, воды дай, воды! Она схватилась за стулъ. Мнѣ кажется, она кричитъ. — Нѣтъ, это я кричу. Нѣтъ, это гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ кричатъ. У кошки когти есть, она царапается... Вылей супъ поскорѣе, чтобъ не узнали потомъ, вдругъ появляется у меня мысль. Я даю ей воды. Носъ у нея весь посинѣлъ. Фишель, ты бросилъ мнѣ чего-то въ супъ! — Что ты? задушу я тебя! Она падаетъ на кровать и кидается во всѣ стороны. Тошно мнѣ, охъ, животики мои! Я придерживаю рукой дверь. — Доктора, доктора поскорѣе! У насъ въ мѣстечкѣ нѣтъ доктора. Она умираетъ, кажется. Въ этотъ мигъ я не желаю ей смерти, наоборотъ, лучше было бы, еслибъ она осталась въ живыхъ. Но тогда она меня выдастъ, замкнуть ей ротъ платкомъ? Или лучше топоромъ покончить? Но что это я, Боже мой, убивецъ что-ли? Ты съ ума сошелъ, Фишель, спасай жену-свою! Засунь ей палецъ въ глотку, чтобъ ее вырвало. Скажешь потомъ, что это такъ только, не ты виноватъ... Что ты стоишь, какъ столбъ? тутъ человѣкъ, жена, твоя жена погибаетъ, жалости въ тебѣ нѣтъ! А я не въ состояннн шагу ступить, какъ будто держитъ меня кто-то сзади. А она ужъ лежитъ безъ памяти. Я кликнулъ сосѣдей, они стали растирать ей лобъ и руки, синехонька она была. Гершель Носъ ворвался въ домъ и началъ кричать, что нужно ей кровь пустить. Боже, что съ ней? сюда, сюда, сорвите съ нея кофту! она умираетъ... Что за несчастье! Еще сегодня видѣли, какъ она шла къ мяснику. Сорокъ два года всего!

Въ сумерки того же дня ее похоронили. Погребальное братство не прочь было потребовать съ меня за мѣсто. Объ убійствѣ никто, конечно, не узналъ. Но на лицѣ моемъ нельзя было прочитать хорошаго. Я даже пытался плакать. —

Ямщикъ вошелъ въ кабакъ и началъ браниться. Онъ опрокинулъ въ себя двѣ рюмки водки, одну за другой. — Ло-

шади готовы, будетъ вамъ болтать. — Надо, значитъ, ѣхать. Прежній попутчикъ нашъ сѣлъ на козлы рядомъ съ ямщикомъ, я сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Кузнецъ противъ меня. Ёдемъ. Мы ужъ далеко отъ корчмы. По обѣимъ сторонамъ дороги разстилаются желтѣющія нивы. Я смотрю на нихъ, и кажется мнѣ, нѣтъ у нихъ никакихъ думъ. Такъ тихо волнуются онѣ! Солнце начинало садиться. Душу мою мучить рассказъ кузнеца, и я задаю себѣ вопросъ: раскаивается ли этотъ человѣкъ или нѣтъ? Но не успѣлъ я спросить, какъ онъ началъ рассказывать, словно угадывая мои мысли.

— Раскаивался ли я потомъ? нѣтъ. Но гадко было мнѣ на душѣ. Убить человѣка, когда борешься съ нимъ, тоже, конечно, злодѣяніе. Но вѣдь и тотъ борется и хочетъ бороться, и еслибъ его сила одолѣла или еслибъ онъ былъ счастливѣе, то онъ могъ бы побѣдить своего противника. Вѣдь можетъ такъ случиться, не правда-ли? Но подойти къ человѣку, ничего не подозревающему, подойти къ нему изъ-за угла и погубить его — это самому себѣ гадко. Я завсегда терпѣть не могъ лицемѣровъ и змѣй подколодныхъ. Это не совсѣмъ то, что я хочу сказать. Но такая мысль мучаетъ и грызетъ.

Вы думаете, Богъ не покаралъ меня? Родной братъ мой поссорился со мной и донесъ на меня. Ее вскрыли, но ужъ ничего нельзя было узнать. Началось дѣло. Засадили меня въ тюрьму въ Липовцѣ. Слѣдователь, скажу я вамъ, былъ штука порядочная. Скажешь ему одно — онъ другое, вдругъ спохватится въ серединѣ и скажетъ: правда, ты и раньше такъ говорилъ. Еслибъ не былъ онъ такимъ умникомъ, я бы сразу признался во всемъ. Но онъ хочетъ меня перехитрить, такъ я его нарочно путаю и ни за что правды не говорю, хоть убей. Такъ просидѣлъ я цѣлый годъ. Потомъ меня судили. На судѣ была давка, словно на свадьбѣ. У меня всѣ жилы тянули по одиночкѣ. Присудили меня къ шести годамъ каторги. Отбылъ же я всего три: подъ манифестъ попалъ. Тамъ я все время

думалъ одну и ту же думу: гадкое дѣло ты сдѣлалъ. Многс ихъ тамъ сидѣло со мной. Потомъ къ концу привели къ намъ двухъ евреевъ. Не любы мнѣ эти книжники, но рѣчь наша, родная. Что тамъ, на томъ свѣтѣ, съ нами будетъ, этого никто не знаетъ. Но еслибъ Богъ судилъ справедливымъ судомъ, то и на этомъ свѣтѣ должно было бы быть иначе. Не потомъ, когда согрѣшишь противъ Него, а раньше, до грѣха. Э-эхъ! скотинѣ легче на свѣтѣ жить, чѣмъ человѣку! Не- правда-ли? —

ВЪ ГОРОДКЪ

Повѣсть о тугомъ воротничкѣ, о трехъ крестахъ и о борьбѣ шляпы съ шапкой

I

Тихо и скромно, въ смиреніи и согласіи, жили споконъ вѣковъ обыватели мѣстечка Турновы. Ни вѣка, смѣнявшіе другъ друга, ни удары колоколовъ исторіи, ни борьба народовъ между собою не внесли ничего новаго въ жизнь этого еврейскаго уголка южной Украйны. Да и зачѣмъ же измѣняться? Господь Богъ вѣчно остается заботливымъ отцомъ своихъ дѣтей; Онъ требуетъ отъ каждаго еврея, чтобы онъ шелъ по пути благочестія, жилъ бы по Его законамъ и одѣвался бы по Его святой волѣ. Моисей, Іаковъ, царь Давидъ и судьи одѣвались нѣкогда точно также какъ нынѣ одѣваются Моисей или Хаимъ въ Турновѣ. Пророки были раввинами и носили такіе же широкіе пояса, какіе и сегодня носятъ евреями. Праотецъ Авраамъ былъ благочестивымъ евреемъ, одѣтымъ въ длинный черный балахонъ и читавшимъ по субботамъ пятикнижіе Моисея.

Евреи были всегда праведнымъ и богобоязненнымъ народомъ, хранившимъ свято завѣтъ отцовъ. Развѣ не извѣстно всякому въ Турновѣ, что Богъ вывелъ Израильтянъ изъ страны Египетской лишь за то, что они остались вѣрными своей старинной, освященной преданіемъ одеждѣ.

Правда, предки наши, шестьсотъ тысячъ душъ числомъ, одолжили при своемъ исходѣ оттуда драгоцѣннѣйшіе наряды

своихъ господъ, дабы не возвратить ихъ никогда согласно повелѣнію Божію. Что они сдѣлали съ этимъ добромъ, этого не знаетъ никто и понынѣ.

Египтяне же были простыми мужиками, пріѣзжавшими на ярмарку съ большими возами ржи и пшеницы и продававшими ихъ тамошнимъ евреямъ. Въ разказахъ о тяжелой работѣ послѣднихъ и о построении ими городовъ Писома и Рамзеса должно быть кроется другой смыслъ; ибо, возможно ли, чтобы еврейскія руки тащили кирпичи и бревна? Да и въ самомъ дѣлѣ, у евреевъ есть дѣла поважнѣе, чѣмъ вдругъ ни съ того, ни съ сего воздвигать города и крѣпости.

Въ будни Турновцы возились со своими дѣлишками, вѣруя, очевидно, что однимъ существованіемъ своимъ придаютъ смыслъ всему, что ни происходитъ на землѣ. Когда же наступала суббота — въ память вѣчнаго союза Бога съ его народомъ, тогда отверзалась ихъ «субботняя душа», и они славили имя Творца и имя Его избраннаго племени... Тамъ, высоко въ небесахъ ангелы воспѣваютъ тысячей языковъ величіе Господа; Онъ же самъ пребываетъ внизу и радуется при видѣ своихъ дѣтей, сіяющихъ, подобно новобрачнымъ, въ праздничныхъ одеждахъ, бѣлыхъ воротахъ рубахи и блестящихъ бархатныхъ шапкахъ... И если Яковъ или Мешулемъ говорятъ тогда женѣ своей: «Эстеръ, гляди за дитятей, ты носишь на своихъ рукахъ израильянина», тогда въ небѣ большое веселіе, ибо что же есть у Бога, если не еврей?

Такъ жили Турновцы съ давнихъ временъ и блаженствовали подъ сѣнью Божественнаго Провидѣнія: оно сказывалось въ теплой похлебкѣ, въ повседневномъ хлѣбѣ и въ долго державшихся башмакахъ. Умереть еврей, — и всѣмъ извѣстно, куда онъ отправляется, и что ему въ небесахъ отверзты врата и двери. Родится дитя, — тогда на свѣтѣ больше однимъ евреемъ, благословеннымъ шестьюстами тринадцатью заповѣдями, числомъ, равнымъ числу членовъ и мускуловъ человѣческаго тѣла. У другихъ народовъ всего лишь семь заповѣдей, и они

управляются одними служителями Бога, въ то время, какъ объ Израилѣ Онъ самъ заботится.

Когда Турновскій еврей поднимается на ноги, чтобы итти торговать въ сосѣднее село, то за нимъ слѣдуетъ сіяніе Божіе. Въ молитвахъ, правда, и сказано, что евреи въ изгнаніи, но Турнова все-таки родной, неотъемлемый градъ ихъ. И когда настанутъ дни пришествія Мессіи, мертвые воскреснутъ изъ гробовъ и примутъ снова свой земной обликъ, то они будутъ имѣть точно такой видъ, какой нынѣ имѣютъ евреи въ Турновѣ, и будутъ одѣты точно также, какъ и Турновцы. Быть набожнымъ — и значить, собственно, одѣваться по еврейскому закону.

Конечно, и въ Турновѣ замѣчалось нѣкоторое различіе между одеждой бѣдняковъ и богачей, молодыхъ и стариковъ, ученаго класса и простого народа. И евреямъ слѣдуетъ отличаться другъ отъ друга по званію и по сословію, и въ самой наружности человѣка должно сказываться, на какой ступени общественной лѣстницы онъ стоитъ. Но, въ общемъ, Турновцы одѣваются строго по предписанію Божію, тѣмъ болѣе, что прирожденная скромность ихъ обязываетъ служить во всемъ примѣромъ своимъ сосѣдямъ. Хотя всѣ евреи и дѣти единого Бога, но все-таки всѣмъ было ясно, что Небесный Отецъ больше всего заботится о своей Турновѣ.

И Турнова слыла обителью праведниковъ, въ которой никто не отступалъ отъ закона ни на волосъ. Всему доброму и похвальному былъ тамъ настоящій источникъ, и если кто-нибудь и обращалъ свои взоры на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, то лишь для того, чтобы знать въ какомъ направленіи молиться.

По преданію, при сотвореніи міра небо растягивалось все больше и больше, пока Богъ не воззвалъ: остановись! Чего же не доставало Турновцамъ, когда у нихъ были свои старья, уютныя четыре стѣны?

Но ничто не вѣчно подѣ луною.

Съ тѣхъ поръ, какъ евреи помнятъ себя они носятъ рубахи съ широкими, некрахмаленными воротниками, связанными короткими полотняными тесемочками. Истые праведники обходятся и безъ послѣднихъ и оставляютъ грудь открытой, какъ люди непричастные дѣламъ міра сего . . . Но простой народъ, которому некогда соблюдать строгихъ законовъ благочестія, связываетъ воротники какъ обыкновенные смертные; кто же еще носить на шеѣ платочекъ, тотъ одѣваетъ его поверхъ воротника, причемъ узелокъ приходится почти всегда сзади.

Но въ описываемое нами время жило въ Турновѣ нѣсколько удалыхъ парней, у которыхъ были красивыя сестры. Оба пола растутъ въ Израилѣ обыкновенно въ различныхъ теплицахъ, и даже въ семьяхъ, гдѣ дѣвушкамъ предоставляютъ свободу вести себя по новомодному, тамъ слѣдятъ за юношами зорко и заставляютъ ихъ изнывать подѣ ярмомъ ученія. Но отцы нашихъ молодцовъ были люди незначительные по происхожденію, достигшіе нѣкоторой состоятельности, и долгій путь, пройденный ими, пріучилъ ихъ глядѣть на многое сквозь пальцы . . . Такимъ образомъ юноши въ этихъ домахъ стали поглядывать украдкой на дѣла своихъ сестеръ, и духъ свободы, вѣявшій въ этой средѣ, понемногу заразилъ и ихъ; а вскорѣ сама собою явилась потребность пересадить его на свою почву.

Буквы талмуда, угрюмо и сурово смотрѣвшія имъ въ глаза, покамѣстъ еще ослабляли ихъ рѣшимость. Но какъ только къ сестрамъ присоединились ихъ товарки, и кругъ прекраснаго расширился еще больше, они принялись за дѣло и начали съ того, что стали складывать аккуратно шейный платочекъ и связывать его подѣ воротникомъ, внезапно обнаружившимъ свое существованіе.

Мало по малу они догадались разрѣзать платочекъ на полоски, и состряпали изъ нихъ уже давно взлелѣянные въ мечтахъ галстуки.

Но концы прежнихъ тесемочекъ, все еще висѣвшихъ у воротника, путались съ концами новаго галстука, оскорбляя утончившійся вкусъ нашихъ щеголей. Немного времени спустя пробилъ послѣдній часъ для снурочковъ, и они стали жертвою неумолимыхъ ножницъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ они находились цѣлые вѣка, появились маленькія пуговики, пришитыя съ трогательнымъ вниманіемъ нѣжными руками сестеръ.

Дѣло было въ пятницу; рубахи блистали ослѣпительною бѣлизною, баня привела всѣхъ въ теплое настроеніе, а на дворѣ дулъ первый весенній вѣтерокъ. Веселія полны были сердца юношей; они навѣщали другъ друга съ особенною учтивостью и впервые пожимали другъ другу руки, не ограничиваясь прежнимъ нѣмымъ привѣтомъ.

Въ первый разъ въ Турновѣ былъ нарушенъ субботній покой; словно громъ, поразило всѣхъ неожиданное событіе. Да, еслибы кто-нибудь изъ портныхъ или сапожниковъ позволилъ себѣ нѣчто подобное: они все равно, вѣдь, не входятъ въ ядро Израиля; а то настоящіе евреи, дѣти уважаемыхъ отцовъ, вдругъ начали застегивать рубахи на пуговицы.

Раздумье охватило Турновцевъ: ничего, кромѣ худа, изъ этого не выйдетъ. А вороны ужъ тоже каркали съ крышъ домовъ.

Таковы были дѣла въ Турновѣ, когда наши молодцы, воодушевленные подругами своихъ сестеръ, рѣшились на еще болѣе смѣлый шагъ.

Прежній мягкій воротъ рубахи, хотя и приглаженный тщательно надъ галстукомъ, все еще содержалъ складочки, и, составляя нераздѣльное цѣлое съ сорочкой, онъ имѣлъ къ концу недѣли довольно печальный видъ. Какъ только сознаніе этого проникло въ души юношей, они умудрились при-

крыть его новымъ накрахмаленнымъ воротничкомъ, а на измятый передъ рубашки они надѣли чистую, бѣлую манишку.

У дѣвушекъ запрыгали сердца отъ радости при видѣ рядныхъ братьевъ, сами же герои наши испытывали смѣсь различныхъ чувствъ, какъ будто души ихъ коснулись вѣянія дальнихъ, чужихъ краевъ . . .

III

Турнова вся встрепенулась.

Передъ порогами домовъ началъ толпиться народъ, и всякій словомъ и жестомъ выражалъ свое негодованіе. Въ пылу усердія случалось, что люди, раньше говорившіе другъ другу «вы», вдругъ переходили на «ты»; иные, державшіеся до тѣхъ поръ въ резервѣ, внезапно выплыли наружу, словно понимая, что это положеніе уже останется за ними.

Въ одномъ концѣ города разстроилась помолвка, такъ какъ отецъ невѣсты ни за что не хотѣлъ имѣть своимъ зятемъ носителя моднаго воротника. Въ тѣхъ же семьяхъ, гдѣ само зло пустило свои корни, отцы вдругъ образумились и достойнымъ образомъ наверстали потерянное время.

Слѣпой дядюшка умолялъ, чтобы ему объяснили, въ чемъ дѣло, а одинъ дряхлый старичокъ плакался на судьбу свою, заставившую его дожить до такихъ временъ.

Годи Вспыльчивый кусалъ отъ злобы пальцы своего сына и клялся отдать его въ такомъ видѣ въ солдаты: — «Негодяй, ты этакій, не стыдно ли тебѣ передъ Богомъ и людьми, ужъ лучше крестись и положи всему конецъ». А Іехіель Яковъ-Натановъ сожалѣлъ, что не произвелъ на свѣтъ дѣтей, ибо, еслибы у него былъ сынъ и тотъ тоже захотѣлъ бы носить накрахмаленный воротникъ, тогда бы онъ, Іехіель, сынъ Якова, сынъ Натана, показалъ Турновцамъ, какъ поступаютъ съ сатаной.

Маленькій еврейчикъ съ наслажденіемъ высморкался въ новый воротникъ на виду у всѣхъ. Другой предложилъ раз-

вести костеръ для сожженія поганныхъ воротниковъ, но, вѣдь, дрова стоятъ денегъ, и воротники тоже не даромъ достаются: не лучше ли, предложилъ третій, бросить ихъ въ воду, дабы изгнать изъ нихъ проклятый крахмаль.

И заслуженная кара не минула грѣшниковъ: какъ разъ въ субботу, когда нельзя носить зонтика, полилъ съ неба дождь, и щегольскіе воротники пришли въ плачевное состояніе.

Рафаиль Одноглазый насмѣхался надъ двойными воротниками и говорилъ: — носить галоши, это я понимаю, тутъ, по крайней мѣрѣ, пользу видишь; но надѣть воротникъ на воротникъ, это все равно, что обложить языкъ матеріей. Когда же одинъ изъ приверженцевъ моды осмѣлился возразить: — но, вѣдь, это красиво, — онъ набросился на него: что ты баба что-ли, прости Господи; у евреевъ есть другія заботы, чѣмъ думать о такихъ пустякахъ. Да и красоту же нашель; лучше измажьте шеи мѣломъ; на кого только вы похожи въ этомъ.

Тутъ ввернулъ слово Мендель Всезнайка: — еслибы это не было красиво, то нѣмцы не носили бы этого.—Глупости,— ругался Рафаиль, — нѣмцы всѣ гордецы и живутъ въ Берлинѣ, а здѣсь Турнова, нашъ городъ Турнова, понимаешь ли?

— У насъ, евреевъ, прибавилъ Нахманъ Большой, есть свой Господь Богъ, и лишь прямые пути угодны Ему; и еслибы Моисей носилъ тугой воротничекъ, то не воспріялъ бы Торы на горѣ Синаѣ.

Исруликъ — «Козакъ» до того разгорячился въ спорѣ, что забылъ, противъ обыкновенія, засучить рукава сюртука. Онъ собирался когда-то ѣхать на русско-турецкую войну и слылъ поэтому понимающимъ толкъ въ подобныхъ дѣлахъ. А простоватый еврей, дѣдъ котораго былъ однажды на лейпцигской ярмаркѣ, утверждалъ съ полнѣйшей увѣренностью, что во всемъ виноватъ Моисей Мендельсонъ. Онъ самъ, правда, еще остался набожнымъ и пилъ еще кошерный чай, но дѣти его ужъ измѣнили вѣрѣ отцовъ, ибо такова власть са-

таны: дай ему лишь палець одинъ, анъ, смотришь, и захватить всю руку . . .

Когда вскорѣ послѣ этого, словно ударъ за ударомъ, бѣлый свѣтскій носовой платокъ началъ вытѣснять старинный пестрый платочекъ, то почуяли всѣ въ Турновѣ, что близько уже этотъ захватъ цѣлой руки.

Существуетъ преданіе, что Мессія сидитъ у вратъ Рима и удерживаетъ равновѣсіе вселенной тѣмъ, что постоянно снимаетъ одинъ сапогъ и надѣваетъ другой. Когда Турновцы узрѣли введенныя новшества, то сердце ихъ защемилось отъ предчувствія, что вотъ Мессія утерять одинъ сапогъ.

IV

А міру, казалось, въ самомъ дѣлѣ наступилъ конецъ; ибо даже въ самой обители ученія и благочестія, въ домѣ раввина Уреле Добраго зародилось влеченіе къ новому воротнику.

Уреле былъ праведнымъ и богобоязненнымъ мужемъ, и всѣ дѣла его исходили изъ чувства преданности къ Превѣчному Отцу, денно и ночью пекущемуся о Своихъ дѣтяхъ. Евреи, думалъ онъ, были бы еще набожнѣе, еслибы не заботы о насущномъ хлѣбѣ для жены и дѣтей, да и жизнь человѣческая такъ коротка . . . Еслибы не были у насъ мудрецы, ниспосланные Богомъ, то можно было бы и свернуть съ пути истины, но безпредѣльна милость Господа, протягивающаго длань Свою и послѣднему грѣшнику; сказано же въ Писаніи: «какъ безсиленъ человѣкъ» . . . И поэтому ему никогда не удавалось искренне проникнуться гнѣвомъ, даже тогда, когда ему, какъ блюстителю закона, надлежало быть строгимъ къ другимъ. Въ душѣ онъ стыдился упрекать своихъ ближнихъ, думая про себя: вѣдь евреи избранный народъ Божій, какъ же мнѣ, созданному изъ праха земного, гнѣваться на брата моего, который во сто разъ лучше и праведнѣе меня. А послѣднее слѣдовало уже изъ того, что Богъ приказалъ человѣку умалять свое значеніе, и Библія ставитъ смиреніе выше всѣхъ добродѣтелей.

И у Уреле были жена и дѣти для пропитанія, но Господь самъ долженъ былъ заботиться объ этомъ. И Онъ не оставлялъ слуги своего и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Турновцы не отступали отъ договора, заключеннаго съ раввиномъ, по которому они обязывались покупать у него одного субботня свѣчи; и Онъ смягчилъ также ихъ сердца, внушивъ имъ обычай дарить духовному главѣ своему рыбу и мясо къ каждому празднику. Но за Турновцами водился обычай покупать свѣчи большей частью въ долгъ и, совершая приношеніе своему пастырю, они обыкновенно за одно обѣщали ему свое посѣщеніе, во время котораго и истребляли добросовѣстно все, что ни подавалось на столъ.

Добрый раввинъ былъ всегда радъ своимъ гостямъ, ибо, питая искреннее расположеніе къ раввиншѣ, онъ радовался, что ея выдающіяся способности въ приготовленіи кушаній находили примѣненіе и оцѣнку; кромѣ того, тогда же представлялась возможность показать гостямъ ученость первенца его Нутеля, извѣстнаго своими дарованіями. Гости оказывали должное вниманіе подаваемымъ блюдамъ и, уплетая подобающимъ образомъ за обѣ щеки, они прерывали иногда на минутку работу свою, думая о томъ, какъ все въ мірѣ ничтожно противъ величія ученія Божія . . .

Ученому Нутелю еще не было шестнадцати лѣтъ, а еще шесть лѣтъ тому назадъ онъ былъ обрученъ съ дѣвушкой, которой, согласно доброму старинному обычаю, не видалъ ни разу. Но онъ помнилъ стихъ въ Библіи, который гласитъ: «и она была хороша лицомъ и станомъ», и порою, когда онъ сидѣлъ за утомительнымъ ученіемъ, ему приходило въ голову, что это о суженной его идетъ рѣчь въ томъ стихѣ; иногда онъ ловилъ себя на мысли: что, если бы она провела рукою по его волосамъ . . . Но онъ сейчасъ же увѣрялъ себя, что вовсе не думалъ ничего подобнаго, ибо какъ же ему, еврейскому юношѣ, питать думы о дѣвушкѣ. Если бы онъ былъ у нея, думалъ онъ дальше, то слѣдовало бы ему носить бѣлый воротничекъ. Черный платокъ его, унаслѣдованный имъ отъ матери, очень

ужъ не казистъ, а бѣлый воротникъ съ узенькимъ галстукомъ такъ изыщенъ.

Однажды Нутелю попался въ руки свѣже вымытый и выглаженный бѣлый платочекъ. Дверь въ гостиную стояла открытой, никого не было тамъ; онъ вошелъ тихими шагами. Ослѣпительная бѣлизна платочка такъ и манила надѣть его. Нутель сложилъ его аккуратно на подобіе воротника и торжественно одѣлъ его на шею.

Это было послѣ обѣда; солнце проникало чрезъ завѣшанная окошки. Мебель въ сѣрыхъ чехлахъ еще усугубляла тишину; висѣвшіе на стѣнахъ вышитые зеленые ландшафты дремали въ уголкахъ; часы начали бить глубокимъ басомъ: разъ, два, три.

Нутель стоялъ передъ зеркаломъ, странно пораженный видомъ своей особы; ему хотѣлось плакать.

Когда онъ вернулся въ свою комнату, у него былъ совсѣмъ другой видъ. Отецъ его только что всталъ отъ послѣобѣденнаго сна и читалъ изъ каббалистической книги сказаніе о божественныхъ искрахъ, разсѣявшихся по всему міру послѣ грѣхопаденія и блуждающихъ съ тѣхъ поръ повсюду . . .

Съ того дня Нутель не вѣдалъ покоя; ему рисовался въ воображеніи бѣлый воротничекъ и, наконецъ, онъ набрался духа и выразилъ неясное желаніе обладать такимъ же воротничкомъ, какъ и другіе юноши.

Уреле былъ до того пораженъ, что утерялъ свой поясъ. Подумайте, Нутель, его сынъ Нутель, смѣетъ мечтать о тугомъ воротникѣ! А отцы, а праотцы, а всѣ тринадцать поколѣній раввиновъ и святыхъ, представителей его рода, что они скажутъ на это? Одинъ изъ предковъ его сказалъ, что и Моисей не позналъ всего величія Божія, между тѣмъ, какъ онъ понимаетъ кое-что, и вдругъ потомокъ такого мужа станетъ носить языческій воротникъ! Тутъ ужъ пора была выйти изъ себя и обрушиться гнѣвомъ. И Уреле уже впервые поднялъ было свою руку на Нутеля, какъ вспомнилъ, что законъ запрещаетъ бить взрослого сына . . .

У Уреле была родственница, набожная Ривеле. И ея душа скорбѣла, когда сынъ ея тоже надѣлъ модный воротникъ. Но бѣлый глаженный воротничекъ до того выгодно отличался отъ прежняго, мягкаго, что она въ душѣ должна была сознаться, что Шимеле ея въ немъ дѣйствительно лучше глядитъ. Не карай ея, Господи, за это.

Мать съ сыномъ занимали тѣсную каморку на чердакѣ дома, изъ оконъ которой виденъ былъ весь городъ. Ривеле помнила лучшіе дни, когда добрый мужъ ея еще былъ въ живыхъ. Но теперь пальцы ея часто нѣмѣли отъ иголки, весь день не выходившей изъ рукъ ея. Бывало, мать читаетъ вечернія молитвы, а Шимеле выглядываетъ изъ окна комнаты на разстилавшееся предъ нимъ мѣстечко. Въ это время обыкновенно приходили съ пастбища тощія коровы Израиля и исчезали по хлѣвамъ. Но взоръ Шимеле слѣдилъ съ гораздо большею любовью за овцами крестьянъ, братски прижавшимися другъ къ другу и стадами тянувшимися по городу. У церкви виднѣлись уже сады и заборы крестьянъ, за которыми жили ихъ хозяева. Шимеле никогда еще не былъ въ самомъ селѣ; единственный садъ, который ему было дозволено посѣщать, принадлежалъ старому Іосифу.

V

Въ Турновѣ жилъ зажиточный хозяинъ, извѣстный подъ именемъ Іосифа Нѣмца. Его прозвали нѣмцемъ, такъ какъ онъ былъ всегда опрятно одѣтъ и ежедневно расчесывалъ свою длинную окладистую бороду. Онъ былъ единственный еврей въ Турновѣ, предоставившій еще при жизни дѣла свои взрослымъ сыновьямъ, и пріобрѣтенный, такимъ образомъ, досугъ придавалъ ему нѣкоторое достоинство, отличавшее его отъ другихъ. И домикъ его съ желтой штукатуркой рѣзко выдѣлялся среди низенькихъ и голыхъ избушекъ Турновцевъ; домъ этотъ обладалъ еще той

особенностью, что окна его открывались, какъ двери, и былъ, какъ уже сказано выше, окруженъ садикомъ.

Домъ съ садикомъ стояли на окраинѣ города, неподалеку отъ церкви. Каменная лѣстница вела къ винной лавкѣ, находившейся по лицевой сторонѣ домика, а сзади тянулся садъ, отдѣленный узкой тропинкой отъ городского парка. Тропинка эта была крайней чертой города и составляла границу между еврейскимъ и не-еврейскимъ райономъ.

Но, представьте, въ саду Іосифа стоитъ зеленый крестъ. Подъ обмытой дождемъ жестяной крышечкой пригвожденъ худой Спаситель съ молоткомъ и лѣстницей, а внизу горитъ постояннымъ свѣтомъ красная лампадка.

Десятокъ лѣтъ тому назадъ нашли при рытьѣ земли человѣческія кости. Мужики утверждали, что это остатки ихъ прежняго кладбища и добились судомъ, чтобы въ саду поставленъ былъ крестъ.

И многимъ Турновцамъ остался въ памяти тотъ знаменательный день, когда всѣ боялись выходить изъ дому. Епископъ самъ присутствовалъ при посвященіи, изъ всѣхъ окрестныхъ деревень шествовали священники и народъ. Въ воздухѣ развѣвались церковныя хоругви, и золотые кресты сіяли при солнечномъ свѣтѣ, тысячи голосовъ пѣли стройнымъ хоромъ, и звонъ колоколовъ наполнялъ весь городъ. Турнова пережила день изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

Послѣ перваго испуга, Іосифъ хотѣлъ было продать свое имущество и переѣхать въ другой городъ. Турновцы все питались надеждой, что какимъ-нибудь чудомъ вдругъ исчезнетъ поставленный крестъ. Въ это время вышелъ законъ о всеобщей воинской повинности и отвлекъ немного вниманіе отъ событія. А крестъ межъ тѣмъ остался на своемъ мѣстѣ, и Іосифъ остался въ Турновѣ. Не въ обиду Турновцамъ будь сказано: при всемъ ужасѣ, испытанномъ ими, они съ теченіемъ времени все-таки стали чувствовать нѣкоторое удовлетвореніе, что владѣютъ «исторіей», какой нѣтъ у другихъ мѣстечекъ.

И, странно, съ тѣхъ поръ домъ началъ расти и богатѣть. Польскіе паны стали постоянными покупателями въ его лавкѣ, дѣло все расширялось, къ распивочной продажѣ присоединилась продажа на выносъ. Лавка была всегда чисто убрана, и бутылки стояли на полкахъ стройными рядами; ни дать, ни взять, какъ будто въ аптекѣ. Семья Іосифа стала благотворительствовать, хранила законы и держала себя поодаль отъ другихъ: тѣнь креста наложила на нихъ особенную печать, и она осталась за ними.

Старшій сынъ Іосифа, Вольфъ, привыкъ работать то-ропливо, какъ будто боясь постоянно упрековъ и напоминаній. Слѣдующій за нимъ, Захарія, весь ушелъ въ себя и взвалилъ на свои плечи всю тяжесть обязанностей. Жена его жила уже много лѣтъ въ домѣ умалишенныхъ, и у него было отъ нея тринадцать дѣтей. У Захаріи былъ шуринъ, Нисанъ, по прозвищу «писарь», бывшій въ своемъ родѣ большой птицей въ Турновѣ. Этому Нисану пришлось на умъ не вносить смертныхъ случаевъ въ общинныя книги и передать фамиліи умершихъ молодымъ людямъ, обязаннымъ отбыть воинскую повинность. Такимъ образомъ, Турновцы стали знамениты своимъ долголѣтіемъ, и въ губернскомъ правленіи кое-кто выразилъ желаніе переселиться въ городъ, въ которомъ люди достигаютъ такого необыкновеннаго возраста....

Достойнымъ дополненіемъ обоихъ сыновей служили зятья: Нахманъ, Натанъ и Натаніиль, добытые для дочерей Дины, Деборы и Малки лишь съ помощью освободительныхъ Нисановыхъ паспортовъ. Собственно, каждый изъ нихъ могъ бы быть женатъ на своей невѣсткѣ: до того онѣ не отличались другъ отъ дружки.

Завершеніемъ семьи служила пара близнецовъ: Бенци и Берель, удалые молодчики, отличавшіеся въ борьбѣ за новый воротникъ. Неизвѣстно откуда они умѣли немного рисовать; по цѣлымъ часамъ они просиживали въ кухнѣ надъ струганной дощечкой и выводили на ней самыя замыс-

ловатыя фигуры. Молодыя дѣвушки всегда весело присматривались къ этому, а изъ сосѣдскихъ дѣтей постоянно приходилъ къ нимъ въ это время Шимеле. Такимъ образомъ ему приглянулась одна изъ миловидныхъ племянницъ товарищей, и сердце его забилося вскорѣ любовью къ ней.

Тэма, такъ звали дѣвушку, была дѣйствительно премилой. У нея были золотые волосы и золотое сердечко, и она была душою предана блѣдному Шимеле. Они начали вскорѣ тайно встрѣчаться у калитки предъ крестомъ. Тутъ они бывало молча глядѣли другъ на друга съ глубокой любовью. Шимеле не говорилъ ни слова и благоговѣнно глядѣлъ на любимую дѣвушку, его тянуло взять ея руку, но Спаситель да будетъ свидѣтелемъ, что онъ никогда не дотронулся до нея.

Мать Шимеле не могла тогда гладить воротника своего сына, и Тэма взяла на себя эту обязанность. Она испытывала въ душѣ великую радость, когда въ бѣломъ передникѣ и съ засученными рукавами проводила горячимъ утюгомъ по влажному воротнику. Она была тогда полна внутренняго сіянія, и даже дядьки оставляли, бывало, свои насмѣшки.

Къ несчастію, Шимеле заболѣлъ внезапно и умеръ, оставивъ послѣдній воротникъ у своей милой. Тэма съ трудомъ понимала, что случилось, и стыдилась плакать. Сердце ея едва не разрывалось отъ боли. Она взяла осиротѣвшій воротникъ и отправилась съ нимъ къ кресту.

Солнце склонялось къ закату; небо пылало краснымъ заревомъ; въ воздухѣ царствовала почти ночная тишина, и деревья стояли въ нѣмомъ благоговѣніи предъ чужой святыней. Крестъ былъ весь въ тѣни, лишь ноги Спасителя, освѣщенныя лампадкой, казалось, болѣли невыразимо. Тэма видѣла однажды крестьянку, набожно преклонившую тутъ колѣни. Но у евреевъ другой Богъ... Судорожно сжимая въ рукахъ воротникъ, она оглянулась еще разъ во-

кругъ себя, сняла стеклышко съ лампадки и сожгла воротникъ надъ пламенемъ.

Солнце давно уже зашло. Три недѣли послѣ этого Тэма лежала въ жару. Но и нынѣ еще покоится у подножія креста пепель сожженнаго воротника.

VI

У Тэмы была странная младшая сестра, по имени Уделе. Это былъ стройный подростокъ съ плоской грудью, игривымъ ротикомъ и красивыми черными глазами. Ея темные курчавые волосы придавали ей тропическій видъ, а руки ея были прозрачны и нѣжны. Она любила играть со свѣчками и то зажигала, то тушила ихъ, радостно смыкая и открывая при этомъ глаза. И пѣвунья она была рѣдкая; весь день звучалъ ея голосокъ, и слышались то отрывки заунывныхъ молитвъ, напѣваемые ею, то мелодіи шарманки, то томные свадебные напѣвы. Она сидѣла охотно въ дѣвичьей: шалила и пѣла со служанками, куталась въ ихъ пестрые платки и пугала ихъ, зажигая свѣчки и грозя пожаромъ.

Когда же наступала весна и мѣняла свой видъ природа, она лазила на деревья, срывала съ нихъ вѣтки и зажигала ихъ, радуясь большому пламени. Зимой она все пыталась зажечь ледяныя сосульки, что впрочемъ, не удавалось никогда. Странныя чувства одолѣвали ее, когда все покрывалось снѣжной пеленою, и сердце ея сжималось отъ состраданія къ Спасителю, мерзнувшему въ дѣдушкиномъ саду.

Однажды въ Турнову забрела шайка бродягъ и раскинула тутъ свою палатку. Три старика и глухой парень были главами компаніи. Хромая старуха и похищенная дѣвушка варили обѣдъ, а крѣпкая баба въ мужскомъ платьѣ ухаживала за лошадьми. Но звѣздой шайки была красивая болѣзненная дѣвушка, прикидывавшаяся днемъ слѣпою и ведомая худымъ нищимъ. Оба они возбуждали краси-

выми пѣснями состраданіе слушателей, сыпавшихъ имъ въ награду звонкую монету, и были, такимъ образомъ, кор-мильцами всего общества.

Какъ только пѣніе этой пары коснулось слуха Уделе, она вся преобразилась. Она слѣдовала за ними шагъ за шагомъ, и душа ея была въ опьяненіи. Ночью она бредила и металась въ постели, а раннимъ утромъ она подымалась на ноги и уже бѣгала за нищими; а такъ какъ она всегда была замарашкой, и платье ея порядкомъ изорвалось, то ее можно было принять за ихъ союзницу.

Въ одинъ прекрасный день попрошайки собрали свои пожитки и убрались изъ Турновы. Ни одинъ пѣтухъ не запѣлъ имъ вслѣдъ; но прошло немного времени, и всѣ замѣтили, что въ многочисленной семьѣ Захаріи стало одной головою меньше. Уделе не было среди нихъ.

Нисанъ-писецъ обыскалъ весь домъ и взметнулся со всей своей удалю на лошадь, тотчасъ же сбросившую его. Полиція сдѣлала свое дѣло и составила подробный протоколъ, а у старой женщины сыскали гадательную книгу, въ которой на вопросъ: гдѣ находится Уделе, нашли отвѣтъ, что кувшинъ разбитъ невидимой рукой и что ячмень въ нынѣшнемъ году не созрѣетъ...

Цѣлыхъ три дня и три ночи искали по всѣмъ концамъ и угламъ города. Но отъ внучки Іосифа простылъ всякій слѣдъ, и стало воочію ясно, что дѣйствительно пропала дѣвушка изъ Турновы.

Новое безпокойство овладѣло Турновцами. Люди, ходившіе раньше съ небрежно открытыми кафтанами, начали тщательно застегиваться, а тамъ, гдѣ въ обыденной жизни отцы снисходительно смотрѣли на продѣлки дѣтей, вдругъ начала царствовать непомѣрная суровость.

Тотъ простоватый еврей, дѣдъ котораго былъ въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ, совѣтовалъ удрученной семьѣ сейчасъ же поѣхать туда и выкупить дѣвушку. Исруликъ-Козакъ порылся въ своихъ воспоминаніяхъ и сказалъ: нѣтъ она въ

Букарестѣ, у турокъ. А Іехіель, сынъ Яковъ-Натановъ, выступилъ съ рассказомъ о прекрасной Саррѣ, женѣ Лжемессии, и о знаменитой дочери пророка Франка, жившей съ княжеской пышностью въ Оффенбахѣ. Турновцы разѣвали рты, прислушиваясь къ нему, а Нутель-раввиновъ жадно внималъ его словамъ и мнилъ себя въ ряду послѣдователей....

Гилель-Печальный просиживалъ цѣлыя ночи надъ кабалистическимъ сводомъ законовъ, а удрученный раввинъ размышлялъ надъ смысломъ сказанія, уподобляющаго душу человѣческую члену Божію, все еще доступному исцѣленію, пока онъ не потерялъ связи со всѣмъ тѣломъ; но отрѣзанъ членъ — и нѣтъ ему помощи, нѣтъ спасенія.

Съ исчезновеніемъ Уделе на домъ Іосифа легла тѣнь новаго креста.

VII

А въ семьѣ Іосифа всѣ стали еще молчаливѣе, еще сдержаннѣе. Они ложились спать раньше прежняго и стали избѣгать общенія съ людьми. Песокъ передъ домомъ истоптался, а полуоткрытыя окна были большею частью завѣшаны, и ничья голова не виднѣлась въ нихъ.

Старикъ призывалъ къ себѣ младшаго сына своего и сказалъ, что несчастіе, постигшее ихъ, равно утратѣ глаза. Послѣ обѣда онъ уходилъ сейчасъ въ свою комнату и все размышлялъ о случившемся. Вольфъ не показывался больше безъ балахона и приказалъ дѣвкамъ ходить за водою съ самаго утра. Захарія чистилъ бочки съ какимъ-то злобнымъ усердіемъ, и прикрикивалъ на дѣтей, бѣгавшихъ во время работы по погребу. А уважаемые зятья доложили женамъ, что потеря тринадцатаго ребенка не Богъ вѣсть какое несчастіе, стыдно только молвы людской, и еслибы они теперь женились на нихъ, то потребовали бы большаго приданнаго. Они состояли также въ заговорѣ противъ Вольфа и Захаріи и не упускали случая уязвить словами Бенци и

Береля, со своей стороны державшихъ товарищей въ почтительномъ отдаленіи отъ себя и неохотно говорившихъ о племянницѣ.

Дѣвушки тоже тѣснѣе сблизились между собою, тщательно убирали комнаты и сидѣли во время обѣда скромно на своихъ мѣстахъ.

Тѣма уже выздоровѣла, но стала блѣднѣе прежняго. Дѣти постоянно окружали ее, и она охотно возилась съ ними. Но когда наступалъ вечеръ и она выглядывала черезъ окно послѣдней комнаты въ тихій садикъ, она чувствовала себя одинокой. У нея не было голоса, какъ у Уделе, но въ душѣ ея переливался ритмъ меланхоліи. Тогда приходила къ ней старшая сестра ея Анна, красивая взрослая дѣвушка, замѣнявшая дѣтямъ мать.

Анна была любимицей бездѣтнаго дяди своего Вольфа, бывшаго ей вторымъ отцомъ. Второй дядя ея Нисанъ-пи-сецъ, бывший въ нѣкоторомъ родѣ и сватомъ, превозносилъ ея красоту библейскими словами, и въ записной книжкѣ его значилось: И она хороша лицомъ, и хороша станомъ, и достойна милости всѣхъ, видящихъ ее.

Несмотря на свою профессиональную лживость, онъ все-таки не прибавилъ многозначительныхъ словъ: «и приданое есть у нея, и богата она, какъ и подобаетъ невѣстѣ». Въ домѣ Іосифовомъ деньги не водились, и зажиточная жизнь требовала многихъ жертвъ.

Анна причиняла, такимъ образомъ, много заботъ, ибо тѣнь креста и пропажа сестры требовали выкупа, а и безъ того не легко, вѣдь, сбыть во Израилѣ дочь безъ приличныхъ денегъ.

Это обстоятельство навело Вольфа, заботившагося о благѣ племянницы, на мысль продать драгоценности матери и на тѣ деньги открыть дѣвушкѣ табачную лавку, дабы она собственными руками нажила нужное приданое. Богъ вѣсть, откуда явился у него этотъ планъ, ибо сдѣлать дѣ-

вищу самостоятельной лавочницей не значило ничего другого, какъ опять согрѣшить противъ турновскаго приличія.

Не таковъ обычай во Израилѣ.

VIII

Жилъ былъ нѣкогда царь, больше жизни любившій дѣтей своихъ. Случилось однажды, что онъ принужденъ былъ услать ихъ въ дальнюю страну, и душа его болѣла при мысли, что дѣти забудутъ на чужбинѣ имя его... И онъ сказалъ имъ: когда вы будете вдали отъ меня и свернете съ истиннаго пути, тогда я знакомъ позову васъ къ себѣ. Помяните же слово мое! — Дѣти обѣщались слушаться отца, но когда они ушли отъ него и случилось все, какъ предвидѣлъ отецъ, то они забыли его слова и не внимали его предостереженіямъ. Царь подумалъ: что въ первый разъ не помогло, поможетъ во второй разъ, и вторично подвергнулъ ихъ опасности. Но и на сей разъ тщетно. И онъ въ третій разъ навелъ на нихъ бѣдствие.

Сказаніе тутъ прерывается, а нравоученіе изъ него слѣдуетъ поискать въ священныхъ книгахъ, имѣющихся въ Турновѣ.

* * *

Было воскресное утро. Слѣды субботняго дня еще не простыли въ душѣ Турновцевъ. Уныло тащились по городу тощія коровы, ведомыя бѣдными, понурившими голову, хозяйками. Евреи съ пустыми руками размѣстились на базарной площади. И многіе, спѣшившіе вновь завязать прерванную нить торговли, влѣзли правой ногой въ лѣвый сапогъ. Недѣля открывала врата свои и напоминала каждому о насущныхъ заботахъ.

Но только Турновцы оглядѣлись вокругъ себя, какъ неожиданное зрѣлище поразило ихъ: предъ ними стояла нововыстроенная табачная лавка. Изъ кожи можно было вылѣзть.

Въ другое время всякая новая постройка возбуждала въ Турновѣ всеобщій интересъ, и все отъ пола до потолка подвергалось подробнѣйшей критикѣ. Но при видѣ новой лавки слова застыли на губахъ.

Дочерямъ бѣдныхъ родителей, дѣвушкамъ низкаго происхожденія подобало иногда помогать родителямъ въ торговлѣ. И у не бѣдныхъ старшей дочери позволительно было заступать въ лавкѣ мать, занятую уходомъ за дѣтьми, или отца, совершавшаго службу въ синагогѣ.

Но слыханное ли дѣло, чтобы взрослая дѣвушка изъ хорошей семьи открыла самостоятельно лавку?

Да и цѣль всего предпріятія: скопленіе приданого! Не знаютъ развѣ они, что ли, что еще за сорокъ дней до рожденія дитяти рѣшаютъ на небѣ, кому быть супругомъ его, и что противъ судьбы не уйдешь? А если и требуетъ женихъ больше приданого, чѣмъ ему въ состояніи дать, то можно же обѣщать больше и предоставить все Богу. Годится онъ въ кормильцы, и хорошо; нѣтъ, и тогда Богъ не оставляетъ своихъ дѣтей. Да и что же нужно человѣку въ этомъ мірѣ? Ужъ кое-какъ проживешь жизнь.

— И что же это, кричали Турновцы. Среди евреевъ ли мы живемъ? Боже святой, куда преклонить намъ головы наши? Раньше съ парнями бѣда была, а теперь ужъ и съ дѣвушками.

И снова безпокойство овладѣло Турновцами. Богослуженіе въ синагогѣ все прерывалось, а дома женщины пересаливали обѣдъ. За что ни брались, все выпадало изъ рукъ, а въ дѣлахъ наступилъ совершенный застой. Портные съ трудомъ вдѣвали нитку въ иголку, а лавочники считали бережно свои пятаки, прятали ихъ въ мѣшочки и завязывали ихъ крѣпко-на-крѣпко, какъ будто прощаясь съ ними навѣки вѣковъ.

Да, Турнова пережила день, превзошедшій ужасомъ своимъ все прежде испытанное. Даже исчезновеніе Уделе не было такимъ бѣдствіемъ, ибо, говорили они, отрѣзан-

ный членъ не такъ опасенъ для жизни, какъ постороннее тѣло, попавшее въ организмъ. Неисповѣдимы пути Господа; угодно ему испытать свой народъ.

Когда солнце зашло и наступилъ вечеръ, слѣдовало въ этотъ день исполнить благословеніе въ честь новолунія. Подъ открытымъ небомъ собрались молящіеся, чтобы трижды прыгать противъ луны и пропѣть освященныя преданіемъ молитвы. Таинственно звучало привѣтствіе, произносимое ими: Миръ съ вами, съ вами миръ... И еслибы одинъ изъ нихъ воскликнулъ въ сію минуту: Братья, не осраимъ себя, — тогда всѣ поднялись бы на ноги, какъ одинъ человѣкъ, и разгромили бы новую лавку. Но ничей голосъ не прервалъ тишины, и народъ вернулся озабоченно въ свои квартиры.

Но въ глубинѣ души, куда заглядываютъ одинъ разъ въ годъ, въ великіе дни суда Божія надъ землею, затаилась глубокая, щемящая тоска.

Въ домѣ Іосифа показался всѣмъ какъ будто новый крестъ.

IX

Лавка Анны была выкрашена зеленою краской и покрыта мелкими черепицами. У входа лежало нѣсколько гладко обтесанныхъ камней. А въ самой лавкѣ лежали въ открытыхъ шкафахъ въ симметрическомъ порядкѣ пачки табаку, производя пріятное впечатлѣніе на посѣтителя. На прилавкѣ стояла зажженная свѣча для закуриванія, а передъ прилавкомъ стоялъ круглый стулъ.

Анна гладко причесывала свои русые волосы, что очень шло къ ея мягкому, нѣжному лицу. Простая домашняя одежда ея придавала ей особенную прелесть, а черная ленточка вокругъ шеи пріятно оттѣняла бѣлизну ея лица. Она услуживала тихо и скромно и научилась вскорѣ угождать своимъ покупателямъ и угадывать желанія каждого.

У нея былъ также особенный обычай: она ни за что не хотѣла торговаться и настаивала на своихъ цѣнахъ. Это возбуждало всеобщее неодобреніе въ благочестивой Турновѣ, гдѣ всѣ привыкли давать половину того, что спрашивалъ купецъ, клявшійся женой и дѣтьми, что самому дороже стоитъ. И Аннѣ не оставалось ничего другого, какъ довольствоваться посѣщеніями польскихъ пановъ, которые вскорѣ научились отдавать предпочтеніе ея табаку, взвѣшиваемому честной рукой, предъ прежнимъ, продававшимся въ грязныхъ лавкахъ вмѣстѣ съ сеledками и керосиномъ.

Посѣтители же изъ дома Израиля, которые заходили къ ней, пользовались случаемъ и просили у нея написать имъ адресъ — самое обстоятельное и трудное дѣло въ стѣнахъ Турновы. И собиратели пожертвованій нельзя сказать, чтобы неохотно приходили въ ея лавку, гдѣ вмѣсто обычнаго въ Турновѣ мѣднаго гроша можно было получить цѣлый пятакъ. Кто снидетъ въ глубину души человеческой? Быть можетъ, имъ, молодымъ, жены которыхъ по закону должны были покрывать собственные волосы, видъ хорошихъ волосъ хозяйки служилъ пріятной наградой.—

Но единственными постоянными покупателями Анны были наши удалые молодцы, завоевавшіе себѣ право куренія табаку. Скромный нравъ Анны незамѣтно дѣйствовалъ на нихъ, и ихъ самосознаніе росло, когда ихъ не звали просто по имени, а величали, какъ господъ, по фамиліи. Здороваясь и прощаясь, они подавали Аннѣ руку, что тоже наполняло ихъ тайною гордостью.

Новая заря взошла для нашихъ героевъ, и ихъ стремленія, направленныя на улучшеніе внѣшности, получили болѣе глубокую основу. Когда они чистили свои платья, то въ этомъ обиходномъ дѣйствиіи сказывалась вѣра въ идею, а утреннее омовеніе не служило однимъ лишь исполненіемъ обряда, а было настоящимъ мытьемъ, освѣжавшимъ тѣло и душу. Незамѣтно для себя они начали пропускать

страницы въ молитвенникѣ и зато чаще выглядывали черезъ окошко. За столомъ они ужъ не хотѣли ѣсть руками и требовали ножей и вилокъ. Когда же они потомъ закуривали папирску и созерцали облачка дыма, клубившіеся въ воздухъ, тогда какъ то само собой отодвигалось на задній планъ ученіе талмуда и появлялась охота къ чтенію Библии. Хотя смыслъ разсказываемаго въ ней, затемненный тысячелѣтіями, и не всегда былъ доступенъ ихъ пониманію, но все же въ души ихъ проникало дуновеніе тѣхъ временъ, когда народъ Израильскій странствовалъ по горамъ и по долинамъ и когда юноши израильскіе держали въ рукахъ лукъ и копье и не сидѣли, нагнувшись надъ тяжелыми фоліантами.

По выходѣ изъ лавки Анны, они гуляли немного по тропинкѣ, отдѣлявшей Іосифовъ садикъ отъ графскаго парка. Все было такъ чудно при свѣтѣ вечерней зари. А тамъ дальше, по ту сторону дорожки, лежитъ другой, невѣдомый міръ. Злые псы ходятъ тамъ на цѣпи и готовы растерзать каждаго еврея; но когда пройдешь съ обнаженной головой, то они не дѣлаютъ зла. И въ сердце ихъ проникла тоска по этой дивной незнакомой дали. О, еслибы можно имъ было сопутствовать Іисусу Навину и перейти съ нимъ воды Іордана!

Х.

А Нутель, раввиновъ сынъ, виталъ тогда въ другомъ свѣтѣ мірѣ. Онъ изучалъ сказочнаго Жозефа де ла Рейне, колдовствомъ обратившаго сатану въ козла, и углублялся съ особеннымъ интересомъ въ трактаты о небесныхъ тѣлахъ, разсѣянные тамъ и сямъ по разнымъ книгамъ. За табакомъ для отца своего онъ ходилъ не какъ другіе юноши къ Аннѣ, а къ длинноному худому еврею Саулу, прозванному въ Турновѣ философомъ, откуда Турновцы и узнали про философію. У этого Саула имѣлась

старая астрологическая книга, въ которой изображены были солнце, луна, звѣзды и земной шаръ и отмѣчены были страны свѣта: востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Но чего никоимъ образомъ не могъ понять Саулъ, это, какъ отличить востокъ отъ запада, когда можно было повернуть книгу головой внизъ.

Когда Нутель приходилъ къ нему, то обыкновенно просиживалъ нѣсколько времени надъ этой книгой и уходилъ домой, преисполненный тѣмъ, что прочелъ въ ней. Онъ не зналъ, куда ему дѣваться, и удивлялся, когда приходившая за свѣчами дѣвочка всовывала ему въ руку жесткую мѣдную монету вмѣсто земного шара...

Лавка Саула была отдѣлена отъ лавки Анны лишь тонкой деревянной стѣной. Это сосѣдство очень злило философа, и онъ намѣревался серьезно возвести между ними каменную стѣну, но любопытство узнать, чѣмъ торгуетъ сатана, заставлявшее его иногда проникать рукою въ промежутки между досками стѣны и пощупать сосѣдскаго табаку, удерживало его отъ этого шага. Къ чести Саула нужно сказать, что чужой табакъ внушалъ ему извѣстное почтеніе, и онъ связывалъ его не грубой веревкой, а изящной чайной ленточкой.

Когда Нутель приходилъ въ лавку, Саулъ обыкновенно снималъ съ полки старый, разорванный «Мидрашъ», на которомъ сушилась мужицкая махорка, и показывалъ ему въ сотый разъ имъ самимъ же открытое мѣсто, въ которомъ сказано, что у Адама былъ хвостъ и что до вкушенія имъ плода отъ древа познанія добра и зла онъ былъ простой обезьяной. Если въ это время слышался разговоръ изъ сосѣдней лавки, Саулъ подмигивалъ Нутелю глазомъ и доверчиво клалъ ему руку на плечо. Но Нутель высвобождался изъ объятія и по прежнему глядѣлъ въ книгу.

И вотъ случилось, что и Нутель ступилъ ногою въ лавку Анны. Онъ проходилъ мимо и хотѣлъ только бросить туда взглядъ. Но его потянуло дальше и, самъ

того не замѣчая, онъ ступилъ черезъ порогъ и спросилъ осьмушку табаку. Анна вынула пачку и спросила мягко: Ты ли это, Нутель? Нутель никогда еще не видалъ красивой дѣвушки въ такой близости. И, уходя домой, онъ опять вспомнилъ извѣстный ему стихъ изъ Библии: «и она была хороша лицомъ и хороша станомъ».

Табакъ пришелся по вкусу раввину, и онъ былъ убѣжденъ, что философъ сталъ честнѣе и добросовѣстнѣе. Тогда Нутель сознался, что купилъ его у «нѣмца». Уреле ушамъ своимъ не вѣрилъ. У нѣмца? спросилъ онъ. Нутель не зналъ, что сказать и сѣлъ за книгу.

— «Нутель, послушай, я хочу поговорить съ тобой, — началъ вдругъ раввинъ мягкимъ голосомъ, — ты, понимаешь ли? Тебѣ бы ужъ пора понимать въ чемъ суть дѣла: еврей, понимаешь ли, еврей долженъ доискиваться сути всего. Думать, видишь ли, дѣло другое, если и забрелъ мыслями въ сторону, то ты все еще доступенъ милости Бога, обращающаго грѣшника на путь истины. Но око, понимаешь ли, сердце — вотъ врата грѣха... Юношѣ, какъ тебѣ, не ступать же по слѣдамъ такихъ пустыхъ парней... Смыслъ ученія имъ не такъ понятенъ. Всѣ мы грѣшны и всѣ нуждаемся въ поученіи.

— Нутель, послушай, я хочу поговорить съ тобой, — гу. Тутъ Уреле стало ясно, что ему, какъ пастырю общины, слѣдуетъ лично переговорить съ Іосифомъ и высказать ему откровенно свое мнѣніе обо всемъ. Собственно идея эта исходила отъ раввинши, давно уже за спиной его поговаривавшей о необходимости такого шага. Но, будучи умной и вѣрной женою, она всегда устраивала дѣло такъ, что раввинъ принималъ ея планы за собственные рѣшенія.

Уреле опоясалъ чресла свои, надѣлъ праздничный халатъ и пошелъ съ упованіемъ на Бога къ нѣмцу. Онъ уже заранѣе приготовилъ рѣчь, въ которой рѣшилъ сказать Іосифу всю правду. Но какъ только онъ вступилъ въ залу, онъ позабылъ всѣ свои нравоученія. Іосифъ сидѣлъ въ сосѣдней

комнатѣ со своей старухой и вышелъ ровнымъ, неторопливымъ шагомъ на встрѣчу гостю. Уреле уже сидѣлъ за столомъ и мялъ безпокойно свой красный платочекъ.

— Чему обязанъ честью, спросилъ Іосифъ, медленно проводя рукою по бородѣ.

— Какъ поживаете, раби Уреле, продолжалъ онъ, видя, что раввинъ все молчитъ.

— Грѣхъ жаловаться, — проговорилъ Уреле, пока шливая. Іосифъ всталъ съ сидѣнія, поставилъ на столъ стаканъ отборнаго вина и началъ:

— А что вы скажете на эту исторію? хороша компанія, нечего сказать, подумайте, десять рублей сажень дровъ!

Раввинъ потупилъ глаза и произнесъ не безъ робости, что сосѣдка его вотъ ужъ третій день какъ голодаетъ, да и къ тому же ребенокъ у нея заболѣлъ.

Іосифъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и вручилъ ее раввину съ пожеланіемъ собрать много денегъ для убогой. Онъ проводилъ раввина до двери и, довольный оказанною честью, вернулся съ достоинствомъ въ свои покои.

Уреле былъ до того тронутъ щедростью Іосифа, что поспѣшилъ къ своей нищей, передалъ ей деньги и ушелъ отъ нея, исполненный благодарности къ Всеблагому, вѣчно радѣющему о дѣтяхъ своихъ и всегда готовому оказать имъ помощь.

XI

Былъ поздній лѣтній вечеръ. Дождь только что пересталъ итти, воздухъ былъ свѣжъ, и дулъ легкій вѣтеръ. Опустѣлая улица была окутана полумракомъ, а по обѣимъ сторонамъ ея безпокойно дремали усыпанные дождевыми каплями деревья. Въ это время послышался стукъ въѣхавшей въ городскія ворота коляски; на козлахъ сидѣлъ усталый мужикъ, а внутри мужчина въ зимнемъ пальто. Сто-

рожь, заслышавъ колокольчикъ, подумаль, что это почта, и протерь глаза, которые тотчасъ же опять сомкнулись. Лошади поплелись дальше въ сторону соннаго города и остановились у единственнаго въ Турновѣ постоялаго двора, казавшагося въ темнотѣ какою-то сѣрою массой, выдѣлявшейся своею громадною крышей.

Ямщикъ принялся выпрягать лошадей и вытирать ихъ мокрая спины и все ворчалъ и ругался за слабое освѣщеніе и скверное сѣно. Закутанная фигура вылѣзшаго изъ коляски господина сразу внушила къ себѣ почтеніе, и ему была отведена лучшая комната, въ которой передъ тѣмъ еще расположились на ночь и уже храпѣли два прасола и казакъ.

Полузаспанная глухая дѣвка засуетилась около гостя, принесла ему чаю и остановилась нерѣшительно у двери. Казакъ засопѣлъ сквозь сонъ и повернулся блаженно къ стѣнѣ, а прїѣзжіи сѣли за столъ и сталъ наливать чай изъ чайника въ стаканъ. Еще онъ не отпилъ и глотка, какъ въ комнатѣ появился хозяинъ въ уютныхъ подштанникахъ. Онъ протянулъ незнакомцу широкую руку, привѣтствовалъ его крѣпкимъ пожатіемъ и приступилъ къ допросу:

— Кто вы, молодой человѣкъ? Какъ зовутъ вашего отца? Откуда вы родомъ? Сколько вы заплатили мужику за проѣздъ? Ищите ли вы у насъ невѣсту или хотите вообще купить кое-что? Первородный ли вы сынъ вашего отца? Не хотите ли булки къ чаю? Умываете ли вы руки передъ ѣдой? Набожны ли вы? Впрочемъ должно быть нѣтъ, вѣдь вы въ короткомъ сюртукѣ. Кто вамъ шилъ этотъ костюмъ? Этотъ чемоданъ кажется кожаный. И палка эта тоже ваша? Прекрасная палка, говорю вамъ. Видите ли, я уже старъ и сѣдъ. Жены моей давно ужъ нѣтъ въ живыхъ, бѣдняжка, не мало намаялась на этомъ свѣтѣ. Эхъ, жизнь то наша! Существуютъ ли и у васъ уставы о солдатахъ? Вы можете мнѣ вполне довѣриться. Не продавайте ничего безъ меня. Если же вы ищете невѣсту, то я вамъ дамъ прелесть, красавицу, и съ деньгами; только лучше ужъ снимите вы этотъ

короткій сюртукъ, на что онъ вамъ? Боже мой, да вы ужъ спите! Погодите, я прикажу вамъ приготовить постель. Однако онъ, кажется, порядочно глупъ. Марѳа, чего стала, глухая тварь! Лошадямъ кормъ дали? Поди, полагайся на нихъ. Сейчасъ, принеси подушки, корова ты, дурачина, простофиля. Не забудь поставить барину воды, скотина ты такая.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня узналъ весь городъ, что у Шальтиель-Вольфа остановился молодой человѣкъ именемъ Менассе, родомъ изъ Кременчуга.

По наслышкѣ извѣстно было Турновцамъ, что гдѣ-то далеко, далеко существуетъ городъ Кременчугъ, гдѣ евреи одѣваются на нѣмецкій манеръ, и они думали про себя: хороши, должно быть, эти евреи! Но обстоятельство, что одинъ изъ такихъ евреевъ пребываетъ въ ихъ средѣ, заставило ихъ призадуматься.

Страшные дни суда Божія стояли уже у двора и уже раздавались протяжные звуки священнаго рожка, вызывающіе къ молитвѣ и покаянію. Проснулась старая вѣковая скорбь и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ породила новую боязнь.

Всѣ окружили постоянный дворъ и скорбно глядѣли на коляску. Кто знаетъ, что это за человѣкъ, и что ему понадобилось въ Турновѣ?

Быть можетъ это тайный агентъ, прибывшій съ цѣлью закрыть еврейскія училища? А кто можетъ поручиться, что это не поддѣльватель ассигнацій или просто миссіонеръ? Возможно и то, что, узнавъ про способности Нутеля, онъ хочетъ похитить его и послать за границу учиться? И при этой мысли нѣкоторымъ уже рисовалось въ воображеніи, какъ много, много лѣтъ спустя вернется на родину сынъ раввина, кончившій курсъ наукъ, и станетъ сыпать деньгами во всѣ стороны. . . Эти господа — щедрый народъ. . . Однакожъ перспектива, что изъ ихъ среды выйдетъ когда-нибудь такой отщепенецъ, раздосадовала нашихъ Турновцевъ, и они стали

роптать на Шальтіеля, что онъ даетъ убѣжище подобнымъ личностямъ.

Весь день только и рѣчи было, что о незнакомцѣ, и вопросъ о цѣли его прїѣзда не давалъ никому покоя. И кто только могъ, прокрадывался къ постояннымъ завсегдатаямъ синагоги, въ надеждѣ узнать у нихъ кое-что о мучившей ихъ загадкѣ.

Тамъ скучилось все, что составляло цвѣтъ турновскаго общества: молеельщики усердные и вялые, псаломщики и почтенные евреи съ глиняными чубуками. Пыль покрывала стѣны и платья, а лица скорѣй походили на смазныя оконныя стекла. Мешулемъ Зисси, по прозвищу дуракъ, писалъ гусинымъ перомъ молитву: «Слушай, Израиль» на пергаментѣ, а старая женщина, стоявшая у порога, предлагала входившимъ печеную картошку, напѣвая тоненькимъ голосомъ: покупайте, евреи, покупайте.

Вдругъ поднялся со своего мѣста Іехіель Яковъ-Натановъ и сказалъ: Братья, дѣло плохо. Во времена оны отцовъ нашихъ вели къ кресту и звали нашихъ пастырей въ Петербургъ, нынѣ же посылаютъ намъ недруговъ на шею. Во время оно помогали еще раскаяніе и обращеніе на путь истины, а когда дѣло доходило до крайности, Господь смягчалъ сердца монарховъ и простиралъ надъ нами спасительную десницу. Теперь же насталъ тяжелый часъ испытанія, ибо врагъ въ нашихъ же стѣнахъ... Кто знаетъ, до чего еще доживемъ, и кто изъ насъ можетъ поднять руки къ небу и честно сказать: «Вѣрою и правдою служили мы Тебѣ, Господи»...

* * *

Въ тотъ самый часъ предъ лавкой Анны остановилась карета. Изъ нея вышелъ господинъ съ благородной осанкой, купилъ фунтъ лучшаго табаку и уѣхалъ. Анна осталась одна; она вышла за порогъ лавки, но сейчасъ же вернулась обратно и оперлась о прилавокъ. Словно предчувствіе нахлынуло на нее. Со дня прощанія съ матерью, она не испытывала ничего подобнаго. —

На слѣдующій день всѣ жители Турновы узнали, что старшая внучка Іосифа Нѣмца стала невѣстой незнакомца, пріѣхавшаго изъ Кременчуга.

XII

Дѣло было въ пятницу. Въ пылающихъ печахъ пеклись субботнія булки, и связанныхъ курицъ уже относили къ рѣзнику, когда пришло извѣстіе о помолвкѣ. Женщины бѣжали изъ кухонь въ комнаты, а мужчины встрѣчали ихъ громкими вопросами: «Знаешь ли? слыхала ли уже?» Какъ будто буря промчалась надъ ними при этой вѣсти, и всѣ подняли головы, какъ бы желая узнать, не случилось ли съ ними бѣды.

Но приближалась суббота, и некогда было предаваться гнѣву. Съ досадой женщины принялись опять за чистку ножей и посуды и за мытье половъ. Вся Турнова походила на одну громадную кухню, въ которой работали безчисленныя руки безъ различія званія и возраста. Вотъ уже приспѣло время мужчинамъ отправляться въ баню, а женщины съ ужасомъ глядѣли, какъ время уходило, а у нихъ еще ничего не готово къ субботѣ...

День клонился къ концу. Старшія дѣвочки плакали, что имъ нечего одѣть къ празднику. «Да замолчите вы, наконецъ! Милосердый Боже, мы еще осквернимъ субботу. Дѣбося, Іохеведъ, Ривка, скорѣй несите ведро! А скатерть то гдѣ? А субботнія платья? Гдѣ платья? Свѣчей подать сюда. Зажгите свѣчи, безбожники. А столъ еще не накрытъ. Бася, сію минуту перестань ревѣть, не то я тебѣ голову разможжу. Янкель, чего ты молчишь, хорошъ отецъ! Мальчики, въ синагогу. Вина къ благословенію еще нѣтъ! Гдѣ полотенце? а соль? И соли то приготовить не могли. Боже мой, и далась же намъ эта пятница!»

И лишь вечеромъ въ молельняхъ можно было свободно переговорить о томъ, кто этотъ никому неизвѣстный и доселѣ невиданный женихъ.

— Слыхано ли дѣло, приходитъ парень и самъ высматриваетъ себѣ невѣсту. Родителей развѣ нѣтъ у него, что ли; въ лѣсу видно родился.

— Невѣроятно. И это совершается въ средѣ добрыхъ евреевъ.

— Такой отступникъ можетъ еще вздумать говорить съ невѣстой.

— Быть не можетъ, чтобы еврей это сдѣлалъ.

— Кто носитъ короткій сюртукъ, тотъ ужъ не еврей.

— Посмотрѣлъ бы ты, Берль, на него. Плечи солдатскія, парень, что твой дубъ.

— А ты что думаешь про него, Пейсахъ? Вѣдь ты живешь недалеко отъ Шальтиеля.

— Мнѣ теперь нельзя отвѣчать. Я читаю «Пѣснь восхожденія».

— Ребѣ Шмельке, подите молиться.

— Пускай раньше Мешулемъ прочтетъ молитву. Я охрипъ совсѣмъ.

— Читайте, небось, не подавитесь.

Свѣчи были зажжены. Всѣ понемногу раскрыли молитвенники. Молящіеся засунули руки за пояса и стали благоговѣнно качаться. Начали съ псалма: «Блаженъ, иже въ обители твоей обрѣтается». Когда же кончили вступительную молитву, тогда приступили къ приему принцессы-Субботы. Прежній молещикъ уступилъ мѣсто лучшему, и торжественнымъ голосомъ пронеслось по молельнѣ:

«Не ожесточайте сердецъ вашихъ, какъ во дни искушенія въ пустынѣ. Сорокъ лѣтъ негодоваль я на этотъ родъ и сказалъ: се народъ, блуждающій сердцемъ, и не вѣдаютъ они путей моихъ. И поклялся я въ гнѣвъ моему, что не найдутъ они покоя».

XIII

Ну и подумайте только, этотъ самый женихъ Анны носилъ круглую шляпу, невиданный и неслыханный доселѣ во

Израилѣ головной уборъ. Если всякое новшество въ одеждѣ можно уподобить ѣдѣ въ постные дни, то круглая шляпа равносильна оскверненію самаго священнаго изъ нихъ, дня очищенія.

Турновцы знали, что далеко, далеко за горами, въ странѣ нѣмцевъ или французовъ, всѣ носятъ круглыя шляпы. И въ уѣздномъ городѣ носятъ ихъ врачи, аптекаря, писаря; вѣдь на то они и получили образованіе, чтобы отличаться отъ прочихъ евреевъ. Но настоящіе евреи всюду и вездѣ покрываютъ головы шапками, ибо что-же, кромѣ шапки, подойдетъ еврею?

Шапка составляетъ неотъемлемый атрибутъ еврея и также нераздѣльна съ нимъ, какъ длиннополый халатъ, какъ поясъ во время молитвы и какъ еврейское нарѣчіе.

Что за разница, изношена ли она или только что куплена вновь, унаслѣдована ли она сыномъ отъ отца или сшита изъ полы стараго балахона? Вся сила въ томъ, чтобы она не отступала ни на іоту отъ освященной закономъ формы и чтобы всегда и вездѣ покрывала голову еврея. Ибо кто ходитъ съ обнаженной головой, тотъ взваливаетъ тяжкій грѣхъ на душу свою и оскверняетъ имя Господа... Даже во снѣ голова должна быть прикрыта чѣмъ-нибудь, и только въ банѣ ты свободенъ отъ этой заповѣди.

Если еврею приходится снять на минуту шапку въ судѣ, то онъ чувствуетъ себя самымъ жалкимъ и несчастнымъ существомъ въ мірѣ, и горю его нѣтъ конца; ибо что такое человѣкъ безъ головного убора?

Евреи во всемъ отличаются отъ другихъ народовъ; если бы тѣмъ приказано было покрывать голову, они удовольствовались бы исполненіемъ одного закона; евреи же дѣлаютъ больше, чѣмъ отъ нихъ требуется, и носятъ подъ шапкой въ придачу и ермолку.

И въ ермолкахъ тоже существуютъ различія: такъ, истинные праведники не надѣнутъ никогда широкой ермолки, а многогранная уже свидѣтельствуетъ о нѣкоторой свѣтской

испорченности. Кто надвигаетъ шапку на самый лобъ, тотъ болѣе набоженъ; глубокомысленныхъ философовъ узнаютъ по тому, что у нихъ какъ-то сами собой волосы выбиваются изъ подъ шапки. Праведный еврей не надѣнетъ шапки изъ грубаго сукна, бархатныхъ же шапокъ не носятъ по буднямъ.

Во время оно, когда евреи были еще самостоятельнымъ народомъ, всѣ они носили одинаковыя шапки. Но съ тѣхъ поръ, какъ они разсѣялись по всему міру, шапки начали отличаться по величинѣ и формѣ.

Черта — общая всѣмъ этимъ видамъ — это ихъ цвѣтъ, колеблющійся между темносѣрымъ и чернымъ. Всякій другой оттѣнокъ служить уже доказательствомъ легкомыслія и можетъ быть терпимъ только среди подмастерьевъ. Другой отличительный признакъ шапокъ заключается въ томъ, что козырекъ долженъ быть изъ той же матеріи, что и вся шапка, а не, упаси Боже, изъ клеенки или вообще изъ блестящаго лоскута. Блестящій козырекъ подобаетъ холопу, а не тому, кто хочетъ быть праведнымъ евреемъ.

Жилъ нѣкогда близъ Турновы еврей; у того была дочь чудной красоты. Когда ей было семь лѣтъ, ее ужъ обѣщали жениху. Но юноша былъ некрасивъ, и когда она выросла, она не хотѣла выходить за него замужъ. Отецъ же ея слышать не хотѣлъ о разрывѣ, ибо разрывъ съ женихомъ до брака по закону хуже развода. Тогда дочь прибѣгла къ хитрости и сказала: «Ну, хорошо, я готова выйти за него замужъ, но, клянусь, онъ не будетъ моимъ мужемъ, пока не надѣнетъ къ вѣнцу шапки съ блестящимъ козырькомъ». На это условіе родители не могли согласиться, и, къ великому ихъ прискорбію, бракъ не состоялся.

Но шапка съ другимъ козырькомъ все еще ничто въ сравненіи съ шляпой. И вы можете представить себѣ, каково было нашимъ Турновцамъ, когда они узрѣли шляпу въ своемъ городѣ.

* * *

Одинъ только раввинъ могъ бы помочь бѣдѣ. Но ничто не въ состояніи было склонить Уреле опять пойти съ увѣ-

щаніями къ Нѣмцу. Единственное, что онъ могъ сдѣлать, — это отказать обручившимся въ благословіи. Но въ глубинѣ души ему больно было осрамить еврея. Было бы лучше, думалъ онъ, если бы люди жили въ смиреніи и предоставили бы все Богу. Довольно съ насъ сознанія, что у насъ у всѣхъ справедливый отецъ, и что тамъ высоко въ небѣ пекутся о насъ, червяхъ. . .

XIV

Но лагерь тугихъ воротничковъ ничуть не причислялъ себя къ червямъ; тамъ царствовало приподнятое настроеніе; появленіе Менассе, лишившее стариковъ покоя, придало имъ духу. —

Къ тому времени они возмужали и стали еще большими удалцами. Взглядъ ихъ, прояснившійся съ теченіемъ времени, не могъ не видѣть мрака училищъ, а синіе клубы дыма, поднимавшіеся отъ папирозъ, уносили ихъ воображеніе вдаль, за шатры отцовъ. Еслибъ они въ состояніи были уяснить себѣ всѣ свои стремленія, то могли бы сказать, что борьба противъ одежды стариковъ была борьбой противъ враждебнаго начала. И вотъ является человѣкъ, разрѣшающій всѣ ихъ сомнѣнія; ихъ мечтамъ суждено исполниться.

Они уже успѣли прослышать про Исаака-Бера изъ Кременца, указывавшаго въ своемъ произведеніи «Обитель Іудеи» на то, что слѣдуетъ изучать древній еврейскій языкъ... И теперь они думали изложить на бумагѣ свои желанія въ изысканной прозаической формѣ и торжественно передать ихъ пришельцу изъ Кременчуга. Кременчугъ, думали они, должно быть нѣчто въ родѣ Кременца; всѣ евреи носятъ тамъ короткіе сюртуки, а въ Одессѣ зашли еще дальше. Еще недавно всякая даль была для нихъ подернута туманомъ. Кто можетъ вырваться изъ Турновы? И вдругъ среди нихъ преbываетъ одинъ изъ того міра. Кровля Шальтіеля стала для нихъ флюгеромъ, съ котораго они не спускали глазъ. И въ

то время, какъ Іехіель Яковъ-Натановъ произносилъ въ синагогѣ свою увѣщательную рѣчь, они тронулись впередъ, какъ вѣстники новыхъ временъ. Наступилъ часъ побѣды: теперь онъ предстанетъ предъ ними и укажетъ имъ новый путь.

Вѣсть о помолвкѣ стала вѣстью о новой побѣдѣ въ станѣ молодежи. Имѣть у себя въ городѣ такого просвѣщеннаго зятя было счастьемъ, которымъ они имѣли право гордиться. Они ужъ не могли усидѣть больше дома и вырвались на свободу. Съ дикимъ крикомъ промчались они по тропинкѣ, раздѣлявшей два міра, и достигли городскихъ воротъ. Тамъ тянулись скошенные поля, и старая мельница на холмѣ тихо кружилась при завываніи вѣтра.

И, наконецъ, свершилось великое чудо. На слѣдующій день они узрѣли Менассе воочию. Высокій и стройный юноша стоялъ передъ ними, весь одѣтый на нѣмецкій манеръ: короткій сюртукъ поверхъ глаженныхъ брюкъ, — какое возвышенное зрѣлище! А круглая черная шляпа надъ ослѣпительной бѣлизны воротникомъ производила невыразимое впечатлѣніе. Ихъ сердца раскрылись, и все, что доселѣ неясно дремало въ ихъ душѣ, облеклось въ видимую форму...

* * *

Совѣщанія о томъ, какъ обзавестись всѣмъ шляпами, велись по вечерамъ у вѣтряной мельницы. Серьезностью и торжественностью отличались сходки нашихъ героевъ; и путнику, проходившему мимо мельницы и видѣвшему ихъ движущіяся тѣни, могло показаться, что тутъ заговорщики обдумываютъ новый порядокъ вещей.

XV

«А если не внимлешь гласу Бога твоего, тогда я сниспущу на тебя проклятіе, и оно постигнетъ тебя... Огонь сожжетъ плоды земли твоей, и ты обезумѣешь отъ того, что узрять глаза твои»

Это было за недѣлю до праздника «Кушей», который въ старину былъ торжествомъ поселянина по окончаніи жатвы и собраніи плодовъ, и все назначеніе котораго нынѣ заключается лишь въ томъ, чтобы кратковременнымъ существованіемъ шалашей напомнить о преходимости всего земного.

Тяжелое безпокойство царило въ Турновѣ. На почти опустѣвшемъ базарѣ виднѣлись лишь изрѣдка задремавшія надъ лотками торговли да неутомимые лавочники, терпѣливо выжидавшіе покупателей. Неисповѣдимы пути Божіи, и порою, когда ужъ потерялъ всякую надежду, Небо ниспосылаетъ благодѣтеля. . .

Вдругъ на рынкѣ показалась статная молодежь. Съ круглыми шляпами на головахъ и съ книгами подъ мышкой они подвигались впередъ стройными рядами.

Первый, увидѣвшій ихъ, просто остолбенѣлъ отъ страха, другой въ ужасѣ попятился назадъ, третій разинулъ ротъ, а четвертый закричалъ нечеловѣческимъ голосомъ; лавочники повалили изъ лавокъ, евреи прибѣжали чуть дыша безъ балахоновъ, торговли взялись за метлы, а мясники подняли ужасный вой. Это ужъ конецъ міра . . . Кто только могъ, спѣшилъ сюда со всѣхъ концовъ города. Толпа все росла и росла. Такого сборища Турнова еще не видала. Матери отрывали грудь отъ младенцевъ, всѣ отъ мала до велика, сильные, слабые, ученые, невѣжды — всѣ устремились туда. Дѣвки стояли рядомъ съ бородастыми евреями. Дѣтей поднимали надъ головами взрослыхъ. Смятеніе росло, крики усиливались, и страшный голосъ завопилъ въ отчаяніи: Поругано имя Израиля!

— Забейте ихъ на смерть! Сорвите у нихъ эту гадость съ головы! Да пропадутъ они за наше посрамленіе! Мы имъ выколемъ глаза! Пропустите меня, я ихъ задушу! Мы вамъ зададимъ носить воротники! Отступники! Нѣмцы! Молокососы этакіе! Табакомъ несетъ отъ васъ, прокля-

тые! Повѣсить ихъ, размолоть, разорвать на куски, въ прахъ растереть, истребить!

Ничего не могло удержать толпу отъ драки; даже тѣ, которые хотѣли было успокоить зачинщиковъ, были вовлечены въ бой. Въ ярости евреи кусали шляпы зубами; воздухъ содрогался отъ оплеухъ; противники царапали другъ другу глаза, вырывали бороды, дрались руками и ногами. Крикъ женщинъ слился съ визгомъ дѣтей. Батюшки мои! ноги мои! спина моя! сжальтесь надо мною! вы задавите ребенка! я задыхаюсь! охъ, охъ, моченьки нѣтъ! Многіе кусали другъ другу пальцы, изъ носовъ текла кровь, гулъ голосовъ заглушалъ вопли и стоны. Накипѣвшая злоба, наконецъ, разразилась. Вся Турнова была словно объята пламенемъ. То не была уже борьба стариковъ съ молодежью, отцовъ съ дѣтьми, боролись всѣ противъ всѣхъ. Казалось, и мертвые встали изъ гробовъ и невидимо разжигали страсти, старая вина требовала отомщенія...

Камни посыпались въ лавку Анны. Окна у нѣмца были разбиты въдребезги. Бревно полетѣло въ садъ и попало въ лампадку, свѣтъ потухъ...

Но вдругъ появилось начальство. Прибыль приставъ съ мужиками на лошадяхъ; съ трудомъ удалось разъединить дерущихся. Многіе, тяжело дыша, стали просить пощады, другіе старались спастись бѣгствомъ, а кто похрабрѣе, показывалъ приставу похищенную шляпу, стараясь объяснить ему, иновѣрцу, кто и что виноваты во всемъ. Приставъ прикрикнулъ на нихъ голосомъ начальника и началъ ко всеобщему ужасу записывать ихъ фамиліи. Въ смятеніи многіе забыли, какъ ихъ зовутъ, и называли чужія фамиліи, другіе выдавали себя за глухихъ, а Мешулемъ Зисси закрывалъ рукою окровавленный носъ, чтобы не выдать себя.

Уже давно наступилъ вечеръ, и кто могъ спѣшилъ въ синагогу, чтобы прочесть запоздавшую молитву.

«Добръ и милосердъ Всевышній, исполненъ терпѣнія и милости».

«Онъ защищаетъ преданныхъ Ему и караетъ неправедныхъ».

Нутель, раввиновъ сынъ, не принималъ участія въ заговорѣ и былъ сильно удрученъ. Вдругъ и онъ почувствовалъ влеченіе къ отпору. Ему попалась въ руки круглая шляпа, онъ надѣлъ ее себѣ на голову и явился въ такомъ видѣ у порога молельни.

— Вонъ, невѣрный, вонъ отсюда!

Уреле стоялъ у кивота и въ смиреніи молился Богу, набожно качаясь во всѣ стороны. И когда глаза его узрѣли сына въ такомъ видѣ, онъ еще ниже нагнулъ голову. Впервые въ жизни ему стало стыдно предъ Господомъ.

XVI

Праздники приближались къ концу; вмѣстѣ съ ними кончалась и лѣтняя пора, уступившая мѣсто унылой осени. Лица Турновскихъ евреевъ не прояснились, и боязнь предъ мірскимъ судомъ не покидала ихъ души.

Всякій былъ бы радъ не быть въ числѣ участвовавшихъ въ бойнѣ, и никто не имѣлъ бы ничего противъ того, еслибы вмѣсто Турновы обвиненъ былъ сосѣдній Торовецъ или Ладжинъ.

Еслибъ можно было, по крайней мѣрѣ, откупиться деньгами, но эта продѣлка грозитъ тюрьмой, или, упаси Боже, даже Сибирью.

И дѣйствительно, мѣстный приставъ нашелъ, что самъ онъ не въ силахъ тутъ разсудить и передалъ протоколъ объ убійственной дракѣ въ уѣздный городъ Умань. Вскорѣ получены были первыя повѣстки. Турновцы совсѣмъ растерялись. Люди, бывшіе по уши въ долгахъ, первымъ дѣломъ перестали платить, а женщины торопились поскорѣй выдать замужъ дочерей, такъ какъ нельзя было предвидѣть, что предстоитъ городу. Вызванные къ суду между тѣмъ вернулись обратно и приобрѣли большой вѣсъ въ городѣ. Всѣ тѣсни-

лись вокруг нихъ, чтобы разузнать каковы дѣла, и просили разсказать подробно, что тѣ видѣли и слышали.

«Да, да, братцы, готовьтесь. Мы отправились въ участокъ; тамъ стоялъ караульный съ ружьемъ въ рукахъ; онъ, правда, не стрѣлялъ. Насъ повели въ какую то конуру съ желѣзными рѣшетками. Мы сидѣли тамъ безъ шапокъ; прошелъ часъ, другой, третій, мы ужъ было думали, что насъ во вѣкъ не выпустятъ. Вдругъ открылась дверь. «Мошка» закричалъ кто-то по ихнему. Я говорю Исааку: «Иди ты за меня, у меня сердце бьется». Но онъ вытолкалъ меня. Ничего я не могъ разглядѣть, видѣлъ однѣ только золотыя пуговицы. «Отчего вы дрались?» — «Я не дрался, баринъ». «Врешъ, вѣдь ты записанъ». «Избави Богъ, я не выходилъ тогда на дворъ, у меня была больная нога, я могу ее вамъ показать». «А отчего дрались другіе?» — «Развѣ я это сказалъ? И какъ могъ я сказать что-нибудь подобное?»

Тогда прибылъ въ Турнову самъ Уманьскій исправникъ, чтобы разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Двое судей и два писаря сопровождали его. Жителями овладѣла настоящая паника; они прятались въ погребяхъ, переодѣвались въ женскія платья; занятія въ школѣ прекратились, лавочники закрывали лавки, а синагоги совсѣмъ опустѣли. Женщины перестали печь и стряпать, все выбилось изъ колеи.

Начался допросъ. То были ужаснѣйшіе часы въ жизни Турновцевъ. Осужденные давали обѣтъ Богу, что будутъ отнынѣ жить вѣрой и правдой, если имъ удастся выйти цѣлыми и невредимыми. Всѣ дрожали передъ земнымъ судомъ и старались, кто могъ, склонить служителей права на свою сторону. Но тѣ хватали ихъ прямо за шиворотъ: не сдобровать вамъ, жидамъ, на сей разъ.

Боже, какъ зарябило у Турновцевъ въ глазахъ, когда ихъ стали вызывать по фамилии. Никто не понималъ по-русски, а если кто и понималъ кое-что, говорилъ нарочно невпопадъ; всѣ уклонялись отъ отвѣта, когда ихъ спрашивали, сколько имъ лѣтъ, а Нисанъ — писарь, вызванный въ

качествѣ переводчика, лгалъ самымъ безстыднымъ образомъ и еще болѣе запутывалъ дѣло.

«Ты, Симеонъ Яковлевъ, держалъ ли ты бревно во время свалки?» «Что онъ говорить?» спросилъ Симеонъ Іосифа. «Спрашиваютъ, сколько у васъ дѣтей; скажите, что вы не били своего сына». «Но у меня сына-то нѣтъ». «Повторите, что вамъ говорятъ, и не дѣлайте глупостей». «Но бревно?» — повторилъ предсѣдатель. — «Господинъ судья, вдругъ понялъ Симеонъ, «я не держалъ бревна, я даже не могу поднять его, чтобы я такъ жилъ». — «Такъ кто же это былъ? Не Хаймъ Рувимовъ ли или Корей Натановъ?» — «Почемъ мнѣ знать, господинъ судья». «А тебя какъ зовутъ?» обратился предсѣдатель къ другому. «Мое имя Іосель, такъ всѣ меня звали, и дѣда моего тоже такъ звали». — «А отца твоего?» — «У меня былъ отчимъ, господинъ судья, онъ женился на моей матери послѣ моего рожденія». «Гдѣ и когда ты родился?» — «Я не знаю, тогда былъ у насъ большой пожаръ. Я вовсе не виновенъ, господинъ судья. Я въ жизни мухи не обидѣлъ. Я бѣдный человѣкъ, жена моя продаетъ на базарѣ соленые огурцы. Я лишь случайно проходилъ мимо».

Потъ градомъ катился съ лицъ выходящихъ изъ залы. Поджидавшіе хватали ихъ за рукава и полы.

«Ты, козлиная борода, Расскажи, что слышалъ?»

Вдругъ послышался голосъ: «Братцы, насъ въ тюрьму поведутъ». Осужденные не знали ужъ что дѣлать. Они обнимали колѣни судей, цѣловали ихъ руки; а женщины хватали своихъ и не своихъ дѣтей, чтобы смягчить сердца гонителей.

Судьи уѣхали на слѣдующій день, такъ и не добившись толку, а чтобы избавиться отъ всего дѣла, они послали бу маги въ губернской городъ Кіевъ.

Турновцы были внѣ себя отъ ужаса и готовы были ко всему. Они ни о чемъ и думать не могли и ни за что не могли взяться. Особенно ихъ бѣсило, что они, потерявъ

голову, проговорились кое о чемъ, что слѣдовало бы хранить про себя.

— Да, да, въ старину сжигали нашихъ отцовъ на ко-страхъ, нынѣ хотятъ насъ извести писарями.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ.

XVII

И Всеблагій не оставилъ Своей Турновы. Согласно изреченію, онъ приготовилъ исцѣленіе еще прежде, чѣмъ была нанесена рана.

Случилось это такъ: пропавшая Уделе съ курчавой головкой къ тому времени выросла и стала такой красавицей, что не было равной ей во всемъ мірѣ; никто не могъ отвести глазъ отъ нея. Бродяги-музыканты странствовали съ нею изъ города въ городъ; пѣсни Уделе плѣняли народъ, и золото сыпалось въ карманы бродягъ. Днемъ она должна была исходить всѣ переулки, зато по вечерамъ ей можно было глядѣть вдаль... Тогда она невольно запѣвала родимую пѣсенку и вспоминала прежніе дни. Самыя жестокія сердца таяли при звукѣ ея голоса; никто изъ компаніи не посмѣлъ бы обнять ее, а когда она ложилась спать, всякій былъ радъ отыскать для нея свѣжую солому; ей предоставлялось самое чистое полотенце, а одинъ рыжеватый малый, особенно преданный ей, приносилъ ей каждое утро кувшинъ чистой воды.

Однажды они прибыли на ярмарку въ Вознесенскъ. Былъ чудный лѣтній день, Уделе была особенно въ ударѣ, и музыканты набивали карманы деньгами. Въ это время проходилъ мимо высокопоставленный господинъ, и какъ только глаза его увидѣли Уделе, сердце его воспламенилось великой любовью къ ней. Онъ сказалъ, что безъ нея жизнь ему не жизнь, и предложилъ музыкантамъ большой выкупъ. Тяжело было имъ разстаться съ пѣвуньей, но блескъ золота ослѣпилъ ихъ. Они рѣшили предоставить самой дѣвушкѣ

рѣшеніе судьбы, а рыжеватый малый уговаривалъ ее пойти съ тѣмъ господиномъ съ тайной надеждой, что свершится чудо, и Уделе ради него останется съ ними.

Подѣхала карета, и Уделе въ удивленіи сѣла въ нее. Лошади понеслись рысью, и когда они уѣхали далеко отъ города, незнакомецъ сказалъ Уделе, что любитъ ее больше жизни, что она станетъ его женой и что она будетъ ходить въ шелку и въ бархатѣ. Мать его, графиня, живетъ въ чудномъ дворцѣ, и она тоже полюбитъ Уделе.

У дѣвушки защемило сердце.

Весь день и всю ночь мчались они по горамъ и по равнинамъ и остановились, наконецъ, въ уединенной рощѣ. Тамъ стоялъ бѣлый монастырь, обитель смиренныхъ инокинь. Въ немъ Уделе должна была готовиться къ принятію крещенія. Ей отвели келью подлѣ колокольни; по цѣлымъ днямъ она сидѣла молча у окна и отказывалась дѣлать, что ей говорили. Утромъ и вечеромъ навѣщала ее настоятельница и простирала руки надъ главою Уделе, страшась ея земной красоты. — А Уделе все сидѣла и плакала.

И вотъ наступило воскресеніе. Колоколь звонилъ къ заутренѣ; воздухъ дышалъ миромъ и покоемъ; послышалось торжественное пѣніе органа; глубокіе, мягкіе, полные благоговѣнія звуки будили и отверзали сердца. Уделе тихонько открыла церковную дверь. Монахини въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми покрывалами стояли на колѣняхъ и пѣли стройнымъ хоромъ: «Господи помилуй!»; желтыя восковыя свѣчи испускали дивный дрожащій свѣтъ, а Матерь Божія съ сіяющимъ ликомъ привѣтственно простирала длани. Уделе сказала: «Да».

* * *

Когда Турновцы услышали про это, они тогда лишь поняли, что означали слова оракула о разбитомъ кувшинѣ... Въ другое время они проклинали бы навѣкъ Нѣмца и весь его родъ. Но такъ какъ они въ то же время узнали, что мужъ Уделе — членъ Окружнаго Суда въ Кіевѣ, они подумали: кто

пойметъ пути Провидѣнія? Наши женщины не разъ протягивали намъ спасительную руку въ бѣдствіи и красотой своей плѣняли даже сердца царей . . .

XVIII

У Турновы нашлась, такимъ образомъ, своя Эсѳирь, не доставало еще Мардохая. Никто, кромѣ Іехіель Яковъ-Натанова не годился для того, чтобы отправиться въ Кіевъ. Но Іехіель былъ незамѣнимъ въ синагогѣ, а потому рѣшили послать Исрулика-Козака, точно созданнаго для такой роли.

Но вѣдь Кіевъ лежитъ далеко, далеко отъ Турновы, на самомъ Днѣпрѣ. Если переплыть Днѣпръ, то сейчасъ же открывается Черное море, а за Чернымъ моремъ поднимаются темныя горы, гдѣ бродятъ лютые исполины; какъ только кто-нибудь изъ нашего брата посмѣетъ заглянуть къ нимъ, они его тотчасъ въ карманъ, да и былъ таковъ. Для такого путешествія необходимы изрядныя денежки. Но откуда достать ихъ?

Перебирали тысячи различныхъ плановъ. Сначала думали сдать въ аренду продажу бумаги и письменныхъ матеріаловъ, но изъ этого ничего не вышло; тогда рѣшили возвысить плату за входъ въ баню на полкопейки противъ прежняго. Другіе предложили уменьшить плату мясникамъ; не надо же имъ каждый день ѣсть мясо. И если бы предложили каждому въ отдѣльности дать извѣстную долю, то всякій нашелъ бы уловку какъ отдѣлаться отъ требованія. Да и почему же тому или другому быть первымъ ?

— Нечего галдѣть, ребята. Откройте лучше карманы.

— Открой ты свой. Ишь, говорить какъ умѣешь.

— Молчи ты. Мать твоя была обжорой.

— Да успокойтесь же. Опять драку затѣяли.

Пришлось прибѣгнуть къ послѣднему исходу. Въ слѣдующую субботу заперли во время службы тайнымъ образомъ двери синагоги и не выпускали никого на улицу, пока

тотъ не оставлялъ своего молитвеннаго облаченія. Народъ ворчалъ и ругался, что не было еще подобнаго злодѣянія; но, въ сущности, всѣ знали хорошо, что не въ первый разъ совершается подобное. Что же дѣлать, когда нужны деньги для всеобщаго блага? Хорошо, что покамѣстъ еще суббота и не надобно сейчасъ раскрывать кошелекъ.

Отнятые молитвенные плащи, которыхъ оказалось нѣсколько сотенъ, лежали грудой посреди молельни. Но недолго придется ждать собственниковъ, ибо какъ же станутъ евреи молиться безъ облаченій? И дѣйствительно, только прошла суббота и наступилъ вечеръ, какъ началась бѣготня и всеобщая сутолка. Кто, какъ могъ, старался получить свой залогъ безъ платежа. Многіе стали у дверей и ждали, что будетъ. Одна бѣдная женщина кричала, чтобы ей возвратили безъ денегъ платье мужа; ей не на что хлѣбъ печь, а кто-то изъ мужчинъ грозилъ, что станетъ молиться безъ одѣянія и что грѣхъ падетъ на общину.

Конечно, нашлись и такіе, что съ полной готовностью принесли послѣдніе гроши для добраго дѣла. У кого не было денегъ, тотъ принесъ кое-что изъ утвари или изъ одежды. Одинъ принесъ серебряный ножъ и вилку, другой — субботній балахонъ, третій — теплый женинъ платокъ; а Гилель Печальный, у котораго не было ничего, принесъ свой еще при жизни приготовленный саванъ.

Наконецъ, съ трудомъ былъ собранъ необходимый капиталъ. Деньги завернули въ красный платокъ и торжественно вручили ихъ самоотверженному Исрулику.

То былъ день, полный тревогъ и надеждъ. Домъ уѣзжающаго Исрулика былъ окруженъ людьми, жена его плакала, что отнимаютъ у нея кормильца.

Турновцы трогательно прощались съ Исруликомъ и давали ему напутствія на дорогу, а старшіе изъ общины шли впереди со словами: «Ступай съ миромъ и спасай свой народъ!»

Дорога въ Кіевъ шла вправо отъ городскихъ воротъ. Но Исруликъ пустился влѣво, а когда онъ отъѣхалъ порядочное разстояніе, то уже поздно было возвращаться. Такъ онъ ѣхалъ день и ночь, пока не достигъ моря. А когда онъ переплылъ море, то оказался не въ Кіевѣ, а . . . въ Америкѣ.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ Турновѣ подросло новое поколѣніе. Наконецъ былъ произнесенъ судебный приговоръ. Турновская Эсѣиръ чудомъ какимъ-то узнала о нуждѣ своихъ братьевъ. И такъ какъ мужъ ее очень любилъ, случилось, что бумаги подмѣнились. Жителей сосѣдняго города посадили въ тюрьму, а Турновцамъ запретили нанимать служанокъ изъ христіанъ.

Вотъ и конецъ исторіи.

Блудный сынъ

Мать его была вдовой споконъ вѣковъ и содержала дѣтей своихъ доходами отъ двухъ занятій, которыя прекрасно подходили одно къ другому: правой рукой она отмѣривала холстъ мужикамъ, а лѣвой продавала деготь для смазки колесъ. И такъ какъ холстъ она продавала въ палаткѣ на городскомъ базарѣ, а деготь въ части домика, которымъ она владѣла сообща съ зятемъ своимъ Зоавомъ — мясникомъ и «богобоязненнымъ евреемъ», и такъ какъ ей приходилось всегда бѣгать съ одного мѣста на другое, наблюдать за дѣтьми, баней и кухней, какъ подобаетъ хорошей хозяйкѣ — то она настолько привыкла кричать, что природный голосъ ея совершенно измѣнился, и даже спокойная рѣчь носила у нея характеръ крика. Въ сущности это была женщина добродушная, даже немного тучная. Щеки ея были всегда покрыты румянцемъ, а голубыя глаза ея бѣгали. Бѣлый передникъ не покидалъ ее ни въ ведро, ни въ ненастье, только платки, покрывавшія ея голову, она изрѣдка мѣняла. Для нея самой ѣда была послѣднимъ дѣломъ, и обѣдала она обыкновенно лишь вечеромъ; зато кормленіе дѣтей было главнымъ содержаніемъ ея жизни, и когда кто-либо изъ нихъ отказывался отъ ѣды, она убѣждала строптиваго всяческими резонами, не исключая и побоевъ.

Вотъ дѣти ея по порядку:

Самый старшій Леви-Ицхокъ — маленькаго роста и, такъ сказать, простоватый. Повидимому, онъ тайно торгуетъ питіями и тѣмъ честно прокармливаетъ себя. Когда же посѣтителі не являются, онъ, дабы не затруднять ихъ

ходьбою, самъ обходить ихъ съ двумя полными бутылками, засунутыми въ карманъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ обладателемъ красивой жены, очень добродушной, наливающей стаканчики и подносящей ихъ съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ видомъ всякому гостю. Бывало, потреплетъ ее кто-нибудь по плечу, она и глазомъ не моргнетъ; и не понимаетъ она вовсе, отчего это къ ней пристають.

Съ этимъ Леви-Ицхокомъ разъ случилась бѣда: онъ по забывчивости расписался въ субботу въ управѣ, и съ того времени мѣстный раввинъ наложилъ на него эпитемію — поститься каждую пятницу и подвергаться бичеванію въ канунъ каждого новолунія. Онъ, со своей стороны, добровольно усугубилъ покаяніе, взявъ на себя еще обѣтъ строго соблюдать отнынѣ заповѣдь о субботней рыбѣ и не довольствоваться, какъ бывало прежде, однимъ хвостикомъ селедки.

Слѣдующій за нимъ братъ — Илья — волосатый и ростомъ вдвое больше своего старшаго брата. У него безобразная жена, и занимается онъ, какъ водится, хлѣбной торговлей. Въ часы досуга онъ представляетъ собою богобоязненного еврея и, хотя онъ совершенный невѣжда, однако же состоитъ членомъ одного хасидскаго общества. Мѣсто, занимаемое имъ въ этомъ обществѣ, можно сравнить съ мѣстомъ, занимаемымъ барабанщикомъ въ оркестрѣ; во время споровъ съ хасидами другого общества онъ всегда фигурировалъ въ качествѣ главнаго кулачнаго бойца.

За нимъ слѣдуетъ — замужня Цирль, сухопарая и съ глазами на выкатѣ. Но мужъ ея, Мойша, живущій на хлѣбникомъ у своей тещи и занимающій маленькую комнату, смежную съ большой, любитъ свою жену больше жизни, и она ему дороже десятка «красавицъ». Въ свободное время онъ занимается постройкой домиковъ изъ картонной бумаги: представьте себѣ, — настоящіе дома съ крышами и окнами, лѣстницами и этажами, даже дымогарными трубами. Ночью онъ зажигаетъ внутри домика свѣчной огарокъ, и свѣтъ вид-

нѣтся черезъ стеклянныя окошечки. Его искусство пользовалось громкой извѣстностью во всемъ городкѣ. Всегда являлись любопытные, чтобы собственными глазами посмотреть на удивительное чудо; но, къ сожалѣнію, они большей частью находили дверь его комнаты запертой.

За Цирлей слѣдовали «дѣвицы»: маленькая Мириамъ, миловидная и живая, и красивая Ципора, или просто «барышня». Мириамъ завѣдывала продажей дѣтѣ и хозяйничала въ кухнѣ, Ципора же ни во что не вмѣшивалась и сидѣла всегда безъ всякаго дѣла. Красота ея была настолько нѣжна и хрупка, что никто не рѣшался возлагать на нее какую-нибудь физическую работу. Это было такъ естественно, что она стала «барышней». Ей оставалось только смотрѣть въ окно или полулежать на диванѣ — у нея ни въ чемъ не было недостатка, и всякое желаніе ея исполнялось. Но душа ея томилась тайной тоской, что придавало ей плѣнительную прелесть. И когда она, бывало, выпрямить свой гибкій станъ и потряхнеть черными кудрями, разсыпанными по обѣимъ сторонамъ ея блѣднаго и нѣсколько продолговатаго лица — никто не могъ устоять передъ ней. Взору ея присуща была какая-то чарующая кротость, и бѣлыя руки ея не имѣли себѣ равныхъ по красотѣ. Она не смѣялась и не улыбалась, наоборотъ — какая-то грусть лежала на ней всегда.

Между обѣими сестрами былъ еще братъ, главный членъ всей семьи — Барухъ, настоящій феноменъ, обладатель прекрасной памяти и хорошихъ способностей. Мать носила его на рукахъ. Дядя его — упомянутый Зоавъ — мясникъ, имѣлъ въ виду выдать за него свою единственную дочь, немного подслѣловатую, и платилъ за его ученіе. Барухъ занимался вмѣстѣ съ Іосифомъ, сыномъ раввина, у «перваго ученаго» въ городѣ; представьте себѣ: съ Іосифомъ, сыномъ раввина, вмѣстѣ занимается Барухъ, сынъ бѣдной вдовы! Нѣкоторые даже поговаривали, что Барухъ — лучший ученикъ, чѣмъ Іосифъ, слышій тоже знающимъ и способнымъ.

А самъ «первый ученый», отъ котораго они воспринимали премудрость; проводилъ большую часть дня въ своей мансардѣ. Подъ мансардой помѣщалась его лавка, къ которой дочь его торговала винными ягодами, изюмомъ и прочими сушеными фруктами, а подъ лавкой въ сыромъ подвалѣ находился «хедеръ» во всей его красѣ и величіи. И такъ какъ изъ этой могилы лѣстница вела прямо въ мѣстонахождение изюма и винныхъ ягодъ, а учитель на своей мансардѣ предавался уединенію, то ученики, предоставленные самимъ себѣ, обыкновенно поднимались вверхъ по лѣстницѣ въ лавку и тамъ вымѣнивали украденныя у родителей копейки на лакомства, отмѣренныя и отвѣшенныя «милой ручкой». Ручка принадлежала Эсѳири, старшей дочери учителя и домоправительницѣ его; мать ея какъ-то заболѣла и умерла, а новая на смѣну ей не явилась.

Эсѳиръ была и недурна собой, только верхніе зубы ея были чрезмѣрно велики, во время смѣха они обнажались и портили ея красоту. Все же у юношей — учениковъ она имѣла успѣхъ, и они любовно тянули ее за уши.

Когда обстоятельство это стало извѣстно родителямъ учениковъ, то четыре недѣли подрядъ городъ волновался по поводу ужаснаго «святотатства». Ученики были отняты отъ перваго ученаго, а изюмъ переведенъ въ другое мѣсто. Самъ ученый принужденъ былъ спуститься изъ своего «уединенія» попросту въ лавку и помогать Эсѳири въ торговлѣ и домоводствѣ. Иосифъ же и Барухъ совершенно сбросили съ себя ярмо хедера и начали заниматься самостоятельно въ бетъгамидрашѣ, то въ качествѣ товарищей, то въ качествѣ соперниковъ, состязающихся другъ съ другомъ въ занятіяхъ.

Какъ уже было сказано, Барухъ былъ юноша способный, но не отличался особеннымъ прилежаніемъ, допускалъ даже немного самообмана въ ученіи, часто отвлекался, полагаясь на силу своихъ способностей. Когда Иосифъ сталъ брать верхъ надъ нимъ, онъ сталъ заниматься чтеніемъ свѣтскихъ книгъ, чего ему не запрещала мать, не знавшая рѣшительно

никакого толка въ книгахъ. Этимъ разрѣшеніемъ матери онъ воспользовался, чтобы превзойти своихъ товарищей.

Барухъ скоро прослылъ «образованнымъ» и великимъ риторомъ.

Къ несчастію, почеркъ его былъ ужасно безобразенъ. Буквы выходили у него кривыя и уродливыя, строки не прямыя и промежутки между однимъ словомъ и другимъ не больше промежутка между отдѣльными буквами. Онъ самъ не могъ равнодушно смотрѣть на свой безобразный почеркъ и его тяготилъ самъ процессъ писанія, въ то время, какъ въ умѣ его «мысли брызгали фонтаномъ и шумѣли, подобно волнамъ морскимъ» (собственное его выраженіе). Когда онъ постигъ все это, онъ началъ пользоваться трудомъ другихъ, — собралъ вокругъ себя нѣсколько подростковъ изъ «цвѣтковъ просвѣщенія», которые каждое утро сидѣли въ большой комнатѣ его матери и подъ диктовку записывали его патетическія изліянія.

Онъ же самъ приходилъ въ сильное возбужденіе, когда рождалъ свои «думы». Онъ снималъ свое верхнее платье, шапку бросалъ, куда попало, руки засовывалъ въ карманы и начиналъ шагать мелкими шагами и громко кричать: «подобно тому, какъ пылаетъ зажженный хворостъ, такъ я направляю умъ на небо и на все воинство его. Духъ мой, духъ мой изрекъ возвышенное, и душа моя жаждетъ, какъ крокодилъ въ пустынѣ; изъ вѣтвей раздается голосъ: витязи, витязи! сберитесь съ четырехъ концовъ міра и восплачьте надо мной, какъ шакалы! Зачѣмъ взволновались чувства мои, и думы мои безплодны!»...

А Ципора вначалѣ смѣялась надъ звономъ этихъ пустыхъ словъ, смысла которыхъ она не понимала, но мало по малу она привыкла къ обществу наивныхъ писцовъ, которые благоговѣнно глотали каждый звукъ, исходящій изъ уста Баруха, казавшагося имъ неземнымъ существомъ.

Среди писцовъ былъ также сирота Симха, красивый и нѣжный мальчикъ. Мать его умерла черезъ три дня послѣ

его появленія на свѣтъ, и отецъ его женился на младшей сестрѣ покойницы, простосердечной и доброй женщинѣ. До двѣнадцати лѣтъ Симха не подозрѣвалъ даже, что онъ сирота и называлъ тетю своею матерью, а она воспитывала его съ чисто-материнской нѣжностью. Но когда онъ сталъ надѣвать филактеріи — за цѣлый годъ до положеннаго срока (13 лѣтъ) — и ему стало извѣстно, что онъ сирота, онъ началъ ссориться со своей мачехой — и даже сталъ извѣстенъ всему городу изъ-за постоянныхъ ссоръ съ ней. И онъ настолько пристрастился къ этимъ дразгамъ и самъ себя терзалъ этими муками, что, наконецъ, у него развилась чахотка, которая придавала его прозрачному и блѣдному лицу какую-то особую миловидность.

Ципора всегда стояла за его спиной, въ то время, какъ онъ писалъ, и по прошествіи нѣкотораго времени она стала чувствовать, что любить Симху. Она себя не отдавала яснаго отчета въ этомъ чувствѣ, но въ глубинѣ души она его любила. И съ тѣхъ поръ, какъ голова его коснулась однажды ея тѣла, когда она стояла позади него, онъ тоже, по своему, почувствовалъ къ ней влеченіе — и на «часы риторическихъ упражненій» сталъ приходить радостный и съ сіяющими глазами...

Платой за трудъ писцамъ было разрѣшеніе Баруха пользоваться его риторическими оборотами для ихъ собственныхъ надобностей. Они заучивали эти фразы наизусть и при помощи нѣкоторыхъ главъ изъ пророковъ и нѣсколькихъ «отрывковъ изъ грамматики», которые они усвоили отъ Баруха, сами сдѣлались «могучими роторами» и писателями.

Между тѣмъ «жажда просвѣщенія» мало по малу стала все расти въ душахъ молодыхъ людей; они начали томиться и искать способовъ, какъ бы вырваться изъ «темныхъ закоулковъ» и убѣжать въ мѣста, гдѣ обитаетъ знаніе.

Все это имъ не представлялось вполне отчетливо, но всѣ они говорили себя: «необходимо намъ убѣжать, чтобы совершенствоваться въ наукахъ.» Эти рѣчи связали ихъ.

всѣхъ однимъ общимъ чувствомъ и стремленіемъ. Они тайкомъ собирались, совѣщались и сообща искали средствъ для приведенія въ исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній, пока, наконецъ, не пришли къ рѣшенію, что полезно отправить раньше одного изъ ихъ среды для предварительнаго ознакомленія съ тѣмъ, что такое науки и какъ нужно повести дѣло. А послѣ того, какъ этотъ откомандированный ими товарищъ проложитъ имъ дорогу, они всѣ послѣдуютъ за нимъ. Само собой понятно, что выборъ палъ на Баруха.

Барухъ былъ очень радъ этому великому событію въ своей жизни и съ большимъ жаромъ началъ говорить о «борьбѣ свѣта съ тьмой», «знанія съ невѣжествомъ» — и младшіе тоже стали готовиться къ войнѣ, доставши Баруху деньги на путевые расходы.

Начались кражи серебряныхъ вещей. Одинъ «просвѣщенный» украдетъ вилку, другой бокаль или ножъ, тотъ стащитъ серебряный флакончикъ для благовоній, тотъ попросту амулетъ съ косяка. Въ одну ночь все было собрано и уложено въ небольшой мѣшокъ, который взвалили на плечи Баруху.

Дѣло было въ серединѣ дѣта. Была чудная лунная ночь. Еще не сжатые нивы красовались пышностью убора своего. Свѣжій вѣтерокъ дулъ и наполнялъ воздухъ той чистой ночной поэзіей, которая рождается гдѣ-то далеко отъ города и людей. Тамъ, внутри города, родители, «люди, коснѣющіе во мракѣ», сидятъ и въ страхѣ читаютъ молитву на сонъ грядущій, а среди долинъ стоятъ ихъ дѣти и души ихъ устремлены вдаль . . .

Барухъ, головой выше своихъ провожатыхъ, стоитъ въ серединѣ съ котомкой на спинѣ. Глава отроковъ чувствуетъ святость момента и обращается къ Баруху отъ имени своихъ товарищей съ слѣдующей рѣчью:

— «Ты предшествуешь намъ, чтобъ указать намъ путь, ведущій къ свѣту. . . Мужайся, крѣпись и будь намъ путеводной звѣздой. . . Доколѣ будемъ мы сидѣть среди темныхъ

мракобѣсовъ? Будемъ служить знанію и просвѣщенію — этимъ дѣтямъ неба»... И Барухъ, въ свою очередь, имъ отвѣчаетъ: «Я знаю миссію свою... Подобно тому, какъ съ трескомъ пылаетъ хворостъ, такъ горитъ въ груди мое сердце при видѣ кромѣшнаго мрака... Крѣпитесь и мужайтесь и не падайте духомъ... Я принесу себя въ жертву на алтарѣ знанія... Увы! сердце мое разрывается на части при видѣ паденія народа нашего... Подобно тому, какъ пылаетъ хворостъ»...

Продолжительные поцѣлуи. Симха плачетъ безъ конца. А луна освѣщаетъ сверху всю эту картину и вмѣстѣ съ звѣздами смотритъ внизъ съ какой-то грустной улыбкой.

На другой день въ городкѣ поднялась буря. Въ обѣихъ синагогахъ и въ десяти лавкахъ слышенъ шумъ и крикъ. Отцы бьютъ дѣтей, и дѣти плачутъ. «Просвѣщеніе» проклиняется мужчинами и женщинами, вдова плачетъ и воетъ въ домѣ раввина:

«Отдайте мнѣ моего сына, вашъ сынъ во всемъ виной.

Со дня сотворенія міра не слыхано, чтобъ «феномень» убѣждалъ совершенствоваться въ наукахъ. — Близокъ день пришествія Мессіи. — Всѣ будемъ истреблены по грѣхамъ нашимъ тяжкимъ. Родители виноваты. — Раввинъ виноватъ. Будемъ молиться Отцу Небесному, будемъ плакать, плакать, плакать — евреи, покайтесь! Будемъ вести войну Господню до послѣдней капли крови! Богъ мой, Богъ мой, на что покидаешь Ты насъ? — Царь міра! помилуй и спаси насъ! зачѣмъ будутъ говорить народы?..

Такіе смѣшанные возгласы раздавались въ продолженіе двухъ недѣль, затѣмъ все стихло. Тѣ, которые боялись, что насталъ день пришествія Мессіи, начали сами себѣ говорить, что, въ концѣ концовъ, все, пожалуй, къ лучшему.

Барухъ пройдетъ всѣ науки въ заморскихъ странахъ, сдѣлается докторомъ, затѣмъ возвратится на свою родину, нагруженный серебромъ и золотомъ; прибудетъ онъ къ нимъ на рысакахъ, подобно всѣмъ знаменитымъ докторамъ, и

щедро надѣлать всѣхъ подарками. Онъ станетъ близкимъ къ царю...

Но Барухъ пока не подаетъ никакихъ вѣстей своимъ друзьямъ, точно въ воду канулъ.

Въ сущности, онъ совсѣмъ не поѣхалъ въ заморскія страны, а въ одинъ изъ городовъ Бессарабіи. Серебряныя вещи онъ уже вымѣнялъ на настоящія деньги, а деньги онъ растратилъ въ короткое время на дозволенные и недозволенные вещи. Затѣмъ онъ сдѣлался учителемъ еврейскаго языка въ какой-то деревнѣ; когда же онъ тамъ польстился на служанку въ домѣ своего принципала, послѣдній побилъ его и прогналъ. Въ Кишиневѣ онъ не могъ найти себѣ учениковъ, и когда голодъ далъ о себѣ сильно знать, онъ началъ выжимать ногами вино въ одномъ погребѣ — и «борьба свѣта съ тьмой» была окончательно забыта.

Друзья его въ родномъ городкѣ ничего не знали, но когда прошли недѣли и мѣсяцы, а отъ него не было никакихъ вѣстей, они начали отчаиваться. А пока что, они взялись за другое дѣло — свататься къ невѣстамъ съ приличнымъ приданымъ. И, чтобы соблюсти «завѣтъ просвѣщенія» во всей строгости, они ставили условіемъ — видѣть невѣсту передъ свадьбой, а наиболѣе строгіе ревнители просвѣщенія даже обмѣнивались съ невѣстами нѣсколькими словами... Только Симха не искалъ себѣ невѣсты, такъ какъ сердце его принадлежало Ципорѣ. Ципора же сама все прихварывала, съ тѣхъ поръ, какъ распалось товарищество, а затѣмъ схватила настоящую горячку. Когда жаръ у нея поднялся выше сорока градусовъ, она начала громко бредить: «подобно тому, какъ пылаетъ хворостъ, такъ горитъ въ груди мое сердце» и т. п. Представьте, дѣвушка, не понимающая ни слова по древнееврейски, вдругъ начинаетъ произносить наизусть библейскіе стихи и отрывки стиховъ...

Само собой понятно, что все это было приписано «нечистой силѣ». И раввинъ, и цадикъ произносили надъ ней, какъ водится, заклинанія, заворачивали ножъ въ ветхіе листья

изъ книги ангела Разіеля и клали его ей подъ подушку; давали ей также супъ, въ которомъ растерли буквы сатаны и его сообщниковъ.

Горячка и нечистая сила, слава Богу, прошли. Но Ципора не оправилась вполнѣ. Духъ ея помутился, она могла про-сиживать цѣлые дни на одномъ мѣстѣ, не произнося ни слова и ничего не дѣлая. Она думаетъ о Симхѣ, но не видитъ его съ того дня, какъ онъ пересталъ записывать фразы подъ диктовку ея брата.

Однажды, когда все событіе было уже окончательно забыто, «блудный сынъ» вернулся на родину — и городъ былъ смущенъ . . . Онъ пріѣхалъ не въ коляскѣ, запряженной рысакими, безъ денегъ и золота и безъ диплома врача — только короткіе пейсы привезъ онъ съ собой, да большую шляпу, надѣтую на бекрень, и кой-какую короткополую одежду. Вообще онъ мало пополнѣлъ въ «заморскихъ странахъ», и усы стали у него пробиваться. Онъ не является въ синагогу, не показывается старымъ друзьямъ, только сидитъ по цѣлымъ днямъ дома. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ собираются зайти къ нему распросить и разузнать о всѣхъ его приключеніяхъ и подвигахъ на поприщѣ науки . . .

И вотъ, они пришли, и среди нихъ также Симха. Всѣ они явились къ нему, какъ будто стыдятся чего-то, и не могутъ прямо смотрѣть въ глаза. Ципора сидитъ на кровати и удивленно смотритъ на пришедшихъ. Барухъ не произноситъ ни слова . . . Только вдругъ онъ выпалилъ по-русски слово «ничего». Это русское слово произвело сильное впечатлѣніе на гостей: итакъ, — подумали они про себя — онъ уже говоритъ по «ихнему». И нѣкоторое благоговѣйное чувство уже стало закрадываться въ ихъ сердца.

А Барухъ встаетъ со стула, снимаетъ со стѣны скрипку — въ заморскихъ странахъ онъ научился также играть на скрипкѣ, всякую премудрость онъ тамъ изучилъ — и началъ играть немного раздраженно, отрывисто и нестройно. Вдругъ гнѣвъ вспыхнулъ въ немъ съ новой силой, и онъ замахнулся

смычкомъ надъ молодыми людьми, остолбенѣвшими отъ удивленія, и сталъ кричать: «убирайтесь отсюда, негодники! Зачѣмъ пришли вы ко мнѣ?» Когда смычокъ ударилъ по головѣ Симху, Ципора соскочила съ постели — она уже дрожала внутренно все время, что юноши стояли — и въ душѣ ея забушевала прежняя буря... Со смѣхомъ, смѣшаннымъ съ плачемъ, она обняла шею Симхи и закричала: ты мой сынъ, мой потерянный сынъ ! . .

Перерывъ

I

Давно уже изсякли источники существованія въ мѣстечкѣ Кубличѣ, и сильно обѣднѣли въ немъ сыны Израиля; «тузы» превратились въ мелкихъ мѣщанъ, а мѣщане — въ бѣдняковъ. Только чудомъ можно объяснить то, что народъ тамъ все-таки снискивалъ себѣ пропитаніе и не умиралъ съ голоду . . . Въ воскресенье имѣются еще остатки субботніе; въ понедѣльникъ не успѣваешь еще проголодаться; во вторникъ же начинается кризисъ, — возникаютъ заботы о хлѣбѣ на недѣлю; въ среду, однако, хлѣбъ съ грѣхомъ пополамъ испеченъ, такъ какъ муку достали въ долгъ или какимъ-нибудь другимъ чудодѣйственнымъ образомъ; въ четвергъ имѣются еще черный хлѣбъ, каша, картофель и хвостъ селедки, а тамъ уже наступаютъ великія заботы о субботней мукѣ . . . Все, что ни есть въ домѣ, давно заложено, уже давно пущены въ ходъ всякія изощренія изобрѣтательнаго ума, все движимое имущество уже давно уплыло, всѣ «врата» давно заперты, и все-таки — вечеромъ, самое позднее — въ полночь, гдѣ-то въ уголку, уже лежитъ бѣлая мука, замѣшанная дрожжами. Если къ этому прибавляется въ пятницу маленькая рыбка, изюмное вино и нѣчто, напоминающее птичье мясо или коровью печень, — тогда, вѣдь, въ сущности, все въ порядкѣ, и сыны Израиля могутъ облачиться въ свои суббтніе халаты, опоясаться пресловутымъ поясомъ, взять молитвенникъ и поспѣшить въ синагогу . . . Кто сравнится съ тобой, о, Израиль!

А въ синагогѣ все совершается въ строгомъ, неизмѣнномъ порядкѣ. Каждый день, въ опредѣленные часы, обыватели Кублича отбываютъ тамъ свою обязательную службу: — утреннюю, послѣобѣденную, вечернюю молитвы. Каждый день, послѣ полудня, собирается туда тотъ людъ, которому въ семь мѣсяцевъ нечего терять и не на что надѣяться; они приходятъ, повторяютъ и пережевываютъ то же самое, что имъ самимъ приходилось выслушивать отъ самихъ же себя въ тысячу первый разъ. И каждый четвергъ, передъ вечеромъ, когда шутъ и забавникъ Рафаиль устааетъ отъ всѣхъ рассказовъ и прибаутокъ, которые онъ самъ же выдумывалъ или слыхалъ отъ другихъ, онъ начинаетъ тереть лобъ толстыми пальцами своей правой руки и произносить свою неизмѣнную фразу: «А можетъ быть — наоборотъ?»

Когда обыватели Кублича пьютъ водку, они обыкновенно пьютъ ее изъ маленькихъ рюмокъ, которыя наливаютъ неполными, неважно . . . необязательно, чтобы рюмки были полныя . . . Сыны Израиля не обжоры и не пьяницы. И пьютъ они для пищеваренія, чтобы только согрѣть желудокъ. Когда они умываютъ свои руки передъ ѣдой, они не осматриваютъ тщательно кружки, чтобы въ ней не было изъяна, чтобы все было согласно строгому закону, но зато они очень внимательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не проливать лишней воды. Вѣдь каждое ведро воды стоитъ полторы копейки, а Богу вѣдь жалко еврейскихъ денегъ.

И когда Богъ передалъ Моисею на Синайской горѣ «маленькій кодексъ поведенія», Онъ сказалъ ему: пиши — «Пусть человѣкъ не бодрствуетъ много и не спитъ много, пусть не будетъ онъ ни слишкомъ уменъ, ни слишкомъ праведенъ, но все въ мѣру, все по-маленьку, и здѣсь, и тамъ» . . .

Крайности, все, что выходитъ за предѣлы умѣренности даже въ дѣлахъ святости и благочестія, являются только продѣлками злого духа, и человѣкъ долженъ въ этомъ отношеніи быть очень остороженъ.

И кубличане, дѣйствительно, умѣренныя изъ умѣренныхъ, средніе изъ среднихъ, обыкновеннѣйшіе изъ обыкновеннѣйшихъ. Въ ихъ мірѣ нѣтъ никакихъ измѣненій, никакихъ отклоненій со времени великаго пожара. Съ тѣхъ поръ каждый день равенъ другому, каждый часъ до тождества похожъ на предыдущій и послѣдующій. И молитвы тѣ же, безъ всякихъ измѣненій, и составлены онѣ были слово въ слово еще во времена патріарха Авраама и первыхъ поколѣній. Какъ послѣ этого могутъ люди измѣняться хотя бы на одну іоту?

Я долженъ замѣтить, что кубличане считаются приверженцами Таленскаго цадика - чудотворца. Вообще, они хасиды не ярые и къ цадикѣ ѣздятъ очень рѣдко, безъ увлеченія, и ѣздятъ, главнымъ образомъ потому, что нельзя же совершенно обойтись безъ цадика. Цадикъ, конечно, остается цадикомъ, онъ сидитъ гдѣ-то тамъ, но взоръ его проникаетъ всюду, а они, люди простые, обыкновенные, сидятъ себѣ въ Кубличѣ, и имъ некогда думать обо всемъ этомъ постоянно . . . Достаточно, если они объ этомъ задумываются разъ въ четверть, въ полгода, а наиболѣе занятые — разъ въ годъ. Достаточно, если они видятъ цадика передъ судными днями, передъ Новымъ Годомъ, когда «наверху» опредѣляютъ судьбу живущихъ «внизу» . . . Тогда предначертываются заработки всѣхъ евреевъ . . . Вы скажете, что тогда также устанавливаются приговоры о жизни и смерти, кому огонь, кому вода и т. д.; но все это вѣдь только мелочи, придатки, главное же — это пропитаніе, заработки, безъ чего не можетъ обойтись никакое существо, обремененное женой и дѣтьми. Въ молитвенникѣ хотя и сказано, что нужно еще замаливать какіе-то грѣхи — пролитіе крови, прелюбодѣяніе и т. д., но грѣхи эти, должно быть, совершенно не водятся здѣсь, въ изгнаніи.

Кубличане были бы еще болѣе набожны и богобоязненны, если бы у нихъ просто хватало на это свободнаго времени. Но что же дѣлать, когда имъ приходится думать также

о каждодневныхъ нуждахъ? Легко сказать: «когда они: временами погружаются въ свои обыденныя заботы, они какъ бы забываютъ о дѣлахъ неба»; но вѣдь сказано: «кто слѣдуетъ повелѣніямъ закона? Тотъ, кто кормитъ жену и дѣтей».

А живутъ они не обязательно въ довольствѣ, какъ, впрочемъ, и всѣ евреи въ окружающихъ мѣстечкахъ. Что же, сынамъ Израиля многого не нужно: хлѣбъ, каша, картофель и самое большое — селедка.

Во всякомъ яйцѣ есть бѣлокъ и желтокъ, и если найдутъ каплю крови въ первомъ, то оно еще годится къ потребленію, а если въ другомъ, то оно запрещено обрядомъ, а обо всемъ этомъ написано въ священномъ сводѣ законовъ, и все это и тому подобное знаетъ духовный раввинъ, и въ вознагражденіе за это продаетъ евреямъ въ долгъ дрожжи и свѣчи.

Теперешній раввинъ — это третій по счету. Предшествовавшій умеръ, предшествовавшій тому также умеръ, а дальше все объято мракомъ. Говорятъ, что тогда было еще царствованіе Николая.

А происшествіе, о которомъ я хочу рассказать, случилось въ серединѣ царствованія Александра III, котораго въ Кубличѣ звали просто царемъ.

II

Происшествіе, хотя старое, но вмѣстѣ съ тѣмъ новое: цадикъ пріѣхалъ въ городъ, два цадика!..

А дѣло было такъ. Всѣ кубличане, какъ сказано, приверженцы Таленскаго цадика, потому что къ нему близко и потому что такъ у нихъ ужъ заведено. «Старика» они очень почитали, сынъ его былъ «вольнодумецъ тайный», но онъ умеръ преждевременно, а внукъ занялъ свой постъ еще до совершеннолѣтія: ученіе не покидаетъ обители своей.

Когда я раньше сказалъ: «всѣ кубличане приверженцы Таленскаго цадика», я, въ сущности, нѣсколько преувеличилъ,

такъ какъ въ Кубличѣ имѣются еще слѣдующіе восемь съ половиной человѣкъ, считающіеся приверженцами Макаровскаго цадика: Шмуэль, сынъ Іехонона, Іехононъ, сынъ Шмуэла, братъ Іехонона, братъ Шмуэла, рѣзникъ безъ мѣста, Рувинъ, сынъ Ошера съ своими двумя сыновьями и маленкій Лейба, котораго шуты звали «хвостомъ льва». Мы же будемъ болѣе деликатны и назовемъ его: «Полу-львомъ.»

Среди этихъ макаровскихъ хасидовъ господствуетъ какое-то особенное единодушіе. Хотя они не имѣютъ даже четырехъ локтей земли для постройки собственной синагоги и не обладаютъ никакой «властью» въ городѣ, въ нихъ, однако, замѣтна какая-то внутренняя, тайная горделивость. Когда ихъ призываютъ къ Торѣ, они подъ облаченіемъ гордо выпрямляются. Ихъ рѣчь пестритъ словами изъ Писанія и т. д. Все это я говорю не отъ своего имени, а повторяю только то, что другіе говорятъ.

Макаровъ очень далекъ отъ Кублича. Поѣздка туда обходится очень дорого, а у макаровскихъ хасидовъ тощіе карманы. Такъ какъ подобныя поѣздки для нихъ крайне затруднительны, то они уже очень давно жаждутъ цадика.

Случилось такъ, что третій сынъ макаровскаго цадика досталъ разрѣшеніе поѣхать лѣчиться, а проще говоря, собирать деньги. Когда онъ былъ недалеко отъ Кублича, то многочисленные его приверженцы пригласили его къ себѣ на субботу. Они разсчитали, что въ Кубличѣ уже давно не было цадика, а масса неразборчива, и когда его свѣтлость пріѣдетъ къ нимъ, всѣ пойдутъ съ приношеніями, обращаясь съ просьбами о питаніи духа и тѣла, и, такимъ образомъ, онъ пріобрѣтетъ себѣ новыхъ приверженцевъ и станетъ болѣе популярнымъ.

Но слухъ, что чужой цадикъ прибудетъ въ городъ, облетѣлъ обывателей Кублича, и они вострепнулись. Юноши, недавно женившіеся, т. е. тѣ, которые ѣдятъ еще хлѣбъ съ кашей у родителей своихъ супруговъ, нашли, что не слѣдуетъ допустить вторженія въ область Таленскаго цадика; они опа-

сались, что новый цадикъ привлечетъ сердца народа, и, такимъ образомъ, городъ раздѣлится на два лагеря.

Не долго думая, они пригласили къ себѣ на ту же субботу и Таленскаго цадика, и послѣдній какимъ-то чудомъ тоже получилъ разрѣшеніе отъ исправника поѣхать лѣчиться.

Два цадика пріѣзжаютъ въ городъ, и приготовленія начинаются съ обѣихъ сторонъ. Макаровскій цадикъ остановится у Яковъ-Шмуэля, сына Давида, потому что у него обширное помѣщеніе и онъ бездѣтный, а Таленскій цадикъ — у Мотеля, самого почетнаго гражданина мѣстечка Кублича.

И двери этихъ домовъ открылись еще въ среду съ утра. Люди приходятъ и уходятъ, уходятъ и возвращаются, скамьи и столы перетаскиваются, посуда переносится изъ дома въ домъ, окна вытираются, двери чистятся. На кухнѣ Мотеля уже закипѣла работа, хозяйки дома обходятъ рынки и покупаютъ птицу. Ошеръ-Залмонъ заботится о доставкѣ рыбы, сохраняя это, впрочемъ, въ величайшей тайнѣ; но, главное: въ синагогѣ уже начали пить понемногу насчетъ будущаго и притомъ пьютъ уже цѣлыми рюмками. Лемехъ-Калмонъ выпилъ двѣ рюмки.

Кубличъ проснулся къ новой, необыкновенной жизни. Говорятъ, изъ деревень пріѣдутъ въ городъ на субботу. Говорятъ, арендаторъ изъ села Заркова, который пріѣзжаетъ въ городъ только на судные дни, пріѣдетъ теперь со своими десятью сыновьями и зятьями. Говорятъ, у Таленскаго цадика почтенный, внушительный видъ, а Макаровскій — раздражителенъ и не такъ способенъ.

А въ четвергъ, въ полдень, прибылъ этотъ самый Макаровскій цадикъ въ городъ. Мало народу встрѣтило его, и какъ только онъ побесѣдовалъ немного со своими главными хасидами, онъ заперся въ своей комнатѣ, чтобы быть наединѣ съ Богомъ. Его адъютантъ пошелъ спать, и «Полу-левъ» остался охранять входъ у дверей.

И въ тотъ же день, вечеромъ, вышелъ весь городъ встрѣчать Таленскаго цадика. Многіе шли пѣшкомъ, другіе

ѣхали. Шумъ былъ необычайный, и этотъ шумъ отдавался во всѣхъ сердцахъ. «Малые» тѣснились на мѣсто «великихъ», и люди, которые вчера еще не думали о цадикѣ, вышли изъ своихъ рамокъ: «Распрягайте лошадей цадика! Мы, мы сами повеземъ экипажъ! мы! мы!» . .

И домъ Мотеля былъ полонъ гостей, по всей улицѣ сновали люди, бѣгая то туда, то назадъ. Младшіе не слушались старшихъ, а старшіе забывали, что имъ нужно; всюду оживленіе, пробужденіе, во всѣхъ домахъ, на всѣхъ улицахъ.

Цадикъ прибылъ въ городъ, два цадика!

III

А въ пятницу — сумятица, движеніе во всѣхъ уголкахъ города, отъ одного конца до другого. Женщины озабочены, какъ никогда. Все валится изъ рукъ, вещи ломаются, посуда разбивается. Старшія дочери усердно помогаютъ матерямъ. Рувинъ и Менаше, водonoсы, торопятся окончить свою работу, мужчины спѣшатъ въ баню, по всѣмъ улицамъ собираются толпы мальчишекъ; козы, не загнанныя въ хлѣва, путаются среди людей, дома цадиковъ окружены толпами зѣвакъ, столы проносятся, окна чистятся, двери починяются, слышатся удары молотка. Весь Кубличъ работаетъ, суетится, говоритъ, слушаетъ, даже наиболѣе солидные забываютъ втыкать свои пальцы за поясъ. Синагогальный служка бѣгаетъ, какъ угорѣлый, свѣчи зажигаются, канторы стоятъ передъ амвономъ съ особенной торжественностью: «Блаженъ иже въ обители Твоей обрѣтается», «Да возвеличится» — молитва тихая и громкая — «Святъ, святъ, святъ!» — «Да восхвалимъ».

Наиболѣе усердные спѣшатъ къ цадикѣ сейчасъ же по окончаніи молитвы, не заходя даже домой, тѣ же, которые забѣгаютъ домой, «проглатываютъ» благословеніе надъ виномъ и рыбу и торопятся къ цадикѣ. А тамъ длинные столы усажены цѣлыми рядами людей, скамья тѣсно примыкаетъ къ скамьѣ, а кругомъ стоитъ народъ, плотно прижавшись

другъ къ другу тѣлами. Тишина внутренняго возбужденія... Цадики одѣты въ черное, а лица у нихъ бѣлыя: высшая торжественность царить кругомъ, тонкій голосъ совершаетъ молитву надъ бокалами вина, рыбу они ѣдятъ со всей деликатностью, присущей подобнымъ существамъ, ее подаютъ на столъ, замѣняющій алтарь... Пѣсня сопровождаетъ трапезу... Глубока эта пѣсня, она какъ будто напоминаетъ забытое... Она то поднимается, то опускается, то затихаетъ, то опять вихремъ кружится, переливаясь изъ грусти — въ восторженную радость. Толпа подхватываетъ ее своими басовыми голосами... Головы невольно поднимаются немного вверхъ... Въ душахъ что-то открывается, сердце выходитъ изъ тайника... Нѣтъ грѣха передъ Богомъ въ такой великій часъ... Весь народъ Израильскій составляетъ единое существо... А тамъ, на улицѣ, только небо и звѣзды, и все внимаетъ...

Въ субботу утромъ всѣ совершаютъ обрядъ омовенія, какъ женихи... Голосъ у каждого звучитъ одной ноткой выше. Въ первый разъ втеченіе цѣлаго поколѣнія люди здороваются другъ съ другомъ. Чувствуется какая-то особенная близость, совершенно небывалая.

Путь изъ бани въ синагогу усѣянъ группами людей. Лица веселыя, пейсы мокрыя, и бѣлые воротники рубахъ съ петлями, связанными на этотъ разъ какимъ-то особеннымъ узломъ, придаютъ имъ свободный и беззаботный видъ. Одни втыкаютъ свои руки за пояса другихъ. Другіе поглаживаютъ бороды другъ друга: «Кто пойдетъ къ амвону сегодня при утренней молитвѣ, кто — при «прибавочной?» Вчерашнее «Пойдемъ да воспоемъ» прошло неважно...»

И народъ молится съ особеннымъ оживленіемъ. Большинство молящихся расхаживаетъ взадъ и впередъ. То здѣсь, то тамъ, одинъ отзываетъ другого въ уголъ побесѣдовать безъ помѣхи. Нѣкоторые стоятъ у окна и смотрятъ на улицу, а тамъ земля нагрѣвается лучами солнца. Наиболѣе почтенные призываются къ торѣ. Это была суббота предъ

новолюніемъ, когда благословляютъ наступающій новый мѣсяцъ. «Тотъ, кто творилъ чудеса нашимъ предкамъ»...

Народъ проглатываетъ «прибавочную молитву». Облаченія и молитвенники передаются на руки дѣтямъ, а мужчины спѣшаютъ къ цадикамъ, чтобы захватить мѣсто у столовъ. Нѣсколько стѣснительнымъ является то, что въ такую минуту приходится еще умыть руки и совершать молитву передъ ѣдой. Даже самые забытые, которые вчера не пришли, сегодня являются. Народъ веселится и начинаетъ пить рюмками, на столъ ставится вино. Отовсюду приносятъ къ цадикѣ вино и закуски, бѣдняки дерзаютъ стать рядомъ съ хозяевами. Даже старики сгоняютъ съ глазъ одолевашій ихъ субботній сонъ. Женщины завидуютъ мужчинамъ, мальчики, дѣти чувствуютъ полную свободу, прыгаютъ у оконъ квартиръ цадиковъ.

Третья трапеза — время проповѣди и пѣнія... Всѣ головы наклонены впередъ, всѣ уши внимаютъ... «Воистину, воистину... Народъ Израильскій это какъ бы невѣста, невѣста... Сердца наши — жертвы, жертвы... Высшее и низшее возбужденіе — это радость, радость, радость... Богъ Зиждитель міра, всѣхъ міровъ»...

И все веселится и восхищается. Каждый спускается до самага дна души своей и выводитъ оттуда всѣ проблески жизни и какого-то затаеннаго, скрытаго свѣта... Это моментъ глубокаго внутренняго сосредоточенія... Весь свѣтъ далекъ, и Кубличъ далекъ... Кажется, будто въ цѣломъ мірѣ существуютъ только эти люди, стоящіе здѣсь вокругъ стола... Святая торжественность царитъ въ вечернихъ сумеркахъ... Все сосредоточено, сконцентрировано въ устахъ цадика... Нѣтъ другой воли, другой силы въ мірѣ... И если бы раздалось слово цадика: «Скиньте Ваши покровы тѣлесные», — они бы зажгли огонь своихъ страстей, они бы бушевали, воспламенялись бы, бѣсновались...

Вечеромъ они провожали царицу-субботу... Все святое исчезаетъ, а будни облакаются въ покровъ торжества. На-

родъ уже пилъ достаточно, а наиболѣе усердные опустошали рюмки даже сверхъ мѣры... Рувинъ-меламедъ начинаетъ танцовать... Какой-то хасидъ ушелъ въ кухню, и сердце его жаждетъ... Нѣкоторые не заглядываютъ даже домой. Одинъ, для шутки, кладетъ свои руки въ карманъ другого; неряшливаго Годи ударяютъ ремнемъ удовольствія ради... Смѣхъ дикій, дикій.

А на завтра питье возобновляется еще съ большей силой... Такъ какъ свобода дана... Народъ забылъ про свои лавки и про воскресный базарный день и пьетъ. Заработки совершенно забыты, молитвы проглатываются, и народъ Израильскій начинаетъ веселиться въ будни. Удлиняйте эти дни! Не давайте второму цадикъ, Таленскому, уѣхать! Невзрачный Макаровскій цадикъ поспѣшилъ убраться, такъ какъ увидѣлъ, что народъ не льнетъ къ нему. Какой-то еврей воскликнулъ: «Братья, отчего не веселитесь? Божество торжествуетъ!» Банщикъ Менаше вскакиваетъ съ своего мѣста, схвативъ за руки Ерухима, Ерухимъ тащитъ Шимона, Шимонъ—Веньямина, Веньяминъ держится за поясъ Калмона, а Калмонъ вдругъ начинаетъ пѣть... И они танцуютъ, сначала съ улыбкой на устахъ, а потомъ съ оживленіемъ, съ возбужденіемъ, съ напряженіемъ всего тѣла; люди, стоящіе вокругъ, присоединяются, втыкая свои руки, куда попало; кругъ расширяется, танцуютъ все быстрѣе; одинъ поднимаетъ полы своей капоты и начинаетъ прыгать съ какой-то дикой силой посреди круга. Всѣ кружатся, неистово прыгая, глаза выпучены, рты искривлены, одинъ разорвалъ свою рубаху, обнажилась волосатая грудь. Необузданность! Раздолье! Народъ Израильскій танцуетъ.

И народъ плясалъ въ большой залѣ въ помѣщеніи цадика, въ примыкающихъ къ ней комнатахъ; народъ плясалъ, переходя изъ дома въ домъ, изъ квартиры въ квартиру, плясали въ почетныхъ домахъ города, въ домѣ раввина, въ домахъ рѣзниковъ и канторовъ. Даже портные, люди простые, всегда далекіе отъ подобныхъ интересовъ, смѣшались съ

хасидами и плясали и веселились; даже тайные вольнодумцы забыли про свое вольнодумство и также пили. Голоса перебивают друг друга, уста произносят невнятные слова, сердца бушуют, ноги прыгают, тѣла разнузданы. Необузданность! Раздолье! Евреи скидываютъ съ себя балахоны и пляшутъ. Душа открыла свою пасть. Силы каждого удесятились. Всякій ощущаетъ въ себѣ жизнь, возбужденіе, просторъ непонятный. Скрытый источникъ веселья прорывается и бьетъ волнами. Каждый чувствуетъ себя способнымъ подниматься, расти, расплываться, бушевать, кричать и пѣть до безконечности. Дайте имъ потоки вина, великую бурю объятий и поцѣлуевъ, дайте возбужденій безъ границъ, духовное единеніе и высшее сліянiе съ небесами до самыхъ глубинъ души! . . . Дайте имъ вознагражденіе за всю жизнь, которою не жили ни они, ни ихъ предки! Дайте имъ вознагражденіе за всѣ поколѣнія и за всѣ времена! . .

А въ понедѣльникъ народъ неистовствуетъ еще въ большей степени. Наличныхъ денегъ уже давно не стало, и въ ходъ уже пущены остатки вещей, даже посуда. Забыты всякіе расчеты, всякій тратитъ выше своихъ силъ, заботы также вопросы о «моемъ и твоёмъ», всѣ ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, переходятъ изъ дома въ домъ, изъ квартиры въ квартиру, ища питья и закусокъ. Необузданность! Во вторникъ здѣсь и тамъ уже возникаютъ размышленія. «Что ты сдѣлалъ? Спустилъ все въ домъ.» Чтобы заглушить тоску, разсѣять уныніе, пьютъ еще больше. Ослабѣвшіе уже спятъ гдѣ-то въ синагогѣ на чьемъ-то столѣ, на чьей-то кровати. Жены не знаютъ, гдѣ ихъ мужья. Многіе уже давно не приходили домой.

А въ среду цадикъ уѣзжаетъ, и народъ прыгаетъ передъ его экипажемъ изъ послѣднихъ силъ.

Въ четвергъ имѣются еще жалкіе остатки веселья, какъ-бы замѣняющіе десертъ, но голая дѣйствительность уже всплываетъ наверхъ. Нѣтъ дома, который бы не опустѣлъ.

Нѣтъ ни одного, который бы не продалъ всего, почти ничего не оставивъ на субботу.

А въ субботу народъ еще крѣпится, не желая омрачать святости дня. Наоборотъ, они еще пьютъ понемногу, веселятся понемногу и даже воспаляются, съ грѣхомъ пополамъ, рассказами о чудесахъ цадика и его приключеніяхъ.

Но когда уходитъ суббота, и кончается отходная субботняя молитва при свѣчахъ изъ зеленого воску съ фитилями, которыми предварительно измѣряли кладбище; когда жены кладутъ подъ передникъ холодные ключи и, пристально, вглядываясь въ своихъ мужей, говорятъ: «Открой лавку! Поѣзжай на базаръ! Бери иголку и шило» — въ ту минуту всѣ просыпаются къ своимъ обыденнымъ интересамъ и обращаются къ холодной повседневной жизни.

И опять легло на нихъ бременемъ безысходное горе Израиля.

Собственный домъ

(Очеркъ)

Товія, онъ же Ошеръ-Товія, бѣдствуетъ всю жизнь; онъ живетъ въ развалинахъ маленькой хаты, прислонившейся къ синагогѣ и расположенной въ нѣдрахъ маленькаго еврейскаго города.

Онъ слабъ тѣломъ, глаза его мутны и водянисты, рѣчь невнятна. Онъ не способенъ ни къ какому занятію или ремеслу; но его никакъ нельзя назвать бездѣльникомъ; онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, обладатель собственнаго дома, и не просто домовладѣлецъ, какъ всякій другой, а человѣкъ, пользующійся уваженіемъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ обладатель дѣйствительнаго дома.

Нужда и лишенія, которыя онъ испытываетъ, въ его глазахъ сущіе пустяки, да и все въ мірѣ, его жена и дѣти — ничто въ сравненіи съ его домомъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ покойныхъ родителей, блаженной памяти, а ими отъ ихъ же родителей, блаженной памяти.

Хата Товіи представляетъ собою нѣчто вродѣ крыши изъ гнилой соломы, опирающейся на полуразрушенныя кирпичныя стѣны; въ нихъ дыры, именуемая Товіей окнами и дверью. По обѣимъ сторонамъ этой, такъ сказать, двери расположено крылечко изъ камней, смазанныхъ черной глиной; передъ порогомъ лежитъ гладкій обтесанный камень. Хата эта единственное добро и наслѣдіе Товіи, вся суть и содержаніе его жизни. Въ ней онъ родился и выросъ, въ ней онъ женился, въ ней родились его сыновья и дочери, въ ней

онъ праздновалъ свадьбы своихъ дѣтей. Зятьямъ своимъ онъ давалъ въ приданое «половину мужской части» дома. Всякій новый женихъ получалъ новую долю и въ придачу дочь, нѣсколько перезрѣлую. Послѣ свадьбы зять, въ простотѣ своей принимающій серьезно обѣщаніе тестя, требуетъ слѣдующую ему часть дома. Когда это не помогаетъ, онъ пробуетъ подѣйствовать на тестя побоями, затѣмъ собирается семейный судъ для рѣшенія спора; наконецъ, обращаются за совѣтомъ къ раввину. Дѣло, обыкновенно, кончается тѣмъ, что за Товіей остается домъ, а за зятемъ — дочь. И это до нѣкоторой степени справедливо: вѣдь, у Товіи есть еще одна и другая бракоспособныя дочери, и первая изъ нихъ уже давно ждетъ жениха. А чтобы выдать дочь замужъ, Товія долженъ обѣщать жениху дѣйствительную «половину мужской части», а не долю отъ доли. Такъ дѣло повторяетъ и до брака послѣдней дочери, которая между тѣмъ успѣла вырасти и, стало быть, нуждается въ женихѣ.

Нельзя не признать, что Товія относится съ любовью къ своимъ замужнимъ дочерямъ: онѣ живутъ въ его хатѣ, варятъ въ его печи, получаютъ отъ него приданое, а ихъ мужьямъ, — всѣ они извозчики — онъ даетъ мѣсто передъ хатой, гдѣ держать телѣги, и свободный воздухъ для ихъ лошадей, ночующихъ подлѣ возовъ.

Когда его дочери болѣютъ или лежатъ въ родахъ, онъ готовитъ для нихъ обѣдъ, убираетъ хату, выгоняетъ скотъ на пастбище, между тѣмъ какъ болѣзненная жена его стоитъ весь день на рынкѣ, продаетъ не безъ большого труда яйца и лукъ, огурцы и картофель и этимъ, съ помощью Господа Бога, не отказывающаго ей въ Своей великой милости, содержать семью.

Товія, котораго, по его пейсамъ и широкому поясу, можно принять за ученаго, на самомъ дѣлѣ не смыслитъ ничего въ книгахъ; слова молитвы онъ толкуетъ по-своему. Во всѣхъ молитвахъ онъ проситъ Бога, чтобы онъ хранилъ его хату отъ пожара и другихъ несчастій. Въ дождливые дни онъ

молится о томъ, чтобы стѣны ея не повалились, въ жару — чтобы козы не повредили стѣнъ, о которыя онѣ трутся съ большимъ наслажденіемъ.

И при чтеніи псалмовъ, которые онъ привыкъ повторять ежедневно, онъ молить только о сохраненіи хаты. Въ домѣ весь смыслъ его жизни. Онъ себѣ не можетъ представить себя безъ хаты, какъ не можетъ представить себя безъ тѣла и членовъ. Хата наполняетъ его умъ и сердце, всѣ чувства его души, всѣ его думы и помышленія. Въ хатѣ вся его жизнь.

А жизнь, по мнѣнію Товіа, не имѣетъ ни опредѣленныхъ формъ, ни опредѣленныхъ условій. Она богата веселыми и грустными тонами; послѣ подъема духа наступаетъ упадокъ; она полна унынія и поэзіи.

И когда появляется новая дыра въ стѣнахъ его хаты, когда сломана дверь или продырявлена крыша, когда печь дымить или крыльцо валится, — Ошеръ-Товіа приходитъ въ веселое, праздничное настроеніе. Онъ самъ, своими руками, безъ помощи мастера въ состояніи починить поврежденную часть.

Въ этотъ день онъ встаетъ рано утромъ, молится Богу съ чувствомъ отрады, поспѣшно съѣдаетъ свой кусокъ хлѣба и пьетъ утренній чай; затѣмъ онъ торопливо сбрасываетъ свой балахонъ, опоясывается зеленымъ поясомъ и, торжественно принимаясь за свой трудъ, работаетъ, какъ простой чернорабочій. Каждый отдѣльный комокъ глины, каждая сдѣланная имъ починка наполняютъ его душу неизъяснимымъ наслажденіемъ и сознаніемъ собственнаго достоинства.

Само собой разумѣется, что все сдѣлано мастерски; всѣ дѣти и домочадцы обязаны хвалить его работу и радоваться вмѣстѣ съ нимъ ея успѣшному исполненію.

Что Товіа большой знатокъ въ постройкахъ — въ этомъ онъ самъ ничуть не сомнѣвается. Дома богачей и ихъ архитектура не производятъ на него никакого впечатлѣнія, онъ

не помѣнялся бы съ ними ни за какія блага міра. Продать свою хату, хотя бы за Богъ вѣсть какую цѣну — вотъ мысль, которой онъ совершенно не можетъ постичь своимъ умомъ, — зачѣмъ ему богатства, когда у него такой домъ. И только домъ, въ которомъ онъ живетъ, способенъ оживить его душу, его домъ, прилегающій одной стороною къ синагогѣ, а другой — къ дому раввина. Людей, не имѣющихъ собственнаго дома и нанимающихъ квартиры у другихъ, онъ жалѣетъ отъ души и не питаетъ къ нимъ никакого уваженія. Какъ можно жить безъ собственнаго угла, безъ куска собственной земли подъ ногами? Онъ не можетъ также понять людей, продающихъ изъ нужды свои дома или мѣняющихъ ихъ на другіе.

Мысль о смерти не беспокоитъ Товію, хоть онъ и старъ годами. Лишь порою подобная дума волнуетъ его душу, и онъ вспоминаетъ тогда о своемъ домѣ, который останется безъ хозяина, и въ которомъ зятя его будутъ распоряжаться, какъ въ собственномъ. Ужасъ охватываетъ его при этой мысли. Еслибы домъ могъ умереть вмѣстѣ съ нимъ! Но умереть обыкновеннымъ образомъ, оставивъ свой домъ на произволъ чужихъ людей — плохое дѣло, и не по душѣ оно Ошеру-Товію.

Но зачѣмъ думать о концѣ? Онъ еще, слава Богу, въ живыхъ, и хата вмѣстѣ со стѣнами, крышею и крыльцомъ еще принадлежитъ ему. По цѣлымъ днямъ онъ сидитъ въ ней и смотритъ въ окно на прохожихъ съ самодовольнымъ чувствомъ, какъ бы говоря: «смотрите на меня, Ошера-Товію, и на мой домъ; и у васъ свои хаты, но такой хаты, какъ у меня, у васъ нѣтъ; моя хата лучше вашихъ, лучше вашихъ!» — хочетъ онъ крикнуть, во всеуслышаніе.

Всѣ говорятъ о Святой Землѣ и о пришествіи Мессіи, который поведетъ насъ туда . . . И Товія пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ со всѣмъ Израилемъ, по бумажному мосту . . . Но что будетъ съ домомъ? Можетъ быть, и домъ его перевезутъ туда вмѣстѣ съ синагогами и молитвенными домами, которые вѣдь не останутся въ изгнаніи? И его домъ можно считать

молельней, не разъ уже молился въ ней десятокъ мужчинъ! А что, если невозможно перевезти дома? Кто знаетъ? Но нѣтъ. Хата пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ... Онъ припадѣтъ къ стопамъ Мессіи и станѣтъ умолять его, чтобы онъ взялъ съ собою и домъ Товіи. Но и земли подъ хатой ему жалко: вѣдь и она принадлежитъ ему.

Хорошо, что настоящее поколѣніе еще недостойно милости пришествія Мессіи, народъ не такъ богобоязненъ, какъ слѣдуетъ, а дѣти еще хуже отцовъ... А если такъ, — то еще долго быть намъ въ изгнаніи...

Въ сущности, изгнаніе для него лишь пустой звукъ. «Вѣдь братья наши, — думаетъ Товія, — живутъ здѣсь. У нихъ свои дома, и у меня свой домъ. У насъ здѣсь своя синагога, своя баня и свой раввинъ — все есть у насъ»...

* * *

Но наступилъ роковой день въ жизни Товіи, и померкъ свѣтъ очей его. Сосѣдь его съ лѣвой стороны, Іохананъ сынъ Рувима, продалъ часть свободной земли, находящейся между его хатой и хатой Ошера Товіи. Покупатель Гедалья былъ сельскій житель, разбогатѣвшій отъ торговли лѣсомъ и желавшій поселиться въ городѣ, чтобы считаться горожаниномъ. И вотъ онъ началъ строить каменный домъ на купленномъ участкѣ земли. Одного нижняго этажа этого дома достаточно, чтобы закрыть свѣтъ для оконъ Товіи. Весь міръ потемнѣлъ въ его глазахъ.

Два поколѣнія жилъ онъ мирно и спокойно въ своемъ домѣ. Всю жизнь онъ не думалъ о томъ, что дѣло перемѣнится, и что кто-нибудь другой переступитъ его предѣлы, какъ вдругъ такое проклятiе обрушилось на его голову.

Весь міръ долженъ возстать при видѣ такого беззаконія, всѣ должны защитить обитель Ошера-Товіи и повергнуть въ прахъ нечестивца Гедалью. А Гедалья между тѣмъ все строить да строить, не обращая вниманія на вопли и мольбы Товіи. Напрасно Товія жалуется синагогальному суду, напрасно онъ призываетъ раввина и пристава, никто не въ состояніи

спасти хаты Товіи и запретить Гедальѣ постройку новаго дома.

Напрасно Товія собираетъ самъ остатки силъ и старается остановить работниковъ Гедальи. Гедалья нанимаетъ мужиковъ и приказываетъ имъ связать Товію веревками.

Такъ кладутъ основаніе новому дому, на землѣ, принадлежащей ему, Товіи, а онъ лежитъ связанный и въ безсиліи грызетъ веревки.

А новый домъ между тѣмъ все растетъ да растетъ. Вотъ уже выстроены стѣны, уже готовы окна и двери. Зеленая крыша блеститъ издали, а крыльцо верхняго этажа возвышается надъ окнами Товіи.

Въ хатѣ своей сидитъ онъ весь день, удрученный и разбитый.

Еще искра надежды теплится въ немъ: можетъ быть Всевышній услышитъ его мольбы и разрушитъ домъ его врага. Но помощь свыше не приходитъ, нечестивецъ Гедалья затемняетъ его хату, хату Ошера-Товіи!

Товія состарился, и духъ его потерялъ прежнюю ясность, тѣло его исхудало, на немъ лишь кожа да кости; а онъ все сидитъ, да сидитъ среди развалинъ своего дома.

Сауль

Сауль былъ высокимъ крѣпкимъ евреемъ съ дурнымъ до безобразія лицомъ. На крутомъ затылкѣ его безпорядочно висѣли жидкіе рыжіе волосы. У него была козлиная, изсиня-сѣдоватая бородка, и его большой, вѣчно раскрытый ротъ и огромныя ноздри краснаго безформеннаго носа зіяли подобно ямамъ, на его лицѣ. Глаза его горѣли дико и угрюмо, а руки покрыты были густыми волосами и дрожали безпрестанно, какъ будто потрясаемая неутихаемымъ гнѣвомъ.

Душа его постоянно кипѣла и бушевала. Она томилаcь священными муками, изнывала отъ вѣчнаго страха. Всѣ явленія жизни поражали его своею внезапностью и неожиданностью. Каждая заповѣдь и каждый запретъ наполнялъ его душу ужасомъ страшнаго суда.

Но что особенно повергало его въ прахъ, это была ежедневная, трижды въ день совершаемая молитва; подобно вулкану, раздражалась тогда буря въ его душѣ, и, казалось ему тогда, что вотъ, вотъ рухнуть всѣ основы вселенной.

Это уже не были слова человѣка, говорившаго со своимъ Богомъ, а живыя огненныя существа, пламенными языками обжигавшія его душу.

Богъ — это живое вѣчное естество, и дыханіе Его — пламя. И мудрецы сжигали міръ своимъ дыханіемъ. Всякое мгновеніе — молнія, и всякое священное слово заключаетъ въ себѣ вѣчность. Если бы люди знали всю правду, если бы бѣльмо спало съ глазъ ихъ, они изныли бы отъ отчаянія.

Туманъ застилаетъ передъ ними всю природу, и словно проклятіе тяготѣетъ надъ нею. Подъемлетъ Богъ очи Свои,

и все цѣпенѣть отъ ужаса. Нѣтъ покоя міру сему, а виновница всякихъ страданій — человѣческая гордыня.

Каждый мигъ твоей жизни можетъ сдѣлаться роковымъ — напряги же духъ свой, червь земли, и удостойся милости Господней. Преклони голову свою, когда встаетъ заря и когда стихаетъ день — это нѣмая заповѣди, это нѣмая напоминанія!

И вся жизнь его была вѣчной скорбью надъ удѣломъ человѣка; онъ сознавалъ, что съ того дня, какъ свершился первый грѣхъ на землѣ, во всемъ мірозданіи образовалась роковая брешь.

А мы, злосчастные потомки провинившихся отцовъ, — чѣмъ снимемъ мы съ себя ярмо грѣха? Мы погружаемся въ бездну и мнимъ себя восходящими вверхъ; лишь слово Божіе можетъ спасти душу.

А слово Божіе пылало въ молитвахъ праведной братіи «Нахмитовъ», къ которымъ и онъ причислялся, оно звучало въ псалмахъ и въ Пѣсни Пѣсенъ. Вотъ оно — вышній даръ человѣка и цѣль его земного бытія.

Когда наступала суббота и изъ оконъ каждаго дома доносилась чарующая Пѣснь Пѣсенъ, тогда душа его загоралась огнемъ, пожиравшимъ все его существо. Какъ искры, сыпались изъ устъ его слова, и, словно одолюваемый какой-то сверхъестественной силой, онъ бѣгалъ назадъ и впередъ по комнатѣ, точно въ изступленіи.

Всѣ убѣгали тогда изъ дому или прятались отъ его воровъ. Одна только вѣчно юная суббота жадно внимала словамъ любви между Богомъ и его избраннымъ народомъ . . .

Т и х і е л ю д и

Втеченіє лѣта случалось не разъ, что въ домѣ Натана не было ни куска хлѣба. Нищету никто еще здѣсь не называлъ громко по имени, но всѣ источники были уже исчерпаны, а токарный станокъ и маслобойка, имъ самимъ придуманная, лишь изрѣдка доставляли наличную копейку. Старались скрывать это отъ сосѣдей; обыватели мѣстечка, пробывавшіеся жалкимъ торгашествомъ, косились на всякаго, кто бросалъ ихъ среду и искалъ другого заработка. И домикъ Натана, безукоризненно чистый, съ блестяще бѣлыми стѣнами и зелеными ставнями, стоялъ уже ближе къ христіанской улицѣ. Изъ оконъ его виденъ былъ холмъ, подымавшійся кверху по ту сторону рѣчки за полуостровомъ, гдѣ кончались крестьянскіе дворы, и налагавшій на все окружающее печать покоя и тишины. А сзади, далеко, далеко простирались луга, вплоть до кладбища и пустой мельницы. Если дойти до конца улицы, то можно было видѣть поля пшеницы, которыя переливаются волнами по землѣ и дышать миромъ и вѣчной меланхоліей.

Только что пробудилась заря, и все еще было покрыто росой; Натанъ стоялъ уже у окна и тихо молился про себя; при всей своей образованности онъ былъ благочестивъ душой, и свякое древне-еврейское слово, выразительно сказанное, доставляло ему удовлетвореніе.

Онъ бросилъ нѣсколько углей въ самоваръ, и когда вода закипѣла, его охватила щемящая мысль о женѣ и дѣтяхъ. Съ Господомъ Богомъ такъ тихо, какъ же тутъ чело-вѣку говорить о своихъ заботахъ? Все молчитъ, только за-

коны природы живутъ вѣчно. По ту сторону мѣстечка далеко-далеко простирается природа, которую изучили великіе мыслители и описали въ книгахъ. У него было нѣсколько разрозненныхъ книжекъ русскаго журнала «Жизнь»; онъ ихъ тщательно завертывалъ, какъ Библію, въ бѣлую бумагу и раскрывалъ въ часы тяжелаго раздумья для укрѣпленія своего духа. О, еслибы люди, его окружающіе, знали, что существовалъ Дарвинъ, еслибы они могли понять, что такое механика! Развѣ дождь не законъ природы?

Его жена, нѣсколько моложе его, тоже ничего не понимала бы, если бы ея сердце не лежало къ нему. Она знала, что онъ думаетъ больше всѣхъ другихъ, и, затѣмъ, что существуетъ другой міръ, не такой, какъ въ Трутивѣ. Если бы ея Натанъ родился въ другомъ городѣ, о, онъ, конечно, тоже сталъ бы учиться наукамъ.! Чего же тутъ пугаться? — можно все-таки остаться набожнымъ евреемъ, если имѣешь Бога въ сердцѣ.

По своей вялой природѣ она больше рожала двойней. Маленькіе ребята копошились постоянно въ большой пустой кухнѣ и казались крошечными звѣрьками, ползающими по землѣ. Старшій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, чувствовалъ голодъ чаще, чѣмъ слѣдуетъ, но понималъ, что этого не слѣдуетъ высказывать громко. Его сверстница-сестра, свѣтлая простенькая дѣвушка, страдала сыпью на лицѣ и подбородкѣ и вѣчно присыпала ее мѣломъ. Сосѣдская дочь съ черными волосами и желтымъ лицомъ, тоже всегда сидѣла здѣсь и шила; это была кровная подруга старшей дочери Розалии, которая насчитывала уже семнадцать лѣтъ отъ роду, но была такъ углублена въ себя, что даже красота ея на первый взглядъ не бросалась въ глаза. Она не любила много говорить и всегда бывала рада, когда могла погрузиться въ тяжелую работу; особенно хорошо она себя чувствовала, когда случалось мѣсить и печь хлѣбъ. У нея уже были свои мысли, въ то время, какъ руки ея прилежно давили тѣсто, хотя работа эта мало соответствовала крото-

сти ея души и трогательному настроенію, въ которомъ сливался для нея весь міръ. Она сильно страдала отъ домашнихъ тяготъ, но хорошенько не понимала, что такое бѣдность: просто денегъ нѣтъ. — Если бы, по крайней мѣрѣ, у дѣтей было достаточно бѣлья; сердце такъ и прыгаетъ, когда выстираешь его и развѣсишь на веревкѣ для просушки. Кто понимаетъ, зачѣмъ вѣтеръ стучится въ окошко? — Кто можетъ быть лучше отца и матери? Молодые люди, заживавшіе къ нимъ, тоже ничего не понимаютъ; одинъ никогда не скидываетъ жесткой шляпы съ головы, и когда онъ стоитъ и смотритъ на нее, онъ возбуждаетъ такую жалость. Другой хочетъ научиться у нея веденію книгъ: онъ всегда приходитъ къ нимъ поздно, такъ какъ долженъ работать весь день; если бы онъ былъ не такимъ, какъ остальные, она бы замятилась.

— И что такое евреи? И почему мы евреи? Въ длинные лѣтніе дни, когда малыши гуляютъ, а всѣ на работѣ, и она одна сидитъ въ передней или въ маленькой комнаткѣ за своимъ шитьемъ, ее охватываетъ удивительная тишина: весь внутренний духъ, присущій этому дому. Какъ будто здѣсь кроется какое-то тайное счастье, горе и тоска цѣлаго народа, всего древняго рода. Весь міръ для нея былъ окрашенъ однимъ тономъ, который встрѣчается только на картинахъ старыхъ мастеровъ.

ОТЦЫ И ДѢТИ

Расторгнутыя узы

(Изъ воспоминаній отступника)

Я жилъ тогда привольной жизнью молодого зятя на хлѣбахъ у богатаго тестя въ маленькомъ городкѣ Украины.

Городокъ этотъ имѣлъ два облика: въ верхней части его просторно жили непричастные завѣту Авраама народы земли, въ долинѣ же стояли тѣсной кучей дома сыновъ Израилевыхъ, ихъ лавчонки и молельни. Между обѣими половинами города тянется лентой рѣка, а черезъ нее перекинуть мостъ, по которому обыватели мѣстечка ступали лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

Дома евреевъ обращены фасадомъ на рынокъ, на который устремлены всѣ взоры Израиля. Въ обыкновенные дни площадь рынка забросана всякимъ мусоромъ: солома, щепки, разбитые ящики и сломанныя доски валяются подъ ногами прохожихъ. Но съ наступленіемъ ярмарки все вдругъ оживаетъ: со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ мужики съ нагруженными телѣгами; цѣлыми табунами и стадами стоятъ лошади, волы, козы и свиньи; овощи и плоды лежатъ грудями на землѣ передъ мужичками, сидящими на рогожахъ; по обѣимъ сторонамъ дороги раскинута палатки великороссовъ, продающихъ пестрые платки и узорчатые полотенца; а всюду тѣсятся покупатели, праздные мальчишки, носильщики.

Со всѣхъ сторонъ рынокъ окружаютъ лавки; на нихъ нѣтъ вывѣсокъ, ни надписей о томъ, что въ нихъ продается и кто ихъ владѣлецъ, но двери ихъ стоятъ весь день откры-

тыми, подобно большимъ дырамъ, и въ нихъ стоятъ блѣдные евреи и кричатъ усердно всякому проходящему:

«Ко мнѣ, баринъ, въ мою лавку».

Эти же лавочники заняты ежедневно ученіемъ и молитвою . . . Жены ихъ повязываютъ головы платками, варятъ обѣдъ и пекутъ хлѣбъ, читаютъ по субботамъ заунывныя молитвы и сплетничаютъ. И все это тянется уже споконъ вѣка, всякій дѣлаетъ то же самое, что дѣлали его отцы и праотцы. И никому изъ нихъ не прійдетъ никогда въ голову задуматься надъ своими поступками и дѣйствіями.

Лишь съ наступленіемъ вечера, когда всѣ начинаютъ считать жалкіе гроши, заработанные втеченіе дня, какъ будто ужасъ какой-то охватываетъ всѣ эти души, изнемогающія подъ гнетомъ тяжелой жизни. Они шепчутся между собою съ видомъ людей, судно которыхъ потонуло въ морѣ.

И когда ночь черными крылами своими обнимаетъ все небо, когда уже оставлено ученіе и дѣла мірскія, когда уже прочитана вечерняя молитва, — тогда тѣнь невидимой скорби ложится на все.

А мнѣ еще не было тогда восемнадцати лѣтъ.

Я былъ еще юношей, не знавшимъ свѣта и жизни и воспитаннымъ въ духѣ вѣры и благочестія. Но новыя вѣянія уже тогда охватили меня; уже тогда запали въ мою душу первыя сѣмена сомнѣнія. Всякій разъ, когда я уходилъ изъ дома тестя моего, стоящаго въ маленькомъ садикѣ на окраинѣ города, или возвращался изъ города домой и видѣлъ ряды жалкихъ лавчонокъ и лица лавочниковъ, еще за часъ до того бывшихъ благовѣрными евреями, всѣ мысли которыхъ, казалось, направлены къ Богу, а теперь стоящихъ согбенными и съ какимъ-то страннымъ блескомъ въ глазахъ выжидающими барыша, — тогда въ душѣ моей пробуждались новыя, незнакомыя мнѣ доселѣ чувства, и предо мною вставали вопросы, требовавшіе разрѣшенія. И даже въ часы совмѣстнаго сидѣнія за молитвой или ученіемъ, на меня нападало чувство отчужденія отъ всѣхъ этихъ людей, и порою я вообще не пони-

малъ, зачѣмъ мы тутъ сидимъ всѣ вмѣстѣ и что за смыслъ всего этого . . . Я сижу за книгами въ домѣ молитвы; въ ушахъ моихъ раздаются вздохи и напѣвы учащихся, и я самъ повторяю по привычкѣ заунывнымъ голосомъ главу «о двоихъ, ссорящихся изъ-за найденной одежды», — вдругъ я поворачиваю голову въ сторону и выглядываю изъ окно модельни на свѣтъ Божій, на широкія необъятныя небеса . . . Съ восходомъ зари я уже иду молиться Богу и вижу какъ все движется медленно и неохотно, какъ будто чувствуетъ весь міръ, что незачѣмъ ему торопиться и ускорить свой бѣгъ.

Что прибавляютъ новаго къ созданіямъ Творца эти люди? И зачѣмъ нужны они ему, они, созданные имъ же самими?

Но порою, на исходѣ субботы, когда вся община отъ мала до велика собирается въ домѣ Божьемъ за вечерней молитвой, всѣ стоятъ въ смирении предъ Творцомъ и лишь изрѣдка слышится вздохъ изъ глубины удрученной груди, прерывающій тишину безвозвратно уходящей субботы, тогда на меня нападаетъ унылая тоска и какъ свинцомъ наливается сердце мое.

Тутъ стоятъ они всѣ и молятся Богу съ какимъ то отчаяніемъ; они закрываютъ глаза свои, дабы не видѣть приближающихся буденъ и заботъ ихъ.

Вдругъ и меня охватываетъ щемящая забота о хлѣбѣ насущномъ, и я чувствую состраданіе къ этимъ людямъ, блуждающимъ не по винѣ своей, а по винѣ вождей своихъ.

Но отчего у нихъ не хватаетъ силъ разорвать эти цѣпи? Отчего сидятъ они въ заточеніи и любятъ свою темницу? Кто установилъ преграды между народами?

И даже въ сумерки, когда я ложусь на диванъ и ко мнѣ подсѣдаетъ моя молодая жена и нѣжно проводитъ рукою по моимъ волосамъ, и тогда не покидаютъ меня мои мысли. Она заводитъ тихимъ голосомъ колыбельную пѣсню: — Спи, Израиль, спи. Пѣсня такъ грустна и уныла . . . А я все витаю

въ другомъ мірѣ и вдругъ чувствую себя далеко отъ нея, далеко отсюда.

Я и самъ не понимаю, отчего не довольствуюсь я любовью этой чистой, невинной души, связанной со мною.

Она, какъ ребенокъ, не понимаетъ раздвоенности моей и смотритъ своими свѣтлыми глазами просто и открыто на міръ Божій. И предъ лучезарнымъ сіяніемъ ея красоты разсѣиваются въ прахъ всѣ думы мои и исканія. Да и что такое раздумье о вѣчности, религіозныя сомнѣнія, вопросы народа противъ чаръ нетронутой дѣвичьей души?

Но проходятъ минуты раскаянія, и я опять углубляюсь въ свои книги и напрягаю весь умъ свой, дабы найти отвѣтъ на вопросы, не дающіе мнѣ покоя. Зачѣмъ живемъ мы, люди? Зачѣмъ созданъ весь міръ? Отчего ищемъ мы и спрашиваемъ всю жизнь? Что за цѣль нашего земного бытія, и куда мы направляемся?

Подругу свою я люблю больше жизни, но родителей ея начинаю ненавидѣть. Я ихъ всѣхъ ненавижу: родителей ея, родственниковъ, сосѣдей, всѣхъ евреевъ мѣстечка, окружающихъ мѣстечекъ. И ненависть моя простирается на отдаленныя поколѣнія, на отцовъ и праотцевъ; ненавистенъ мнѣ весь народъ, закрывающій глаза передъ свѣтомъ науки, и сердце мое возмущается противъ пастырей его, обременившихъ его тысячами законовъ и постановленій.

Я задыхаюсь въ этомъ воздухѣ, мнѣ тѣсенъ мой кругъ, тѣсна моя родина. Душа моя рвется вдаль, и я жажду свободы, свободы.

Стоитъ мнѣ выйти на крыльцо нашего дома послѣ вечерней трапезы, стоитъ мнѣ посидѣть на скамеечкѣ и поглядѣть впереди себя на безотрадную улицу, на старыя, покосившіяся стѣны домовъ, на покрытыя мхомъ крыши, какъ меня охватываетъ тоска по дальнимъ, невѣдомымъ краямъ, непреодолимая страсть вырваться изъ этого омута.

А нѣжный голосъ моей подруги уже звучитъ позади меня :— Войди въ комнату, Іосифъ, на дворѣ прохладно...

Я не смѣю поднять на нее своихъ глазъ, полныхъ стыда и сознанія грѣха, а она въ простотѣ души своей не подозреваетъ ничего и говорить: — Оставь эти думы, мой милый.

Я обвиваю ея руку своею, и слезы умиленія наполняютъ глаза мои.

Но наступаетъ суббота. Я умываюсь съ ногъ до головы и надѣваю свѣжее платье. Ярko вычищенные сапоги и бѣлый, какъ снѣгъ, воротъ рубахи наполняютъ меня пріятнымъ сознаніемъ чистоты и опрятности. По возвращеніи изъ синагоги, я пою обрядовую пѣснь въ честь домовитой хозяйки и съ удовольствіемъ прислушиваюсь къ звуку собственного голоса. Въ эти минуты меня покидаютъ всѣ мои вопросы и сомнѣнія, я чувствую себя возрожденнымъ и обновленнымъ и радуюсь, какъ дитя, только что купавшееся въ водѣ.

Серебряная люстра освѣщаетъ всѣ углы и стѣны обширной столовой. Столъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью и блеститъ отъ золотой и серебряной посуды. Тестъ мой въ черномъ шелковомъ балахонѣ ходитъ взадъ и впередъ по комнатамъ и напѣваетъ привѣтствіе субботѣ съ какой то ширью, совсѣмъ несвойственной ему въ будни. На диванѣ сидитъ Басшева, мой ангелъ-хранитель и тихо прислушивается къ пѣнію отца; и чувствуютъ всѣ, что она — душа нашей семьи и что только ради нея и живемъ мы всѣ. И великое, необъятное чувство любви къ ней снова охватываетъ душу мою.

Подъ окнами комнаты шепчутся деревья, и сквозь нихъ виднѣется свѣтъ изъ домовъ насупротивъ; а тамъ тоже празднуютъ субботу, и всѣ такъ радостны и счастливы.

Но рѣдки мгновенія беззавѣтной радости, и рѣдко покидаетъ меня духъ тоски и печали.

Всякую пятую ночь недѣли мы просиживаемъ напролетъ за ученіемъ. Бывало, сижу я тогда въ синагогѣ, предо мною груды мертвыхъ книгъ, а рядомъ со мною сидятъ мои товарищи, друзья и почитатели.

Я не знаю, что случилось со мною и даже не знаю, чего я собственно ищу, но одно мнѣ ясно: не мѣсто мнѣ тутъ.

Ни невинная прелесть моей жены, ни нѣжный взглядъ ея свѣтлыхъ очей, ни все обаяніе юной души не въ состояніи утолить моей жажды.

Плоть моя не нуждается ни въ чемъ, но духу моему нѣтъ здѣсь простора.

Только что я обнималъ съ любовью подругу мою, какъ ужъ другія мысли замѣняютъ ее въ воображеніи моемъ. За мной ухаживаютъ, какъ за ребенкомъ, всѣ мои желанія исполняются вмигъ, и тесть и теща любятъ меня какъ сына, но одного мнѣ недостаетъ: свѣта знанія

Кто разрѣшитъ мнѣ загадку бытія? Кто скажетъ мнѣ что такое жизнь и на что дана она намъ, людямъ? Что такое добро и зло, возмездіе и кара?

Я вспоминаю вдругъ, что тамъ за мостомъ, по ту сторону рѣки живетъ пивоваръ Михаилъ, отвергнутый своими братьями и исключенный изъ общины Израиля. О немъ говорятъ съ презрѣніемъ и ужасомъ, рассказываютъ, что у него одни богохульныя, еретическія книги, что ходитъ онъ съ непокрытой головой, что и жена его не носитъ платка на головѣ.

Туда бы мнѣ пойти, къ нимъ, къ этимъ людямъ, они отвѣтятъ мнѣ на мои вопросы, разрѣшатъ мои сомнѣнія. Я знаю, что тесть мой проклянетъ меня, когда узнаетъ объ этомъ, но я пойду туда, пойду непременно . . .

Былъ чудный вечеръ на исходѣ лѣта. Я кончилъ вечернюю молитву, выкрался тихонько изъ синагоги и, не обращая на себя вниманія чужихъ взоровъ, незамѣтно достигъ моста. Тихими шагами ступаю я по мосту, и вода внизу и небоверху какъ бы сочувствуютъ моему начинанію.

Я уже у конца моста, еще шагъ, и я у завѣтной цѣли, но я оборачиваюсь, чтобы посмотрѣть отсюда на разстилающийся предо мною нижній городъ. Подобно гробницамъ кладбища, глядятъ на меня эти унылые и запущенные дома.

Сердце мое защемилось болью: тутъ, въ долинѣ живетъ и подруга жизни моей.

Я иду дальше. Легкій вѣтерокъ дуетъ мнѣ въ лицо и разсѣиваетъ грустныя думы. Бѣлые дома уже виднѣются изъ-за садовъ, окруженныхъ желѣзными рѣшетками. Вдали возвышается церковь съ высокимъ куполомъ, а къ ней ведутъ широкія каменныя ступени. А тамъ, на окраинѣ живетъ Михаилъ. Въ окнахъ его свѣтло. Сердце мое застучало.

Въ смущеніи стою я у двери квартиры и не смѣю ступить на чужой порогъ. Наконецъ, я слабо дергаю звонокъ. Впервые въ жизни моей я дотрагиваюсь до звонка: всѣ еврейскіе дома, въ которыхъ я бывалъ до сихъ поръ, открыты для всякаго входящаго.

Смуглая, хорошенькая дѣвочка открываетъ мнѣ дверь и разсѣиваетъ своею привѣтливою улыбкою всю мою печаль и радость. Черезъ мигъ я уже внутри дома и еще прежде чѣмъ я произношу свое имя, они уже знаютъ, кто я. И сыновья, и дочери, и отецъ и мать семейства жмутъ мнѣ руку и здороваются со мною, какъ со старымъ хорошимъ знакомымъ, какъ съ братомъ. Я сижу на диванѣ и глаза мои бѣгаютъ отъ одного предмета къ другому. Все такъ хорошо и красиво въ этомъ домѣ, всѣ лица такъ милы и пріятны.

Я говорю немного. Мнѣ наливаютъ чай, и первый разъ въ жизни моей я сижу за столомъ съ непокрытой головою. Я чувствую при этомъ странное облегченіе и проникаюсь невольно сознаніемъ собственного достоинства; годы и столѣтія шапка угнетала главу мою и главы моихъ предковъ!

Старшая дочь заиграла на рояли. Бесѣда прервалась. Стройной волной несутся дивныя звуки; я весь ушелъ въ музыку, глаза мои невольно смыкаются, мечты уносятъ меня далеко отсюда.

Глаза матери семейства покоятся на мнѣ съ любовью и сочувствіемъ. Отецъ, сѣдой почтенный старецъ, заговорилъ съ горечью о жителяхъ мѣстечка, коснѣющихъ во тьмѣ и невѣдѣніи. Я вдругъ сталъ разговорчивъ и началъ приводить примѣры грубости нравовъ.

— Уйти бы тебѣ отъ нихъ, — говоритъ онъ мнѣ. А дѣвушки говорятъ: — Нѣтъ, оставайся дома, намъ жалко твою молодую жену.

Приближается десятый часъ. Мнѣ пора домой, а такъ бы еще хотѣлось остаться мнѣ здѣсь.

— До скорого свиданія, — говорятъ они мнѣ вслѣдъ.

— Приходи почаще!

— Почаще, почаще!

Съ надеждой и смущеніемъ я оставляю этотъ домъ. На дворѣ теперь тишина еще больше прежняго. Звѣзды тоже какъ-то притихли. Мостъ теперь какъ бы шатается подъ моими ногами. И опять разстилается предо мною весь нижній городъ, заснувшій въ ночной тиши. Но какъ краснорѣчива теперь эта тишина для меня. Мнѣ кажется, что я теперь только прозрѣлъ.

Незамѣтно дошелъ я до дома тестя и съ робостью постукался пальцами въ окошко: — Басшева, Басшева, открой, голубчикъ.

Въ смущеніи я тихо вхожу въ комнату; что-то сжимаетъ мнѣ горло, и я не въ состояніи вымолвить ни слова. Наконецъ я произношу съ трудомъ: — Опоздалъ я немного, заспорилъ съ товарищами, да и забылся.

Басшева поднимаетъ на меня удивленные глаза и не говоритъ ни слова. Въ комнатѣ тихо; бѣлая свѣчка таетъ въ серебряномъ подсвѣчникѣ на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью.

— Зачѣмъ опоздалъ? говоритъ она тихо; а я ужъ безпокоилась о тебѣ.

Ласковый тонъ ея рѣчи такъ и хватается за душу. Мнѣ стыдно поднять глаза и посмотреть ей въ лицо; какъ преступникъ, я не нахожу словъ, чтобы оправдать себя.

— Отчего ты опоздалъ? Родители безпокоились и сердились, да и я не знала покоя. Сердце мое говорить...

— Оставь, дорогая.

— Нѣтъ, милый, сердце мое говоритъ, что новый духъ обуялъ тебя. Ты меня любишь, я знаю, но ты размышляешь такъ много и все такъ углубленъ въ свои книги. И живешь ты не такъ, какъ живутъ мои родители, и твоимъ родителямъ тоже не слѣдуешь.

Какъ нѣмой, сижу я и не открываю рта.

— Отчего ты молчишь? Развѣ я ошибаюсь? О, еслибы я ошибалась. Еслибы ты зналъ, Іосифъ, сколько мукъ я перенесла изъ за тебя.

— Я тебѣ причиняю страданія, тебѣ, зеницѣ ока моего?

— Думы твои разрываютъ мнѣ сердце на части; онѣ тебя отнимаютъ у меня. Голубчикъ, Іосифъ, вернись ко мнѣ, ко всѣмъ намъ. Расскажи мнѣ твои сомнѣнія, быть можетъ, я помогу тебѣ.

Я съ трудомъ преодолеваю свое волненіе и не въ состояніи проронить ни слова. Мнѣ стыдно предъ самимъ собою, стыдно предъ этимъ чистымъ, не вѣдающимъ зла созданіемъ.

Пѣтухи давно уже запѣли. Сонная Басшева дремлетъ, не раздѣвшись, на диванѣ, и я прихожу въ умиленіе отъ одного вида ея. Священные узы связываютъ меня съ этой непорочной душой, а я не въ состояніи приказать своимъ мыслямъ остаться на мѣстѣ и не думать о новыхъ друзьяхъ, живущихъ тамъ, по ту сторону рѣки.

Кто снизойдетъ въ глубину души человѣческой?

О, еслибы я могъ излить свою душу предъ Басшевой, другой моей, еслибы я могъ открыть ей думы свои и мечты. Съ нею вмѣстѣ я бы желалъ обойти моря и земли и найти источникъ свѣта; и узнаетъ она тогда, что за предѣлами закона и вѣры есть другая жизнь, полная таинственной, невиданной прелести.

Но нѣтъ, Басшева — дочь Іакова, и свѣтъ души ея сіяетъ лишь въ шатрахъ Іакова.

А дома между тѣмъ опять наступило принужденное, неловкое состояніе, и во всемъ мѣстечкѣ ужъ говорятъ открыто, что вотъ — отпрыскъ такого великаго рода и зять такого

почтеннаго хозяина свернулъ съ пути истины. И всѣ они встревожены и потрясены этимъ событіемъ; они чувствуютъ себя отвѣтственными за мои прегрѣшенія, и душа ихъ скорбитъ о потерянной овцѣ изъ стада Израиля. Вѣка и тысячелѣтія народъ страдалъ во имя своего Бога, а вдругъ одного обуюла нечистая сила...

А въ душѣ моей наступилъ переворотъ.

Это было ночью на исходѣ лѣта, я уже спалъ крѣпкимъ сномъ... Вдругъ слышу голосъ, будящій меня со сна: вставай, народъ, на служеніе Богу. Я вспоминаю, что сегодня ночь отпущенія грѣховъ передъ Новымъ Годомъ и что всѣмъ тогда итти въ синагогу.

И Басшева проснулась, накинула на себя поспѣшно платье и говоритъ:

— Вставай, пойдемъ.

Мы выходимъ во дворъ и пробираемся ошупью черезъ темныя улицы. Лишь изрѣдка слабый свѣтъ изъ оконъ покосившейся хижины освѣщаетъ намъ дорогу. Холодный вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, такъ что трудно держаться на ногахъ. Басшева робко продѣваетъ свою руку въ мою... Вся сила любви опять воскресаетъ во мнѣ къ этому юному, беззащитному созданію, ищущему во мнѣ опоры и поддержки.

Наконецъ, мы достигли молельни. Вся площадь кругомъ залита свѣтомъ и извнутри слышатся стоны и вздохи молящихся. Басшева взошла по ступенькамъ въ женское отдѣленіе, а я присоединился къ мужчинамъ. Вся синагога биткомъ набита молящимися, звуки молитвы слились въ одинъ протяжный стонъ, полный горести и унынія; подобно привидѣніямъ, качаются они во всѣ стороны, и свѣчи въ ихъ рукахъ кажутся таинственными погребальными факелами. А тамъ въ глубинѣ, у кивота стоитъ канторъ и вопить голосомъ, наводящимъ ужасъ на слушателей:

— «Внемли голосу нашему, о, Господи, спаси и помилуй насъ»;

— «Не забудь насъ въ старости, не покинь, когда силы наши ослабѣютъ».

А на лицахъ ихъ уже дѣйствительно видна старость и истощеніе силъ; и покрытыя пылью стѣны молельни, и почернѣвшіе мѣдные подсвѣчники, и истертые молитвенники съ застывшими на нихъ каплями восковыхъ свѣчей, — все говорить о старости, о долгомъ горькомъ существованіи...

Но я поднимаю голову къ женскому отдѣленію, а оттуда слышится голосъ, полный горя и слезъ, молящій о спасеніи. Тамъ Басшева, подруга жизни моей, плачетъ надо мною и молить Бога, дабы размягчилъ Онъ сердце мое и вернулъ меня въ лоно Свое....

Съ того дня я преодолѣлъ себя, и новый духъ овѣялъ меня. Наступилъ канунъ праздника Новаго Года. Мы сидѣли тогда за вечерней трапезой, и все дышало такимъ миромъ и покоемъ; Басшева въ бѣломъ шелковомъ платьѣ сияла, какъ ангель, въ цѣломудренной красѣ своей. Между нами сидѣлъ ея маленькій братецъ — въ знакъ чистоты семейныхъ нравовъ въ Израилѣ. Словно братъ и сестра сидимъ мы за столомъ и принимаемъ изъ рукъ отца традиціонные ломти бѣлаго хлѣба, окунутые въ медъ... Душа моя проникается неизъяснимымъ блаженствомъ, и я не понимаю, какъ я могъ возмущать покой ея ясной души.

И въ этотъ же вечеръ впервые заговорилъ во мнѣ голосъ земной любви, незнакомый мнѣ доселѣ. До тѣхъ поръ она мнѣ все еще была невѣстой, и я глядѣлъ на нее глазами еврейскаго юноши, смотрящаго на дѣвушку безъ вожделѣнія.

Трапеза кончилась. Горничная убрала посуду со стола. «Старики» ушли къ себѣ въ спальню, мальчикъ тоже попрощался, а мы двое сидимъ еще на диванѣ при свѣтѣ праздничныхъ свѣчей.

Я кладу свою голову на ея колѣни, а она проводитъ рукою по моимъ волосамъ.

— Знаешь ли, шепчуть ея губы, я люблю тебя, люблю безконечно.

Я поднимаю глаза мои къ ней и прижимаю ея голову къ моимъ устамъ. Долгій поцѣлуй. Весна жизни.

И долго еще въ эту ночь сидѣли мы вмѣстѣ въ нашей комнатѣ. Опыяненный страстью, я глядѣлъ на нее и внималъ трепету ея души; со всей пылкостью юной любви я ее прижимаю къ себѣ, словно мы соединяемся навѣкъ другъ съ другомъ. Басшева краснѣетъ и говоритъ: вѣдь, страшные дни суда Божія надъ нами теперь. Мнѣ хочется ей отвѣтить: все не страшны эти дни. Но мнѣ жаль разрушить ея вѣру, и я подавляю въ себѣ эти слова.

— Иосифъ, вѣришь ли ты въ возмездіе и кару на томъ свѣтѣ, — говоритъ она вдругъ, вѣришь ли, что всѣ дѣла наши записаны Господомъ въ книгу?

Но я не отвѣчаю ни слова, опять припадаю къ лицу ея, и опять долгій поцѣлуй закрываетъ уста ея. Весна любви.

* * *

Но недолго тянулись эти полные мира дни. Я еще исполняю ихъ волю, но внутренне я уже опять вернулся къ своимъ думамъ и сомнѣніямъ и мучаюсь, что принужденъ лицемерить передъ ними. Они готовятся ко дню очищенія, и я вмѣстѣ съ ними встаю до зари и молюсь Богу, и погружаю, какъ они, тѣло свое въ воду для очищенія отъ грѣховъ... «Фальшь, неправда» — хочется мнѣ сказать имъ въ лицо, а между тѣмъ я хожу съ ними въ молельню, облакаюсь въ молитвенное одѣяніе и читаю молитвы. Я, въ душѣ отрѣшившійся отъ обрядовъ, умываю свои руки передъ ѣдою, въ то время, какъ не вѣрю больше въ омовеніе. Я ношу шапку надъ ермолкой, какъ набожнѣйшій изъ набожныхъ, а въ душѣ я радъ бы ходить съ непокрытой головой и вспоминаю съ удовольствіемъ минуты, когда я сидѣлъ «тамъ» за столомъ безъ шапки въ присутствіи всѣхъ. — А теперь нѣтъ у меня мужества пойти туда еще разъ.

О, народъ мудрецовъ и книжниковъ! Чего хотите вы отъ сыновъ вашихъ? Зачѣмъ навязали вы намъ мысли и убѣжденія, законы и заповѣди? Отчего наложили вы запретъ

на жизнь и на наслажденія жизнью? Одни лишь книги за-вѣщали вы намъ, но книги ваши — могилы для всего живого.

И гнѣвъ и злоба вскипаютъ въ сердцѣ моемъ противъ вождей нашихъ и законодателей, введшихъ народъ въ заблужденіе и отвѣтственныхъ за пустыя вѣрованія.

Наступила ночь передъ днемъ очищенія, и весь народъ отъ мала до велика собрался въ молельнѣ. Закутанные въ молитвенные плащи или бѣлые саваны, съ восковыми свѣчами въ рукахъ, они казались пришельцами съ того свѣта, нечаянно сошедшими на землю; а блѣдныя лица ихъ покрыты небы-валымъ мракомъ. И хочется мнѣ скинуть съ себя молитвен-ное облаченіе и закричать имъ громовымъ голосомъ: про-снись, Израиль!

Весь слѣдующій день я смотрѣлъ на нихъ, какъ на блуж-дающихъ во тьмѣ. Лишь когда наступила заключительная молитва со всѣмъ ея страхомъ и ужасомъ, то и я былъ не-вольно потрясенъ. Дрожь пробѣжала по членамъ всѣхъ при-сутствующихъ, а женщины плачутъ навзрыдъ, какъ будто наступилъ конецъ міру. Все неумолкаемое страданіе Израиля, все безутѣшное горе вѣчнаго странника, — все вдругъ вос-кресло въ сознаніи этихъ людей. И мнѣ вдругъ хочется пла-кать надъ судьбою своею и надъ днями юности моей.

Но трубный звукъ рога пронесся въ послѣдній разъ по молельнѣ, и я опять вернулся къ себѣ.

Проснись, народъ мой! Они читаютъ послѣднюю молитву съ какимъ-то облегченіемъ, какъ будто снято съ нихъ тяже-лое ярмо.

Еще минута, и они прыгаютъ, какъ язычники, передъ луною; еще минута, и они вбиваютъ въ землю колы для кущи; еще минута, и они, поужинавши, уже открываютъ свои лавки.

Разъ навсегда я отказался отъ нихъ и открыто вернулся къ запретнымъ думамъ и книгамъ. Всѣ дни и ночи я провожу за ними. Бывало соберется въ молельнѣ горсточка людей, и я разсказываю имъ, что вынесъ изъ чтенія книгъ.

Опять возобновились бурныя сцены въ семьѣ.

Теща, видя, что сердце дочери ея льнетъ ко мнѣ, старается усмирить гнѣвъ мужа и говоритъ: онъ еще ребенокъ, возмужаетъ и станетъ однимъ изъ нашихъ. «Ребенокъ, — смѣется ей тестъ въ отвѣтъ, — ужъ теперь постыла ему жизнь у насъ, вырастетъ и еще больше отойдетъ отъ насъ»... А однажды, когда мы сидѣли вмѣстѣ въ большой залѣ, онъ ей сказалъ въ моемъ присутствіи и въ присутствіи Басшевы: «видишь ли этого невиннаго ребенка, какъ онъ вѣчно создаетъ планы въ головѣ; запомните слова мои, если онъ въ концѣ концовъ не оставитъ своего народа и родины и не отправится въ дальніе края учиться, то я готовъ голову свою дать въ залогъ».

При словѣ «учиться» страхъ овладѣлъ всѣми нами. Басшева чуть не упала въ обморокъ.

Всю ночь потомъ мнѣ снилась поѣздка въ дальніе края. Вотъ я далеко отъ мрачныхъ улицъ родного города, въ чужой странѣ, говорю чужимъ языкомъ и одѣтъ совсѣмъ иначе. Я сижу на скамьѣ университета и изучаю науки, одни лишь имена которыхъ мнѣ были знакомы до сихъ поръ; а онъ открываютъ мнѣ глаза на міръ и на жизнь, и я становлюсь другимъ человѣкомъ; даже ростъ мой увеличился вдвое. Я двигаюсь въ наукахъ все дальше и дальше, я уже обучаю другихъ, и мнѣ внимаютъ цѣлые народы...

И вотъ я узнаю однажды, что молодая женщина изъ іудейской страны желаетъ видѣть меня. Она приходитъ и припадаетъ къ моимъ стопамъ.

И вдругъ я вспоминаю, что давно, много лѣтъ тому назадъ я оставилъ на родинѣ молодую жену и съ тѣхъ поръ не слыхалъ про нее....

Я проснулся. Ужъ былъ полдень, солнце стояло высоко на небѣ. Въ комнатѣ моей все какъ-то не по прежнему. Постель Басшевы пуста. Она встала и ушла.

Вошла прислуга и говоритъ съ замѣтнымъ стѣсненіемъ: — Ямщикъ уже второй разъ пріѣзжаетъ за бариномъ.

— Какой ящикъ? спрашиваю я въ изумленіи.

— А тотъ, что отвезетъ барина къ ихъ отцу.

— Ладно, я готовъ сейчасъ.

Я быстро одѣлся, умылся и началъ готовиться къ поѣздкѣ, съ мыслью о которой уже успѣлъ свыкнуться за эти нѣсколько минутъ. Я разложилъ на полу полотно и началъ собирать пожитки. Прислуга стояла у двери и видѣла, какъ я на колѣняхъ зашивалъ полотно.

— Баринъ уѣзжаетъ отсюда, а Басшева безъ нихъ жить не можетъ.

— Убирайся, закричалъ я на нее съ гнѣвомъ.

* *
* *

Я еще сидѣлъ надъ узломъ своимъ, какъ опять вошла прислуга и говоритъ:

— Ящикъ уже у воротъ.

Съ плохо скрываемымъ волненіемъ я встаю, надѣваю пальто, повязываю шею платкомъ и выхожу изъ комнаты въ залу.

Тестъ измѣряетъ комнату большими, неровными шагами и весь красенъ отъ злобы. Басшева сидитъ, какъ нѣмая, въ уголку. У меня потемнѣло въ глазахъ. Я подхожу къ старику и протягиваю ему руку на прощаніе, а онъ не отвѣчаетъ ни слова и не беретъ протянутой руки....

И я оставилъ домъ этотъ.....

Два дня спустя я побывалъ у своихъ знакомыхъ съ другой стороны рѣки. Всѣ были рады гостю и ободрили меня въ моихъ планахъ. Все мое прошлое казалось какъ то минувшимъ давно, давно. Впередъ, а не обратно. Лишь въ послѣднюю ночь меня потянуло туда, и я тайкомъ выкрался изъ дому и вступилъ на мостъ. И я бросаю послѣдніе взоры на разстилающееся предо мною мѣстечко. И ненависть пылаетъ въ душѣ моей къ этимъ фарисеямъ,

преградившимъ мнѣ путь жизни моей. А тамъ во тьмѣ осталась живою юная душа, любимая мною. Слезы выступили у меня на глазахъ.

И еще я окидываю взоромъ эти ветхіе дома, содержащіе въ нѣдрахъ своихъ книги, законы и вѣрованія, навѣкъ раздѣлившіе насъ другъ отъ друга.

О, Боже, отомсти, отомсти! Я припалъ лицомъ къ землѣ и зарыдалъ

Еще одинъ шагъ

(Исторія любви)

I

Они слышали уже другъ о другъ еще прежде, чѣмъ были знакомы.

Ея братъ былъ его лучшимъ другомъ. Они были различны по характеру, но, безродные, они сошлись на грезахъ отцовъ. Цѣлый годъ они ежедневно встрѣчались, и онъ, со свойственной ему откровенностью, разсказалъ своему другу все о себѣ и своихъ, и случайно узналъ, что у того красивая сестра.

Разъ они устроили прогулку за городъ. Воздухъ былъ тихъ и ясенъ. Они сидѣли въ садикѣ кофейни на берегу озера и, не уставая, болтали, какъ вдругъ красивая стройная дѣвушка, сидѣвшая насупротивъ, обратила ихъ вниманіе. Оба одновременно посмотрѣли въ ея сторону. Все ея существо дышало какою-то весеннею свѣжестью.

— Эта дѣвушка напоминаетъ мнѣ мою сестру Рахиль.

— У тебя сестра? Эхъ ты, чего же ты до сихъ поръ молчалъ объ этомъ? А знаешь, Рахиль — красивое имя.

Другъ сталъ разсказывать про сестру, какая она дѣльная дѣвушка, какъ она жаждетъ вырваться «оттуда»; онъ прислушивался, а когда они возвращались домой, у него было ясное представленіе о ней. Онъ, мужчина, который не могъ подойти ни къ какой дѣвущкѣ безъ задней мысли: она ли это или не она? онъ, которому все мерещилась женская любовь и женская красота, былъ радъ, что, наконецъ, нашель опредѣленную иллюзію.

Рахиль — хорошее имя. Еще кое-что усиливало эту пріятную иллюзію: ему улыбалась мысль породниться съ дорогимъ другомъ. Ребячество — правда — онъ чувствовалъ это, но ему было пріятно баюкать себя подобными мечтами. И вѣдь какъ разъ на дняхъ другъ пилъ съ нимъ брудершафтъ!

Онъ такъ проникся этой фантазіей, что краснѣлъ, когда другъ опять заговаривалъ о ней. Онъ самъ избѣгалъ этого. И все-таки радовался, когда другъ тоже начиналъ мечтать о томъ, что, будь у него средства, — онъ взялъ бы сестру къ себѣ, и какъ было бы хорошо, еслибъ и она могла уйти «оттуда»!

Да, это было бы прекрасно.

Онъ уже почти не могъ отдѣлаться отъ представленія, что она ужъ пріѣхала. Какъ ему трудно будетъ встрѣтиться съ ней! Онъ предугадывалъ что-то величавое въ ея простотѣ, что-то неприступное; и все-таки онъ станетъ ея другомъ. О, тогда онъ ей все расскажетъ, — онъ изольетъ передъ ней свою душу. Онъ былъ низкаго роста и невзраченъ, онъ долженъ открыть ей свой внутренній міръ.

Но вѣдь ея еще вовсе нѣтъ.

Лѣто подходило къ концу, а душа его жаждала весны, пробужденія.

Онъ дышалъ свободнѣе, когда думалъ о ней. Онъ радъ, что ее зовутъ Рахилью.

Она не была его первой любовью; онъ любилъ и до нея, но большей частью туманно, безъ горизонта.

Стоило ему остаться одному съ собой или бродить въ свѣтлыя ночи по улицамъ, какъ въ немъ пробуждалась тоска любви. И передъ нимъ возставали тогда тѣни блѣдныхъ заблудшихъ созданий, передавшихъ ему свою скорбь.

Но съ ней онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ.

Онъ обрадовался случаю подписаться на общемъ открытомъ письмѣ: «Праведный Гавріилъ».

Этимъ онъ хотѣлъ себя выдать или просто порисоваться — онъ тогда приступилъ къ мистическому произведенію, странной и интимной книгѣ, и онъ зналъ, что она слыхала объ этомъ.

Художникъ по натурѣ, онъ стремился къ неземному. Онъ понималъ святость формъ, и все-таки его тянуло къ красотѣ дисгармоніи.

Его наивность не исключала анализа, и глаза его видѣли часто лишь оборотную сторону медали; спускаясь въ бездну, онъ думалъ, что поднимается.

Другъ упрекалъ его въ безвѣріи. То былъ холодный мечтатель, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣрятъ въ жизнь, потому что жаждутъ ея; у него же была лишь метафизическая потребность жизни; вмѣсто воли — одни стремленія, стремленія ко всему, что недостижимо.

Пробуждаясь порою на разсвѣтѣ, онъ чувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ. Все полно благоговѣйнаго ожиданія утренней зари, а онъ одинъ какъ-бы отвергнуть и исключенъ изъ всеобщаго торжества.

Много прекраснаго встрѣчалось ему на пути, оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, но его онъ не дѣлалъ никогда

Его душа не вѣдала покоя; когда жизнь сама шла ему навстрѣчу, онъ закрывалъ глаза и горевалъ о себѣ, какъ о страдальцѣ; когда все преклонялось передъ нимъ, онъ думалъ: мнѣ пришелъ конецъ.

И при всемъ томъ случалось, что красивое лицо, цвѣтущее дерево, чистое небо и утренній воздухъ возвращали ему то, чего онъ въ сущности никогда не былъ въ состояніи потерять, — охоту и интересъ къ жизни.

Случалось ему выходить вечеромъ послѣ продолжительной работы. Солнце закатывалось громаднымъ багровымъ заревомъ и бросало красный отблескъ на большія церковныя окна; воздухъ былъ свѣжъ и прозраченъ; толпы людей двигались легко и весело; казалось, всѣ ихъ желанія испол-

нялись — они наслаждались жизнью. Тогда и онъ чувствовалъ себя обновленнымъ. Такъ хорошо жить, чувствовать вокругъ себя землю и небо

Онъ всматривался въ лица проходящихъ дѣвушекъ, — такихъ видалъ онъ вчера и третьяго дня; теперь онъ въ каждой видитъ неразъяснимую загадку; а онѣ не вѣдаютъ жизни и глубины ея.

И онъ опять думалъ о Рахили. Ахъ, еслибы она пріѣхала! Вѣдь столько ихъ пріѣзжаетъ изъ всѣхъ странъ, отчего бы и ей не пріѣхать. Вѣдь все на землѣ — дѣло случая, почему же не случится этому?

Конечно, она пріѣдетъ, мечталъ онъ, но вѣдь это такъ далеко, такъ далеко. Страшно бродить такъ въ туманной дали . . . Но развѣ нельзя при этихъ условіяхъ вліять на нее, по крайней мѣрѣ, дать вѣсть о себѣ.

Однажды другъ сказалъ ему: — Ты, кажется, влюбленъ въ луну; знаешь, намъ евреямъ, это не позволительно.

Онъ сердито отвѣтилъ: — Я и хочу освободиться отъ этихъ стѣсненій.

— Ты дитя.

— Да, я былъ имъ; но вы уничтожили во мнѣ ребенка.

— Ну, что ты!

— Да, еврейство стерло съ меня дѣтство, и этого я ему не прощу.

— Ты бредишь.

— Знаешь, не будемъ лучше говорить объ этомъ. Ты этого не понимаешь. Ты — присяжный другъ народа. Я же люблю его и ненавижу его, и баста!

— Я сердитъ на тебя, но сестра шлетъ тебѣ привѣтъ.

— Спасибо.

Такъ она всетаки думала о немъ, она думала о немъ — этого было достаточно.

Она, дѣйствительно, думала о немъ.

Она не отличалась нѣжной красотой, но была своеобразна. Отъ природы ровная и холодная, она не обладала

сильными страстями; она чувствовала лишь невозможность жить одинокой.

По временамъ, въ сумерки, когда она одна оставалась дома, въ ней пробуждалось удивленіе, какъ-бы слабое предчувствіе того, что называютъ жизнью.

Она садилась у окна и смотрѣла на оживленную улицу. Тамъ проходили жизнерадостные люди, цѣликомъ погруженные въ шумъ и волненіе жизни. Только она не раздѣляла ни съ кѣмъ любви, не принадлежала никому. Ей казалось, что весь міръ равнодушенъ къ ней.

Но вотъ явился какой-то проблескъ... Братъ писалъ ей иногда про него... Когда братъ пріѣзжалъ на каникулы домой, онъ рассказывалъ ей про него. Она сказала просто: «Знаешь, твой другъ Гавріиль меня интересуеъ». Братъ заговорилъ о чемъ-то другомъ.

Въ письмахъ къ брату она иногда приписывала слова: «Я не филистеръ и кланяюсь твоему другу», на что Гавріиль скромно отвѣчалъ: — «Благодарю. Хоть и незнакомъ, но расположенъ къ вамъ».

Братъ притворялся, что ничего не замѣчаетъ, и все-таки это еще задушевнѣе связывало друзей.

Друзья строили планы будущаго: имъ рисовалась впереди совмѣстная великая работа: они мечтали о возрожденіи родного народа. Но вскорѣ они принуждены были разойтись.

II

Его другъ отправился на югъ, а онъ — въ Швейцарію. Здѣсь въ немъ что-то проснулось.

Вѣчный сынъ равнины, лучшіе годы свои проведеній надъ гробницами святыхъ книгъ, онъ былъ прямо пораженъ величіемъ открывшейся ему природы.

Его грезы требовали содержанія. Здѣсь только онъ смѣлъ выйти изъ самого себя.

Совершенно новыя чувства стали ему близки и понятны. Онъ приблизился къ природѣ, къ свободѣ.

Тяжела была эта свобода, и онъ одинъ не могъ ея вынести. Сильное чувство одиночества и общей взаимной связи требовало могучей поддержки — женщины.

Его тянуло къ синтезу, а онъ все оставался одинокимъ.

Когда онъ вернулся изъ Швейцаріи, онъ былъ опять безъ опоры и все ожидалъ исцѣлителя.

Онъ терялся въ туманныхъ чувствахъ и грезилъ, самъ въ сущности не зная — о чемъ.

Онъ началъ писать.

Его другъ уѣхалъ домой. Больше года они не видались. Тотъ тосковалъ по немъ и пригласилъ его пріѣхать къ нему на Пасху.

Это ему снова напомнило о существованіи Рахили. Онъ обрадовался воспоминанію. Его потянуло туда.

Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшилъ отвѣтить отказомъ. А на другой день поѣхалъ туда.

Черезъ двадцать четыре часа онъ былъ снова на востокѣ; какъ блудный сынъ, онъ возвращался въ тѣсныя шатры своихъ отцовъ...

Ужъ десять лѣтъ не видалъ онъ ихъ. Ему все казалось такимъ страннымъ, отдаленное стало близкимъ, и все-таки оставалось чуждымъ и далекимъ.

Всѣ, какъ прежде, бредутъ по старому торному пути, влача свои невидимыя ноши. Гнетъ столѣтій виситъ въ воздухѣ, ни одинъ взоръ не обращается къ небесамъ. Какъ это возможно? Какъ это случилось? Онъ радъ, что у него здѣсь близкій человѣкъ.

Было свѣжее лѣтнее утро, когда онъ вошелъ въ домъ своего друга. Всѣ были рады неожиданному гостю.

Онъ былъ застѣнчивъ и тихъ, она все краснѣла и много кокетничала. Онъ былъ безпомощенъ и серьезенъ, она же казалась бойкой и подвижной дѣвицей. Бѣлый передничекъ дѣлалъ ее очень милой.

Она знала, что понравилась ему. И онъ, кажется, понравился ей. Онъ говорилъ просто и откровенно, какъ-бы съ легкимъ оттѣнкомъ необдуманности.

Она же весело, но немного неувѣренно.

Она думала: — Онъ ли это или не онъ? Она мало понимала людей, выдѣлявшихся изъ среды, но ей сказали, что онъ изъ «тѣхъ».

Онъ оглянулся кругомъ.

Одинокое старое дерево глядѣло черезъ окно въ простую, но опрятную комнату.

«Лѣсовъ у насъ тутъ не много», сказала она.

Это ему понравилось.

Черезъ часъ они совершенно сблизились и за завтракомъ уже чувствовали себя какъ-бы братомъ и сестрой. Другъ былъ очень предупредителенъ и внимателенъ. Младшая сестра — худенькое существо съ греческой головкой шутила и разыгрывала изъ себя плутовку. У нея были голубокіе глаза; она думала: — да, это онъ.

Въ тотъ же день онъ познакомился еще съ одной дѣвушкой: другъ представилъ ему свою молодую невѣсту. Это было милое созданіе, овѣянное первымъ дыханіемъ юности.

III

На слѣдующій вечеръ его пригласили къ празднику освобожденія, къ возобновленію тысячелѣтнихъ воспоминаній о выходѣ изъ Египта, о тѣхъ великихъ дняхъ, когда даже «служанки во Израилѣ» зрѣли величіе Бога.

Празднество было скромное. Небольшое помѣщеніе сіяло необыкновенной чистотой: свѣже-выбѣлennыя стѣны, накрытый бѣлою скатертью столъ, свѣтлыя женскія платья сливались въ торжественное настроеніе. Всѣ лица были проникнуты величіемъ далекаго прошлаго. Чувствовалось единство тысячелѣтій, біеніе сердець народа при его послѣднемъ пробужденіи.

Отецъ семейства не придерживался обрядовъ старины, но миръ почивалъ на немъ. Болѣзненная мать, сохранившая слѣды прежней красоты, улыбалась блаженно.

Маленькая гречанка сидѣла, съежившись, какъ дитя; ея черные глаза сіяли чудесно; а старшая накрывала столъ, шутила и разговаривала въ то же время. Въ этотъ вечеръ она казалась иной, чѣмъ всегда; въ ней все какъ бы помолодѣло. Другъ и его невѣста тоже блаженствовали. Они стояли въ углу и пѣли семейную пѣсню вѣчнаго странника, гордую, благочестивую пѣсню, при звукахъ которой бьются изъ рода въ родъ сердца всего Израиля.

Гость сидѣлъ противъ старшей дочери. Ихъ души стремились другъ къ другу

И когда раскрыли дверь съ традиціоннымъ выраженіемъ гнѣва: «Всесильный, излей свою ярость на всѣхъ, кто не вѣдаетъ имени Твоего и отомсти гонителямъ Израиля», — онъ не могъ присоединиться къ этому гнѣву, — душа его желала мира съ Богомъ, и съ людьми, и съ собой

Дѣвушки сидѣли и, не понимая, глядѣли въ раскрытыя двери.

Стало поздно.

На прощаніе старшая робко протянула ему руку: «До свиданія! Приходите!»

Дома были погружены въ мракъ; старая церковь стояла какъ надгробный камень.

Онъ обогнулъ боковую улицу и пошелъ черезъ еврейскій кварталъ, черезъ узкія, тѣсныя улицы. — Сквозь окна можно было видѣть отцовъ, сидѣвшихъ еще въ бѣлыхъ саванахъ и пѣвшихъ «Пѣснь Пѣсенъ».

Маленькая молельня въ нижнемъ этажѣ привлекла его вниманіе. «Вѣчный огонь» скудно освѣщалъ помѣщеніе. Скамьи, алтарь и ковчегъ завѣта казались закутанными живыми существами. Чаша, наполненная горячими угольями, стояла на столѣ, «дабы мертвые омывали въ нихъ свои

руки». Нѣсколько молитвенниковъ было раскрыто. Казалось, слышалась молитва мертвецовъ.

Непонятный страхъ овладѣлъ имъ; ему стало тяжело. Онъ пошелъ немного дальше и сѣлъ, усталый, на ступени каменной лѣстницы стараго бетъ-гамидраша.

Ему хотѣлось плакать; онъ не могъ преодолѣть своего волненія.

Воспоминанія юности нахлынули на него: вся прежняя жизнь его, прожитая въ страхѣ Божьемъ, смерть матери, разлука съ женой....

Полтора десятка лѣтъ тому назадъ они праздновали свою свадьбу. Ему было пятнадцать лѣтъ, и какъ любилъ онъ свою царицу — это бѣлокурое дитя.

Святая, первая любовь.... а затѣмъ.... потерянный рай, его отступничество... проклятіе отца.....

Побѣдителемъ вышелъ онъ «оттуда». Ничто не удержало его: ни любовь жены, ни отчаяніе отца, ни страданія умирающей матери. — Онъ расторгъ всѣ узы семьи и народа и пустился въ путь къ далекой цѣли; оторванный отъ всего міра, онъ блуждалъ отъ одного народа къ другому. Какъ онъ боролся съ самимъ собою и съ тяжелыми внѣшними условіями, чего онъ только не искалъ, не впиталъ въ себя; какъ онъ хотѣлъ добраться до корня всѣхъ вещей, какъ онъ стремился къ свободѣ. — И чего онъ достигъ? — Ничего. — Все, что онъ кинулъ, жило дальше въ томъ же оцѣпенѣніи, а онъ остался чужимъ всему и самому себѣ.

Всѣ достоянія человѣчества, вся жажда прекраснаго, вся борьба и стремленіе къ великому, — все разсѣялось предъ дыханіемъ родины, передъ этой скорбью столѣтій. Тутъ дремлютъ онѣ, эти полныя ужаса души, тутъ грезится имъ мечта освобожденія, которое принесетъ имъ мощная длань Всевышняго.

И въ то время, какъ онъ сидитъ тутъ на камнѣ, его жена, быть можетъ, думаетъ о немъ. Ея сердце облива-

лось кровью при мысли о разлукѣ съ нимъ, но Богъ отцовъ, Богъ Израиля, хотѣлъ этого.

И онъ уже больше не думалъ о ней, — послѣдніе годы стерли о ней воспоминанія, а онъ любилъ, прожигалъ жизнь, лгалъ и будетъ дальше лгать. . . .

Ему слѣдовало бы бѣжать отъ себя самого, отъ всего и помириться со своими, — преклониться передъ останками своего народа и вернуться обратно — можетъ быть, тамъ кто-нибудь еще ждетъ его?

IV

Какъ лунатикъ, онъ дотащился до гостиницы.

Онъ поздно проснулся, не помнилъ ничего, — ему только хотѣлось пойти туда. Но было неловко, — слишкомъ рано. Все-таки онъ пошелъ, не снялъ пальто; только на минуту, онъ хотѣлъ спросить кое-что. Сестры убѣждали, чтобы не показаться неодѣтыми. Мать сказала: Какъ вы поживаете? Онъ былъ очень смущенъ и поспѣшно ушелъ.

При уходѣ онъ упрекалъ себя и рѣшилъ не показываться дня два, но въ тотъ же день пришелъ опять, чтобы вмѣстѣ съ дѣвушками пойти осматривать городъ.

Онъ чувствовалъ себя хорошо съ ней.

Магазины большей частью были закрыты. Еврейское населеніе высыпало на улицу. Никогда онъ не видѣлъ такого множества красивыхъ лицъ, особенно хороши были волосы, прекрасные, восточные волосы.

Разговоръ былъ то оживленнымъ, то прерывался, — говорили, рассказывали, молчали.

Никто не принуждалъ себя.

Маленькая гречанка сошлась съ нимъ ближе, — но она понимала, что не она предметъ его вниманія.

Минутами онъ говорилъ о своемъ страданіи и охотно затрагивалъ свое бурное прошлое, но тотчасъ же переходилъ къ чему-нибудь другому.

Онъ думалъ: Что извѣстно вамъ обо мнѣ?

У меня нѣтъ ничего, но я богатъ и могу любить, какъ никто другой; о, я могу дать многое! Когда разговаривали о жизни, онъ уклонялся въ сторону.

Онъ думалъ: женщина — нѣчто сложное.

Она же думала: мужчина — нѣчто простое.

Такъ они то сближались, то отдалялись другъ отъ друга.

И иногда онъ себя чувствовалъ такъ, какъ въ сумрачное утро, когда стоишь передъ началомъ жизни...

Ему хотѣлось проникнуть въ ея душу. Ея прямота дѣйствовала на него успокоительно, но его чувству не хватало силы и рѣшительности.

И всетаки его постепенно все сильнѣе и сильнѣе тянуло къ ней.

Онъ чувствовалъ симпатію, онъ чувствовалъ, какъ онъ перемѣнитъ все въ ней, какъ онъ долженъ былъ бы это сдѣлать.

Сказать ли ей это все или опять уйти отсюда, чтобы потомъ жалѣть о покинутомъ? Однажды они ходили по отдаленному большому парку. Былъ чудный вечеръ, раннимъ лѣтомъ. Полузаснувшія деревья стояли, полныя тишины и покоя. Все стояло какъ-бы передъ тайной, со спокойствіемъ ждало чуда.

Онъ былъ возбужденъ и чувствовалъ себя приподнятымъ; говорилъ отрывисто, а потомъ не могъ совсѣмъ говорить. Онъ видѣлъ передъ собою жизнь, определенную жизнь.

И она молчала. Она казалась взволнованной, но чувствовала себя при этомъ такъ хорошо.

— Сядемъ....

Въ глубинѣ его души все шумѣло и покрылось туманомъ. Ему казалось, будто въ немъ что-то кричитъ, будто жизнь зоветъ его. — Да, такъ свершается все, такъ свершаются событія.

Онъ взялъ ея мягкую руку и, молча, глядѣлъ передъ собою. Какъ бы благословеніе снизошло на него. Онъ не могъ долѣе сдержаться, весна побѣдила.

Все, все прояснилось. Въ немъ проснулась воля, и на его губахъ уже шевелилось: соединимъ нашу жизнь...

Его душа раскрылась для признанія, но онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: намъ пора.

Въ тотъ же день онъ уѣхалъ.

Ему было такъ тяжело.

Грустно сказалъ онъ: «спасибо», на что она тихо отвѣтила: «думайте о насъ».

Съ ея родными онъ попрощался очень сердечно. Когда мать протянула ему руку, у него навернулись слезы на глазахъ. Видно было, что онъ съ трудомъ владѣлъ собой.

— Прощайте!

— Прощайте!

— До свиданія!

Другъ и его невѣста были на вокзалѣ. Бѣлые платки еще долго развѣвались вслѣдъ въ тяжеломъ мрачномъ воздухѣ. Поѣздъ быстро помчался.

Во время поѣздки онъ не думалъ ни о чемъ, онъ былъ совершенно апатиченъ. Его поразило, что онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ; обыкновенно онъ болталъ безъ разбору со своими спутниками.

V

На слѣдующее утро онъ остановился въ главномъ городѣ Силезіи. Много лѣтъ тому назадъ у него была тамъ дѣвушка, которой онъ увлекался. Онъ купилъ цвѣты и на всякій случай зашелъ туда. Всѣ были изумлены и обрадовались неожиданному посѣщенію. Мать сказала, что ей это даже вчера приснилось. Блѣдная дѣвушка молчала все время.

Онъ попрощался и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней спустя онъ былъ опять прежнимъ, старымъ студентомъ въ столицѣ Германіи.

Собственно эта жизнь ему уже прискучила. Старый образъ жизни ему больше не нравился. Онъ злился на себя и на другихъ, ему чего-то не хватало . . .

Черезъ недѣлю онъ послалъ сестрамъ свою карточку. Онъ получилъ въ отвѣтъ короткое милое письмо.

«Мнѣ пріятно вамъ льстить», отвѣтилъ онъ, «и я хочу вамъ высказать, чѣмъ я больше всего въ васъ восхищаюсь: вашимъ стилемъ».

Она писала короткими предложеніями, съ нѣкоторой простотой, какъ бы отчеканивая каждую фразу. Замѣтно было нѣкоторое однообразіе, но всетаки стиль былъ красивъ, пріятенъ. — И у него былъ свой слогъ. Онъ писалъ съ афористической краткостью; обороты рѣчи текли и спотыкались попеременно; за мягкимъ экстазомъ слѣдовала дикая риторика. Онъ, казалось, все высказывалъ, и все таки оставались недомолвки.

Иногда встрѣчалось и чистое изліяніе. Это бывали моменты самообнаженія, исповѣди. Онъ испытывалъ чувство человѣка, который долженъ себѣ хоть разъ сказать правду. Только одно его удивляло, что онъ и высказалъ ей откровенно въ письмѣ: «Я не понимаю, почему все это я именно вамъ говорю».

Она же знала это.

Его тонъ не сбивалъ ея. Если онъ бывалъ дружественъ, она какъ-бы не замѣчала; если онъ былъ огорченъ и сдержанъ, она писала: «Стремитесь постоянно впередъ, и вы отыщете уголокъ, гдѣ будете, какъ у себя дома».

Оба придерживались нѣкоторой аккуратности. Письмо слѣдовало за письмомъ; когда она пропускала, пропускалъ и онъ. Она сердилась и называла его филистеромъ. Онъ не обращалъ на это вниманія; онъ хотѣлъ только от- вѣ ч а т ь.

Это ему самому не нравилось; такъ онъ не поступалъ до сихъ поръ никогда. — Онъ радовался каждому письму

и все-таки при этомъ ощущалъ нѣчто вродѣ стѣсненія, не совсѣмъ яснаго для него самого.

И она постепенно становилась нетерпѣливѣе. Она спрашивала: «Вѣрите ли вы въ жизнь? Что такое жизнь? Гдѣ истина?»

Съ ранней юности я испытываю страхъ передъ жизнью, этому люди научили меня.

Довольно съ меня.

Вы меня обзываете духомъ сомнѣнія, несвоевременнымъ трагикомъ.

Такой я не была никогда, я только теперь ею стала.

Вы еще способны надѣяться, для меня же завтрашній день все равно, что сегодняшній, — а вы приходите и называете меня «солнцемъ»! — Сладости я еще до сихъ поръ хорошо перевариваю, но на самомъ ли дѣлѣ это правда?

Въ другой разъ: — «Я ненавижу всякую половинчатость. Полная мѣра или пустой кубокъ, а жизнь такъ половинчата.

Философъ вашего покроя подумаетъ на это: что мнѣ за дѣло до этого?

Но мнѣ отъ этого тяжело. Все это сдѣлало меня нѣмой. Только слушать я еще могу».

На это онъ отвѣчалъ: «Это и меня касается.

Если я васъ дразнилъ солнцемъ, то думалъ при этомъ о солнцѣ изъ мрамора. А я почитаю мраморъ.

Вы вѣдь знаете, я думалъ о томъ, чтобы стать скульпторомъ, но у меня не было духу взяться за жизнь. Тогда я былъ безбоженъ по отношенію къ жизни. Теперь это иначе . . .

Ахъ, какъ мнѣ необходимо опьяненіе души, лучъ любви, — и въ то же время я жадно ишу одиночества. Я бы могъ, какъ отшельникъ, освятить свою жизнь, чтобы отъ самаго священнаго опять впасть въ грѣхъ, — потому что и грѣшникамъ и святымъ я одинаково преданъ, потому что мнѣ и то и другое нужно.

Оттого, что я всюду проникъ взглядомъ, моя воля лишилась корней. Единственное, что меня еще влечетъ къ дѣятельности, — это мое еврейство. И всетаки я долженъ сознаться, что и его я порою проклинаю, я бы навѣки хотѣлъ быть подальше отъ всякой традиціи

Зачѣмъ я вамъ объ этомъ рассказываю?

Въ другой разъ онъ писалъ: я хочу быть еще искреннѣе. Міровая скорбь къ вамъ не подходитъ; для этого въ васъ слишкомъ много покоя-солнца!

Я осмѣливаюсь итти еще дальше. У васъ нѣтъ даже дара страданія. Вамъ даже его не нужно. Сильная скорбь — оборотная сторона событій, міръ въ его обратномъ отраженіи; вы же женщины носите въ себѣ самихъ міръ.

Иной разъ, думая, что она его понимаетъ, онъ писалъ: Ради Бога, не спрашивайте меня, чего я хочу, что я дѣлаю. Тоска моя переросла меня, — много я ужъ не сумѣю сдѣлать. Все во мнѣ мятется, все во мнѣ томится по красотѣ. И при всемъ томъ, — это только безсильная боль, изъѣденная воля.

Я сказалъ вамъ разъ о еврействѣ своемъ, но и это — одно только страданіе, беспомощное чувство мести.

Да, я хотѣлъ бы мстить всѣмъ за все, что въ насъ загублено.

Конечно, вы желаете мнѣ добра. У васъ чуткій слухъ, вы мнѣ настоящій другъ, и когда я о васъ думаю, я долженъ думать о живомъ мраморѣ. Въ немъ греки воплотили свой великій міръ, у насъ его никогда не было.

И еще разъ онъ писалъ: Милая Рахиль! Вы говорите о томъ, чтобы пристроиться. Да гдѣ же мнѣ помѣститься? Куда я гожусь? Я не гражданинъ современнаго міра. Я явился слишкомъ поздно. Римляниномъ, грекомъ, языческимъ евреемъ, даже варваромъ я бы себя чувствовалъ лучше. Въ античной тогѣ я бы могъ возвѣститъ человечеству новую религію, сказать имъ нѣчто ужасное, не преду-

гаданное; и вѣрьте мнѣ, я чувствую, что я бы тогда имъ могъ сказать.

На арфѣ я бы хотѣлъ излить свою душу, гдѣ-нибудь на отдаленномъ склонѣ горы, въ сумерки, на берегу озера, тамъ я хотѣлъ бы извлечь послѣдніе стоны изъ глубины, изъ высоты, изъ всего моего смертнаго существа.

И затѣмъ я буду отдыхать въ вѣчномъ молчаніи, пока и міру придетъ конецъ.

Да, пристроиться

VI

Такія тирады онъ ей писалъ очень часто. Онѣ были искренни, исходили изъ его измученной души и, всетаки ему самому казались странными. Въ сущности, онъ все не хотѣлъ этого; и хотя его внутри давили, мучили эти мысли, но зачѣмъ ей говорить о нихъ и такъ говорить?

Онъ зналъ, что ей не этого нужно, что съ ней надо бы говорить другимъ тономъ. И, несмотря на то, онъ все возвращался къ такимъ іереміадамъ. Онъ не могъ говорить иначе.

Кое-что она понимала, но, въ общемъ, дѣло ей было не совсѣмъ ясно. Она думала: есть прямая и извилистая дороги, это не то и не другое. Она чувствовала что-то особенное въ этихъ мысляхъ, но ей было немного жутко. Иногда она становилась недовѣрчивой: настоящая жизнь должна была бы быть проще, тутъ не многого ищутъ вокругъ, — но въ немъ она чувствовала нѣчто *своеобразное*.

И она ждала напряженно.

Ей нравился возвышенный тонъ, она чувствовала себя польщенной и избранной, все это причиняло ей, однако, нѣкоторое стѣсненіе и беспокойство.

Какъ понимать это? — О себѣ она совершенно не думала, себя она совершенно не принимала въ расчетъ, она ждала.

Иногда она доходила до взрыва: почему онъ молчить? Отчего онъ ее мучаетъ этими высокими словами? Кто онъ? Чего онъ хочетъ? Чего онъ хочетъ отъ нея? Правда, онъ богатая натура, но это богатство, котораго ни съ кѣмъ нельзя раздѣлить. А что если бы онъ вдругъ появился передъ нею, онъ самъ, авторъ этихъ писемъ.

Она ощущала вдругъ симпатію къ нему; она уже видѣла, какъ все, благодаря ему, принимаетъ иную окраску.

Она писала ласково и сердечно. Въ ея словахъ слышалось дружеское участіе озабоченной сестры... А ему было отъ этого хорошо, бесконечно хорошо...

Одинокій, онъ не могъ противостоять этой мягкой силѣ. Онъ держался ея крѣпко, сжился съ ней.

Молодая, очень красивая дама, у которой онъ бывалъ, замѣтила его разсѣянность. Ея сестра, лукавая бѣлокурая шалунья, всегда шутила надъ нимъ, замѣчая, какъ онъ внимательно прислушивается къ ея игрѣ. «Вы что-то подозрительно музыкальны».

Если онъ шутилъ съ задорною дочерью своей хозяйки, у него бывали угрызенія совѣсти. Ему было совѣстно въ такой день получать письмо отъ Рахили.

Пріѣзжій знакомый съ молодой дочерью, которымъ онъ показывалъ достопримѣчательности города, внесли немного разнообразія въ его жизнь.

Это была красивая дѣвушка съ прекрасными рыжими волосами, навѣявшими на него дивныя думы.

Онъ думалъ: собственно, вѣдь можно было бы сблизиться и съ другой. Что въ томъ: открыться ли той или другой душѣ? Было бы прекрасно, если бы любовь была неминуемымъ рокомъ, если бы всякая душа *должна* была найти родственную душу. На самомъ же дѣлѣ — все одинъ только случай. Одна становится необходимой, когда ею могла бы быть и другая.

Онъ тогда читаль много о метафизикѣ любви. Онъ изучаль великихъ поэтовъ, какъ знатоковъ этого предмета, и ничто не могло освободить его отъ раздумья.

Наконецъ, онъ всетаки убѣдился, что любить Рахиль. Уже раньше онъ чувствовалъ это, но ясная формула опьянила его, оживила его радостью жизни. Онъ чувствовалъ себя приполнятымъ хотя и несвободнымъ. — Онъ былъ радъ, наконецъ, оказаться однимъ изъ имущихъ, и все таки это имущество его тяготило.

Онъ думаль втихомолку: всѣ имущіе — рабы.

VII

Такъ сидѣль онъ постоянно въ своей маленькой комнаткѣ и грезилъ.

Для него наступили тяжелыя времена. Ученіе подходило къ концу, а впереди не было ничего опредѣленнаго, никакихъ видовъ.

Онъ всѣми фибрами души сопротивлялся практическому взгляду на вещи, а былъ между тѣмъ матеріально очень стѣсненъ. Онъ былъ настоящимъ пролетаріемъ, хотя и не допускалъ подобнаго представленія о себѣ. Но это не заглушало по временамъ горькаго чувства униженія за невозможность жить подобно другимъ. Однимъ лишь презрѣніемъ и чувствомъ удовлетворенія, что онъ выше всякаго наслажденія, онъ не могъ больше довольствоваться. Онъ хотѣль жить буйно и безшабашно.

Пылъ жизни, подавленный въ гетто, пробуждался по временамъ со всей силой скованнаго невольника. Это была жажда наслажденія, тоска любви, погоня за чѣмъ-то неиспытаннымъ раньше. И при всемъ томъ онъ мечталъ объ аскетизмѣ.

Онъ цѣплялся за сверхъестественныя начала въ то время, какъ жизнь принижала его къ землѣ. Онъ чувствовалъ себя эллиномъ, въ то время, какъ былъ душой и тѣломъ іудей.

И какъ ненавидѣлъ онъ эту раздвоенность, какъ онъ проклиналъ себя, какъ онъ старался напряженіемъ воли все объединить въ себѣ, выдержать въ одномъ какомъ-нибудь направленіи и превратить жизнь въ художественное произведеніе: быть цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ!

И всетаки онъ и дня не могъ выдержать этого образа жизни: онъ чувствовалъ себя черезчуръ стѣсненнымъ... При первомъ удобномъ случаѣ онъ опять спустился до себя. Онъ былъ общителенъ и необдуманъ, онъ былъ склоненъ открываться всякому, несмотря на честное намѣреніе все носить въ себѣ.

Онъ не могъ поставить себя выше своего прошлаго, хотя душою уже сталъ другимъ.

Ахъ, если бы у него хватило духу сразу покончить со всѣмъ и искать счастья гдѣ-нибудь въ Японіи, въ Южной Америкѣ или въ Африкѣ, тамъ начать жизнь, жизнь на лонѣ чистой природы.

При этихъ фантазіяхъ онъ успокаивался и мысленно уже ощущалъ тихое наслажденіе дикой природой.

Тогда же дошла до него вѣсть о броженіи въ лагерѣ молодого Израиля и захватила его съ новой силой и съ новой страстью. Онъ вдругъ почувствовалъ, что стремленія его народа вспыхиваютъ и въ немъ. Прочь все! Тамъ ему мѣсто, въ первыхъ рядахъ борцовъ за свободу. Дать просторъ вѣковому страданію, возопить и всколыхнуть сердца всѣхъ евреевъ. А онъ, знаменосецъ, былъ нищимъ — да, нищимъ.

Онъ не питалъ никакихъ надеждъ, не видѣлъ никакого исхода, по крайней мѣрѣ, никакого честнаго исхода.

А что, еслибы онъ сталъ нечестнымъ, цѣли ради? Отчего нѣтъ у него духу пользоваться всѣми средствами безъ разбору, чтобы завоевать себѣ общественное положеніе. Вотъ жениться бы на богатой сиротѣ, ищущей мужа безъ предразсудковъ.

Такихъ минутъ отчаянія у него было немного, но онѣ случались. Онъ зналъ, что никогда не измѣнитъ себѣ, что никогда не наложить на себя рукъ. Но ужъ одна только мысль, одна возможность паденія мучили его.

Какъ понималъ онъ все, какъ хорошо онъ видѣлъ все то, что могъ дать людямъ; и при всемъ томъ, какъ презиралъ онъ ихъ, какъ хотѣлъ онъ все разрушить. Онъ, слабый и изнеможенный, таилъ въ себѣ чувство мести, смутное и неопредѣленное, но освященное вѣками.

Эта ужъ была боль, не одно лишь чувство мести. Онъ не могъ ея выдержать дольше.

Почему онъ отрекался отъ счастья? Почему онъ повсюду искалъ, когда жизнь была вблизи его. — Знаніе, красота, чистота, — за все онъ платилъ своею жизнью, тѣмъ, что стоитъ выше всего.

VIII

Подъ вліяніемъ такихъ разнородныхъ настроеній онъ писалъ ей; весь, какъ въ жару, съ страданіемъ въ душѣ. Никогда онъ не писалъ, чего онъ хочетъ, чего хочетъ отъ нея. Въ письмѣ было больше міровоззрѣнія, чѣмъ желаній, но изъ глубины слышалось тихое рыданіе, внутренняя мольба: любимъ ли я?

Часто онъ чувствовалъ увѣренность. Онъ зналъ, что она къ нему расположена, но не вѣрилъ, что это чувство *личное*.

Онъ, видѣвшій всегда въ вещахъ больше, чѣмъ нужно, принимавшій дружескій взглядъ за чистое золото любви, не могъ на сей разъ отдѣлаться отъ анализа.

Онъ думалъ: любить ли она меня, т. е. *меня*, мужчину? Необходимо ли ей любить меня *одного*?

Онъ опять читалъ ея письма, комментировалъ каждое слово, читалъ между строками. Что-то, правда, вѣяло надъ ними, какъ дыханіе любви, но всетаки откуда эта неуверенность?

Онъ думалъ: При каждомъ актѣ воли главный тонъ побѣждаетъ всегда другіе сопровождающіе тона, какъ разъ противоположные. Желать исключительно одного мы не способны, такъ какъ никто изъ насъ уже теперь не цѣлѣнъ, но всетаки долженъ быть одинъ рѣшающій тонъ, достаточно сильный, чтобы заставить замолчать противоположные. Кто ему можетъ сказать, какой главный тонъ царить въ ея душѣ?

И если чувство покорило ея сомнѣнія, достаточно ли этого для вѣчнаго союза? Развѣ каждое, хотя и однократное движеніе души въ противоположную сторону не является несмыслимымъ пятномъ? Можно ли обнимать женщину, которая и другому могла бы быть тѣмъ же? Развѣ это не насмѣшка — привязаться къ этой одной душой и тѣломъ, дѣлить съ ней все то, что точно также можно было бы дѣлить съ другой?

Одному другу, который кое-что зналъ объ этомъ, и который его уговаривалъ, онъ писалъ: Я не вѣрую ни въ единого Бога, ни въ единую возлюбленную.

Я не хочу оскорблять твоихъ чувствъ, ты вѣдь женатъ. Твоя жена очень мила, и вы всей душой привязаны другъ къ другу. И всетаки ты хорошо знаешь, что по временамъ она чужда тебѣ, и ты вдругъ чувствуешь себя далеко, такъ далеко, какъ будто не знаешь ничего больше про нее, въ то время, когда она, ничего не подозревая, бросается тебѣ на шею: О, мой милый, — говоритъ она. Съ нѣкоторой грустью ты проводишь тогда рукой по ея мягкимъ волосамъ. Неужели и мнѣ подвергнуть себя этой лжи?

Въ сущности, это было чистой безсмыслицей, — онъ это понималъ и не могъ отослать письма: жизнь была глубже и чище. Онъ чувствовалъ, что все томится и ищетъ мира, любви, тѣхъ чистыхъ мгновений, когда душа сближается съ тѣломъ, когда преходящее исчезаетъ въ вѣчности.

Онъ чувствовалъ также, что это послѣднее событіе въ его сердечной жизни, *что она ему нужна*, — и всетаки не

могъ совершенно побѣдить въ себѣ рефлексіи. Въ концѣ концовъ, онъ боялся, что любящая женщина лишитъ его, можетъ быть, самого дорогого — вѣчнаго томленія...

IX

Она не могла понять его. Въ своей цѣльности она не понимала раздвоенной души. Она никогда не представляла себѣ, что люди мечтательные, такъ легкомысленно относящіеся къ жизни, въ сущности до того осторожны... Она ничего не знала объ оборотной сторонѣ медали.

То, что она испытывала, была извѣстнаго рода тяжесть; да, все это прекрасно, но почему это не проще? И если это совсѣмъ не приведетъ къ союзу? Мысль эта причиняла ей боль, сильную боль, но это не былъ ужасъ, отъ котораго холодѣютъ члены.

Въ сущности, ей было все равно. Міръ въ ея глазахъ былъ простъ. Что намъ синее небо, если оно остается неза-селеннымъ?..

Ей совсѣмъ не хотѣлось многого; она хотѣла быть одной изъ людей отъ міра сего.

Ей казалось, что она видитъ страсть въ его внутренней борьбѣ, самую любовь въ его желаніи любить. Иногда его слова дѣйствовали на нее возвышающимъ и освобождающимъ образомъ, но она постепенно уставала; ей хотѣлось почвы, скромнаго земного спокойствія.

Подвечеръ она выходила гулять на песчаную гору, на террасовидный холмъ, съ высоты котораго можно было видѣть большую часть города. Все плыло въ тихомъ солнечномъ закатѣ.

Здѣсь она вдыхала свободный воздухъ, когда чувствовала себя подавленной. Она размышляла и шла на судъ съ собой и со всѣмъ міромъ. Она чувствовала улетающую юность свою и думала: отчего онъ ее такъ долго мучаетъ? Чего онъ хочетъ отъ нея?

Вотъ сегодня пришло тоже письмо отъ него, длинное письмо, которое говоритъ много и ничего. Вѣчно слова да письма, а жить-то когда?

Разъ утромъ, когда она гостила дома, пришла младшая сестра и присѣла на край ея кровати. Она обняла руками молодую мягкую головку и поцѣловала ее.

— Сестра, что съ тобой? — сказала та, поднявъ голову — какъ ты выглядишь?

— Да, когда я пріѣзжаю къ вамъ, мнѣ такъ страшно... я чувствую себя стѣсненной. Чего хотятъ отъ меня? Мама добра, но мнѣ страшно. Ты малый, глупый птенчикъ, ты ничего не понимаешь.

— Ахъ, перестань, я страдаю, какъ и ты, только ты должна быть откровеннѣе со мной, еще ни разу ты не говорила со мной, какъ съ сестрой.

— Да, мнѣ всѣ кажутся такими глухими. Каждый день я встрѣчаюсь съ людьми и всегда ухожу одинокой. Никогда я не встрѣтила довѣрчивости. Нѣтъ, ты этого не понимаешь.

— Больше, чѣмъ ты думаешь, — отвѣтила сестра немного обиженно.

— Пожалуй, только ты все-таки дитя. Можетъ быть, это еще придетъ. Да хранить тебя Господь.

— Чего ты хочешь?

— Оставь меня. Подыми шторы.

— Пойдешь сегодня въ кружокъ?

— Нѣтъ.

— Ты бы все-таки пошла. Сегодня тамъ очень интересное чтеніе: о нашихъ національных идеалахъ.

— Оставь меня въ покоѣ съ вашими національными идеалами.

— Дѣти, — слышался голосъ матери, — вставайте. Уже поздно. Скоро придетъ отецъ и съ нимъ гость.

— Мама, — крикнула Рахиль испуганно, — я не хочу видѣть этого человѣка.

— Но, дитя мое, чего же ты хочешь?

— Я не позволю вести себя на рынокъ, если даже дой-
детъ до крайностей.

— Не волнуйся такъ, ты знаешь, что ты сама себѣ
госпожа, а мы желаемъ тебѣ только добра.

— Я знаю только, что вы зовете меня домой, чтобы
сбыть меня этому человѣку.

— Ты жестока, Рахиль.

— Можетъ быть, но я не могу . . .

— Не могу, не могу. Когда-нибудь это же должно слу-
читься.

— Сегодня нѣтъ.

— И завтра тоже нѣтъ! Ахъ, Господи, что приходится
выстрадать изъ-за дѣтей.

— Мама, не омрачай мнѣ тѣхъ нѣсколькихъ дней, что
я провожу у васъ.

— Знаешь, вырвалось у огорченной матери, — тотъ
черномазый тебѣ три года морочилъ голову, а теперь этотъ,
съ длинными письмами . . .

— Я заклинаю тебя, не говори больше объ этомъ, я
не хочу, не хочу.

Раздался звонокъ, и мать удалилась; испуганная дѣ-
вочка также скрылась.

— Ахъ, Господи, чего хотятъ отъ меня!

Она заплакала.

Она наскоро одѣлась, накинула бѣлую шаль на голову
и сошла внизъ.

— Не ждите меня къ обѣду: — я не приду.

Какъ угодно, — отвѣчала сердито мать.

Она вышла.

Душный воздухъ, торговый шумъ, палящее солнце сто-
ить высоко надъ искривленными, старыми, узкими улицами.
Лавки за лавками, слѣпая выставочная окна за окнами. По-
всюду тѣ же самыя старыя вещи, тѣ же самыя изможденные
еврейскія фигуры, въ старыхъ широкихъ одеждахъ, исто-
щенные женщины съ грязными головными покрывалами и

обтрепанныя молодыя дѣвушки съ красивыми черными волосами и черными глубокими глазами. И всѣ торгуютъ съ какимъ-то отчаяніемъ и готовы отдать жизнь за каждый заработокъ, и всѣ они связаны между собой, ихъ дикіе глаза говорятъ о томъ же томленіи. И такъ стоятъ они и сегодня, и вчера, и третьяго дня, годы, десятилѣтія, столѣтія . . .

Она видѣла это не въ первый разъ, и все-таки, — какъ чудно и странно это показалось . . . Она должна была учить дѣтей этихъ родителей; учить ихъ чужому языку и чужой исторіи. Быть можетъ, это было доброе дѣло вытащить молодежь изъ этой духоты. Быть можетъ, было бы лучше, еслибы и она осталась съ ними, но вотъ она должна опять идти въ эту душную атмосферу торгашества.

Одинъ только онъ могъ бы ее освободить, могъ бы показать ей далекіе горизонты. Но почему же онъ медлитъ? Отчего же умѣлъ онъ такъ красиво говорить и о самомъ важномъ молчать? Любилъ ли онъ ее? Нужна ли она ему? Она устала, устала.

Что ей дѣлать? За что взяться? Дѣйствительно ли онъ такъ наивенъ? Нужно ли яснѣе сказать ему это?

Она шла дальше. Теперь она очутилась въ тихомъ польскомъ кварталѣ, съ его скромными виллами; другой міръ рядомъ съ тѣмъ. Развѣ не могли бы и они жить здѣсь вдвоемъ въ этомъ тихомъ замкѣ, окруженномъ садомъ? Жить съ нимъ вмѣстѣ, съ его широкими планами, — кое-что и она могла-бы понять.

Дальше. Ноги не идутъ дальше. Маленькая кондиторская вблизи манила ее. Она вошла и велѣла подать кофе.

Втеченіе нѣсколькихъ недѣль она ему не писала. Она попросила бумагу и перо и написала очень кратко:

«Милый другъ! Письмо получено. Много есть, что сказать. Ужъ нѣсколько недѣль мнѣ все не удавалось. При-знаюсь, я не хотѣла вамъ писать, теперъ же я хочу. Я всего нѣсколько дней у своихъ. Боюсь, что меня ведутъ на ры-

нокъ. Праведникъ вашего закала сказалъ бы: развѣ это меня касается? Будьте здоровы.

Ваша Рахиль».

Она заплатила за кофе и ушла, а письмо бросила въ первый попавшійся почтовый ящикъ. На другой день она была уже снова въ своемъ училищѣ, въ маленькомъ городкѣ.

Х

Воскресное утро. Въ это время обыкновенно приходили ея письма. Но вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ ихъ не было. Онъ ждалъ, не хотѣлъ писать два раза подъ рядъ, писать раньше, чѣмъ придетъ отвѣтъ; онъ вѣдь постоянно только отвѣчалъ. Но этотъ разъ онъ сталъ очень нетерпѣливъ, и недѣлю тому назадъ написалъ ей еще разъ . . . Тихій голосъ нашептывалъ ему, что изъ этого ничего не выйдетъ; можетъ быть, лучше, что все затихаетъ; но онъ все-таки писалъ и ожидалъ съ увѣренностью отвѣта. Если только ничего не случилось. Глупости. Она, навѣрно, писала, и сегодня письмо придетъ, какъ всегда.

Первая почта обыкновенно приходитъ въ 8 часовъ.

Онъ проснулся уже въ семь. Еще цѣлый часъ; почему это его такъ рано разбудили? Онъ считалъ минуты; взялъ книгу въ руки, чтобы развлечься, потомъ журналъ; онъ прислушивался къ каждому шороху на лѣстницѣ. Четверть девятого, — не опоздалъ ли почтальонъ? По воскресеньямъ у нихъ много работы. Можетъ быть, онъ бросилъ письмо въ дверную щель, не позвонивъ? Онъ вскочилъ и постучался въ дверь, ведущую въ переднюю.

— Что вамъ угодно? спросила хозяйка.

— Прошу васъ посмотрѣть, нѣтъ ли для меня письма?

— Нѣтъ, сегодня нѣтъ любовнаго письмеца, — послышался отвѣтъ, сопровождаемый звонкимъ смѣхомъ.

— Клара, не раздражай господина доктора.

Онъ снова постучалъ.

— Что такое?

— Войдите, пожалуйста.

Онъ легъ опять на кровать.

— Подойдите поближе. Намъ, старикамъ, нечего стѣсняться другъ передъ другомъ.

— Да, вы-то старикъ...

— Скажите, пожалуйста, милая хозяйюшка, приходятъ ли по воскресеньямъ почтальоны еще разъ?

— Да.

— Когда-же?

— Между одиннадцатю и четвертью двѣнадцатаго.

— Вы это навѣрно знаете?

— Конечно, знаю.

— Но я слыхалъ, что они по воскресеньямъ приходятъ всего только разъ.

— Я же вамъ говорю, что два раза. Подать ли вамъ кофе?

— Нѣтъ, пока не хочется.

— Газету?

— Прочтите ее сами раньше.

Она ушла.

Онъ лежалъ минуту спокойно, потомъ опять вскочилъ съ постели и постучалъ.

— Чего же вамъ?

— Дайте, пожалуйста, газету.

— Сейчасъ.

Ему всунули газету.

Онъ легъ опять, не тронувъ ея.

Онъ посмотрѣлъ на часы: они остановились.

Онъ всталъ и снова постучалъ.

— Чего еще?

— Простите, который часъ?

— Девять.

Онъ завелъ часы и положилъ ихъ себѣ на столикъ.

Солнце начинало показываться. Свѣтъ его проникъ въ комнату черезъ узкій дворъ. Заиграла шарманка.

Старый, грустный мотивъ.

Звучные колокола церковей возвѣстили утреннее богослуженіе.

Онъ все лежалъ и думалъ. Что съ нимъ такое? Тѣ же самыя картины и книги вокругъ него. Надъ нимъ, подъ нимъ, — квартиры, всюду живутъ люди; кто знаетъ про него? И если бы онъ ушелъ и его бы здѣсь не было, на его постели лежалъ бы другой молодой человѣкъ, или дѣвушка, другіе люди.

Десять часовъ!

Онъ вскочилъ: Боже мой! Съ ума ли я сошелъ? Что это со мною? Неужели я въ самомъ дѣлѣ такъ взволнованъ? Нѣтъ, глупости, я самъ все сочиняю!

Онъ умылся, одѣлся, выпилъ кофе и поспѣшилъ внизъ.

Свѣжій воздухъ. Нѣсколько мѣщанъ въ цилиндрахъ, дѣвушки спѣшаютъ въ храмъ съ молитвенниками въ рукахъ.

— Что ему дѣлать?

Насупротивъ была парикмахерская. Онъ зашелъ туда.

— Бриться?

— Да.

— Еще волосы постричь.

— И голову вымойте.

Ему было пріятно, что хлопчутъ вокругъ него.

Одиннадцать часовъ. Онъ всталъ, заплатилъ и пошелъ домой. Теперь письмо, должно быть — уже есть. Нѣтъ, лучше думать, что его нѣтъ, чтобы не огорчать себя понапрасну.

Съ біеніемъ сердца вступилъ онъ въ комнату. Дѣйствительно, на столѣ лежало письмо — отъ нея.

Онъ вскрылъ его и читалъ: «Праведникъ вашего закала».

У него закружилась голова.

Онъ бросился на диванъ и схватился за голову.

Пробило двѣнадцать. Онъ открылъ глаза.

Да, онъ долженъ написать ей отвѣтъ.

Онъ сѣлъ къ столу и взялъ перо: что писать?

Онъ вышелъ на улицу.

Какъ безумный, кружилъ онъ по городу. Онъ искалъ самыя отдаленныя улицы, на окраинахъ города, чтобы встрѣчать поменьше людей. Воскресный покой виталъ въ воздухѣ. — Онъ усталъ и сѣлъ на скамью.

Онъ взялъ письмо изъ кармана и читалъ. — Онъ испугался.

Что онъ тутъ дѣлаеть? Сегодня надо рѣшиться. Все теперь зависитъ отъ него. Гдѣ его чувства? Гдѣ былъ онъ? То, чего онъ хотѣлъ, стояло у двери его, его звали... и? Свершилось то, о чемъ онъ мечталъ, къ чему годами стремился. Женщина лежала у его ногъ. — Онъ долженъ былъ ей протянуть руку, чтобы освободить ее и съ ней соединить жизнь навсегда; и онъ не могъ сдѣлать этого шага, не могъ... Каждая минута раздумья была теперь преступленіемъ, стыдомъ; но онъ раздумываетъ. Имѣетъ ли онъ на это право? можетъ ли онъ связать судьбу другого со своей, когда его собственная непрочна? И если это у нея лишь желаніе выйти на свободу?

Нѣтъ, онъ несправедливъ къ ней, это было непростительно, безчеловѣчно по отношенію къ себѣ и другимъ, къ жизни.

Сильное волненіе охватило его. Онъ видѣлъ конецъ и не могъ пересилить своихъ мелкихъ сомнѣній. Онъ всталъ и, шатаясь, пошелъ дальше. Куда? Что начать?

Пьяница прошелъ мимо и что-то бормоталъ про себя, горничная въ бѣломъ передникѣ и съ красными руками пробѣжала мимо него, лакей везъ въ креслѣ своего больного барина, быстро захлопнулись ворота большого дома — онъ шелъ домой; стало темно, день угасалъ.

Онъ зажегъ свѣчу и сѣлъ писать; но дѣло не подвигалось; онъ не зналъ, что писать. Онъ долженъ, вѣдь, рѣшиться... Въ отчаяніи онъ ворочался на стулѣ, онъ ослабѣлъ

совсѣмъ, все въ немъ развинтилось, и всетаки онъ чувствовалъ, что это сегодня рѣшится, еще сегодня. Письмо не должно уйти завтра . . .

Въ большой комнатѣ веселились воскресные гости, смѣялись, танцовали — всѣ рады воскресенью, а онъ сидитъ, какъ разбитый. Что случилось? То, что всѣ называютъ счастьемъ, и что и его могло бы сдѣлать счастливымъ. Развѣ это не сумасшествіе? Не глупо ли?

Да, что дѣлать?

Вдругъ онъ вспомнилъ своего друга Феликса, своего духовника. Этотъ жилъ неподалеку; они встрѣчались ежедневно; отчего онъ до сихъ поръ не открылся этому мудрецу, знавшему жизнь.

Мысль, что онъ сейчасъ расскажетъ все человѣку, который его знаетъ, который его любитъ и сочувствуетъ ему, облегчила его; онъ обрадовался и поспѣшилъ къ нему.

Вѣтеръ непріятно завывалъ. Онъ испугался, что не застанетъ друга дома; это было бы страшно — и онъ былъ счастливъ, когда достигъ той улицы и увидѣлъ свѣтъ въ окнахъ его дома.

Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, позвонилъ; хозяйка вышла и сказала, что господинъ Брандтъ только что ушелъ.

Это показалось ему невозможнымъ. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ, женщина не поняла и изумленно посмотрѣла на него.

— Не знаете — придетъ ли онъ сейчасъ домой?

— Онъ ничего не сказалъ . . .

Когда онъ сошелъ внизъ, ему опять стало очень тяжело. Онъ не могъ понять, почему онъ теперь ушелъ, онъ вѣдь могъ остаться въ комнатѣ. А теперь куда?

Онъ еще разъ поднялся на лѣстницу и постучался.

— Простите, я подожду немного; если онъ не придетъ, я ему оставлю записку.

— Пожалуйста.

Она ушла и оставила его одного.

Тлѣющійся въ печкѣ огонь, смягченный краснымъ абажуромъ свѣтъ лампы, вызывали въ темной уютной комнатѣ мягкое настроеніе. Онъ растянулся въ большомъ креслѣ и глядѣлъ, не думая, передъ собой. Бѣлый мѣхъ подъ ногами былъ ему пріятенъ.

— Ахъ, если бы онъ встрѣтилъ своего друга, ему разсказалъ бы онъ все, отчего его нѣтъ дома? — И гдѣ онъ шляется, этотъ добрый малый? Онъ бѣгалъ по комнатѣ, сжимая кулаки.

Съ отчаяніемъ захлопнулъ онъ за собою дверь и сошелъ внизъ. Безобразная погода стояла въ глухихъ ночныхъ улицахъ.

Куда?

Кофейня съ завѣшанными окнами и красными фонарями была насупротивъ, — онъ отвернулся.

Онъ пошелъ на вокзалъ городской желѣзной дороги и купилъ себѣ билетъ въ городъ. Послѣ нѣсколькихъ станцій онъ вышелъ и повернулъ обратно. Масса людей сходила съ площадки по лѣстницѣ внизъ, всѣ куда-то спѣшили.

Одинокая женщина съ большой бѣлой собакой шла впереди, онъ минуту пошелъ за ней, потомъ ему стало стыдно, и онъ повернулъ въ другую улицу.

Онъ смотрѣлъ на освѣщенные окна. По воскресеньямъ они имѣютъ своеобразный блескъ; чувствуется миръ семейнаго счастья. «Не тебѣ тутъ мѣсто» — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Разбитый дошелъ онъ до дома.

Онъ приготовилъ себѣ чай, но забылъ его выпить. Онъ сѣлъ и сталъ писать отвѣтъ.

Это ужъ не было письмо, это была исповѣдь, изліяніе души. Онъ признавался въ слабости, каялся въ проступкахъ. Это не былъ отвѣтъ на ея письмо, но можно было разсказать слова: ты права, но я безсиленъ.

Онъ вложилъ письмо, не просмотрѣвъ, въ конвертъ, сошелъ внизъ и опустилъ въ первый попавшійся ящикъ. Черезъ минуту онъ раскаялся въ томъ, что сдѣлалъ.

Онъ опять пришелъ въ свою комнату, въ нѣмомъ отчаяніи: онъ оттолкнулъ отъ себя жизнь.

Онъ легъ на диванъ: Ночь! Еще никогда не было такъ темно у него на душѣ.

Его хозяйева ушли, ужасная тишина господствовала въ цѣломъ домѣ. Слышно было только тиканіе часовъ.

Въ немъ вдругъ вскипѣла ярость. Онъ снялъ съ лампы колпакъ и разбилъ его о полъ, потомъ разбилъ чайникъ, стаканъ, все, что ни попалося подъ руки, — въ дребезги.

Это успокоило его немного.

Онъ сѣлъ и сталъ слѣдить за своими улетающими грезами. Потомъ онъ всталъ и сошелъ внизъ. Онъ запомнилъ номеръ почтоваго отдѣленія, обозначенный на ящикѣ. Завтра онъ пойдетъ туда и потребуетъ письмо обратно. Онъ успокоился и заснулъ.

XI

Письмо ушло... Цѣлую недѣлю провелъ онъ въ тяжкомъ безпокойствѣ; часто онъ думалъ послать еще письмо вслѣдъ, но все таки выжидалъ. Можетъ быть, случится чудо. И если она его любитъ, то онъ и такъ не могъ ее потерять; все должно случиться, какъ предназначено свыше. Да, онъ теперь вѣрилъ въ рокъ, ему необходима была эта вѣра...

Пришелъ отвѣтъ холодный, но не безъ луча надежды: «Да, вы остались прежнимъ, думаете, однако, что вы стали другимъ. Такъ вы хотите успѣвать въ жизни... Вы безчеловѣчны къ себѣ и къ другимъ. Недавно вы называли меня духомъ-мучителемъ; думаю, что не буду уже больше ни вашимъ, ни своимъ, ничьимъ духомъ-мучителемъ.

Мнѣ такъ безконечно тяжело на душѣ. Не знаю, есть ли у меня еще что сказать вамъ. Да, это все. Но какъ бы

то ни было, думайте побольше о себѣ; я слышала, вы не всѣмъ здоровы.

Фаталистъ вашего закала сказалъ бы: что вамъ до этого. Будьте здоровы».

Ужасное напряженіе, длившееся недѣли, разрѣшилось глубокимъ чувствомъ благодарности. «Такъ она заботилась о немъ». Это его ласкало, какъ мягкая рука. Уже одного обстоятельства, что она ему писала въ отвѣтъ, было достаточно... Теперь онъ все прощалъ и себѣ и ей. Она была такъ добра, такъ добра....

Итакъ, была еще надежда, все еще было поправимо.

Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ иначе, нѣтъ больше сомнѣній. Жить хотѣлъ онъ съ ней, съ ней одной...

Тихое спокойствіе — безоблачное... Это былъ его послѣдній выборъ, это онъ чувствовалъ теперь...

Она заботилась о немъ, можетъ быть, она одна во всемъ мірѣ. Онъ уже не былъ одинокимъ. Онъ видѣлъ передъ собою новую эру, начало дѣйствительности.

Его душа пробуждалась и смотрѣла на близкій, достижимый берегъ.

Онъ не могъ больше удержаться. Туда, туда, тянуло его, къ ней...

Сказать ей все это, шепнуть ей это со слезами радости и со всѣмъ ужасомъ счастья, поклясться святою, вѣчною клятвою....

Ей все отдать, свой міръ, свою волю...

И опять нахлынули на него старыя грезы, опять золотая туманная дымка покрыла дѣйствительность.

Они живутъ въ другомъ мірѣ, въ возрожденномъ племени, тамъ въ вѣчной Элладѣ, въ странѣ нагихъ боговъ...

* * *

Въ то время, какъ онъ былъ полонъ ею и за нее боролся, она была одна. Онъ грезилъ о ней, а она чувствовала себя одинокой. Онъ сначала приблизился къ ней, она протянула ему руку, а онъ раздумывалъ и колебался.

Вдругъ появился настоящій суженый, человѣкъ безъ трагизма, жившій дѣйствительно жизнью.

Онъ былъ учителемъ въ той же школѣ, что и она, онъ видѣлъ ее всегда, когда она приходила и уходила, и онъ любилъ ее . . .

Онъ чувствовалъ, что она стоитъ выше его, и поднималъ глаза къ ней.

Онъ былъ честенъ и зналъ, что не можетъ ей дать многого, и пытался побороть свое чувство. Сначала онъ думалъ перевестись на другое мѣсто, потомъ пошелъ и попросилъ ея руки.

Она поразилась, но ея инстинктъ угадалъ настоящее чувство въ его скромномъ предложеніи.

Итакъ — это была жизнь.

Онъ стоялъ въ трепетномъ ожиданіи, — никогда она не видала человѣка такимъ блѣднымъ. — Она не могла больше отказать; съ нынѣшняго дня она ужъ не будетъ одинокой.

Она сказала: да.

Туманъ разсѣялся: ей стало легко, легко.

Случайно узналъ объ этомъ Гавріиль, нѣсколько дней послѣ своего рѣшенія. Онъ думалъ уже почти о приготовленіяхъ. Онъ чувствовалъ себя уже совсѣмъ близко.

Тогда пришло извѣстіе.

Онъ ходилъ разбитый, уничтоженный, съ ужасной, невыразимой, глухой болью.

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ стыдъ, безконечный стыдъ . . .

Онъ видѣлъ свою судьбу: въ сторонѣ, навсегда въ сторонѣ. Эта любовь была его послѣдней мечтой и она стала роковою.

Онъ зарыдалъ . . .

Ч у ж і е

Въ кругу русскихъ и польскихъ студентовъ, ютящихся въ одномъ изъ большихъ кварталовъ столицы, ихъ постоянно можно было видѣть вмѣстѣ. Онѣ гуляли всегда втроемъ, обѣдали въ общественной столовой за однимъ столомъ, вмѣстѣ посѣщали читальню и ходили вмѣстѣ на народныя собранія — а, между тѣмъ, какъ далеки онѣ были другъ отъ друга! Одна, самая красивая среди нихъ, была существо хрупкое и изнѣженное, всегда изысканно одѣтое; такъ и видно было по ней, что она дочь богатыхъ родителей и что науки для нея — дѣло второстепенное. Пріѣхала она сюда лишь для того, чтобы не быть въ Сруцкѣ. Была она фантазеркой и вѣчно грезила о хрустальныхъ палатахъ, райскихъ садахъ, лихихъ рыскахъ и принцахъ, падающихъ предъ нею ницъ... Другая также была красива, съ очень симпатичнымъ лицомъ. Она была склонна къ мышленію и охотно занималась предметами серьезными и научными, хотя и нельзя было сказать, чтобы здѣсь не играло роли ея самолюбіе, такъ, какъ, благодаря этому, она успѣла прослыть среди своихъ «философкой»; кромѣ того, она имѣла случай познакомиться съ однимъ мыслящимъ студентомъ, съ которымъ она вмѣстѣ изучала психологію и логику, — а тамъ и любовь пришла... Третья была ростомъ выше своихъ подругъ, и казалась съ перваго взгляда очень некрасивой; но стоило къ ней присмотрѣться немного, и въ ней что-то открывалось. Ея коротко-подстриженные волосы придавали ей лицу энергичное выраженіе, а въ толстыхъ, полуоткрытыхъ губахъ чувствовалась извѣстная притягательная сила. Она была

всѣмъ извѣстна подъ именемъ Анны Малкиной. Все ея существо какъ бы говорило: смотрите, вотъ я, Анна Малкина, вся тутъ, безъ всякихъ мудрствованій . . .

Что ихъ сблизило всѣхъ троихъ, несмотря на то, что у нихъ не было ничего общаго, да и не знали онѣ раньше другъ друга? — Чисто женское обыкновеніе дружить съ кѣмъ попало, не заботясь о какомъ-нибудь сходствѣ натуръ или душевной близости. Онѣ, собственно, и не дружать, а сходятся только, растутъ себѣ другъ подлѣ дружки, какъ деревья, до тѣхъ поръ, пока не придетъ кто-нибудь и не срубить то или другое . . .

Анна была честная и добрая дѣвушка. Заболѣвалъ ли кто въ ихъ колоніи, — она первая посѣщала больного, бѣгала въ аптеку и даже ночевала при немъ, когда требовалось. Она поддерживала каждую вновь пріѣзжавшую курсистку, снабжала ее денежными ссудами изъ своихъ небольшихъ средствъ на безсрочное время. Она могла, разъ по десяти на день, бывать у одного и того же знакомаго и нисколько не обижалась тѣмъ, что ей не отдавали визитовъ. Она могла сидѣть у подруги или у знакомаго цѣлый день и ничуть не оскорбиться, если тѣ, въ ея присутствіи, брались, за свое дѣло и не обращали на нее больше вниманія. Что ей до того: бесѣдуютъ-ли съ ней или нѣтъ? На той улицѣ, въ томъ домѣ, гдѣ она жила, возвращаясь въ большинствѣ случаевъ домой за полночь, а часто и не одна, про нее навѣрное думаютъ Богъ вѣсть что, — но что ей до того, что другіе думаютъ? Нравится-ли она, пророчатъ-ли ей какую-либо будущность или нѣтъ — ей отъ этого ничего не прибудетъ и не убудетъ. Даже тѣ серьезныя мысли и научныя теоріи, которыя дѣйствительно полезны и интересны, — и онѣ не трогаютъ ея души . . . Науки вродѣ политической экономіи, социологіи — это и по ея мнѣнію, несомнѣнно глубокія и серьезныя вещи, и каждый человѣкъ обязанъ интересоваться ими, изучать ихъ; и она слушаетъ лекціи по этимъ предметамъ, разсуждаетъ и спорить о нихъ, но душа ея въ сто-

ронѣ отъ всего этого . . . Родители ея, которые живутъ тамъ въ Россіи, люди образованные, изъ литовцевъ, посылаютъ ей ежемѣсячно небольшія деньги съ очень нѣжнымъ письмомъ — но они не наполняютъ ея мысли. Они ея родители, а она ихъ дочь — и это лишь статистическій фактъ, какъ дважды два — четыре. Что ей могутъ дать эти «четыре», это произведение? Чѣмъ могутъ они обогатить ея душу, расширить ее? Тургеневъ — великій художникъ, Достоевскій — гигантъ, Михайловскій — одинъ изъ величайшихъ современниковъ; — она получаетъ и читаетъ всѣ послѣдніе номера русскихъ журналовъ, но что же она выноситъ изъ нихъ? Много, многое написано тамъ, но все это какъ бы внѣ ея . . . Она можетъ, напримѣръ, сброситься теперь съ балкона, гдѣ она стоитъ и оставить эти журналы на столѣ. — Она можетъ положить подушки на столъ и спать на немъ, на столѣ, а не на кровати, или она можетъ обѣдать вечеромъ и идти спать утромъ, и все же міръ отъ этого не измѣнится . . . Но, удивительное дѣло: часы, этотъ маленькій шарикъ, со своими маленькими колесиками, весь помѣщающійся въ карманѣ, они управляютъ жизнью, и людьми: всѣ имъ подчиняются, отъ царя до нищаго.

А платье? — перемѣнить ли она его или нѣтъ — въѣдъ это все дѣло внѣшнее; душу не насытишь этимъ. Будь она красива, какъ ея подруга, будь она красивѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ, тогда она знала бы, что дѣлать! Тогда бы она жестоко отомстила всѣмъ мужчинамъ: она раздула бы пламя и затѣмъ замкнулась бы отъ всѣхъ, безъ исключенія. Нѣтъ ни одного изъ нихъ достойнаго . . . Даже тотъ студентъ, черный, какъ негръ, котораго она привыкла посѣщать почти ежедневно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ человѣкъ интеллигентный и очень знающій, но и онъ не заполняетъ того, чего ей недостаетъ; этотъ человѣкъ и его жизнь рѣшительно ея не касаются; хотя она и въ состояніи сидѣть цѣлые дни и прислушиваться къ тому, что онъ говоритъ, чѣмъ онъ увлекается, — уши ея слушаютъ, а душа ея пуста. Она смѣ-

ется, говоритъ, завариваетъ чай, бѣгаетъ поминутно съ третьяго этажа покупать масло, хлѣбъ, сахаръ; она вездѣ, гдѣ ни сидитъ, хозяйничаетъ, похлопываетъ по плечу какому-нибудь знакомаго, приговаривая: будемъ друзьями! Но въ душѣ, тамъ внутри, она покинута, одинока... Только внѣшній человѣкъ, что въ ней, виденъ, душа же ея на засовѣ...

А кто сдвинетъ засовъ? Что въ состояніи раскрыть ея душу? И небо, и деревья, и зоологическій садъ, соединяющій этотъ кварталъ съ центромъ столицы, и эти лѣнивые пруды — все, все только увеличиваютъ ея удивленіе и только отдаляютъ ее отъ жизни. Слово «жизнь» глубоко непріятно ея слуху, да она и не употребляетъ его въ спорахъ, какъ это обычно принято, не потому, что она его недостаточно понимаетъ, а потому, что боится его...

Домъ, если поджечь его, — сгоритъ, такъ и съ лѣсомъ, такъ и съ людьми... И они иногда пылаютъ большимъ пламенемъ, это и есть жизнь. Большой огонь, красивый, яркій свѣтъ...

Танцы — это преддверіе жизни. Отъ нихъ къ большому огню только одинъ шагъ. Но почему же танцуютъ парно, юноша съ дѣвушкой? Всѣ танцуютъ вмѣстѣ, всѣ находящіеся въ залѣ, — и не часть, и не два, а всю ночь, и на завтра, и въ слѣдующую ночь всѣ танцуютъ, рѣзвятся, огонь горитъ, музыка гремитъ — славьте Бога! Конецъ наступилъ... Горящее зрѣлище великолѣпно, и страшно оно въ своей красотѣ.

А иногда она сидитъ одна въ своей комнатѣ и плачетъ. Ничего не случилось, но какая-то пропасть вокругъ нея. Что она тутъ дѣлаетъ на землѣ? Отчего она не родилась среди царей или среди святыхъ? Отчего бы ей не облечься въ мужское платье и не говорить съ кафедры о высокихъ матеріяхъ, какъ говорилъ Лассаль, говорить громовымъ голосомъ предъ тысячной толпой, съ нетерпѣніемъ и жаждой глотающей слова налету, взбудоражить ихъ спящія сердца и заставить ихъ поклясться, что они исправятся и отнынѣ по-

дадутъ другъ другу братскую руку? Нѣтъ, и это ее не удовлетворяетъ. Богиней хотѣлось бы ей быть. Въ Пятикнижii, что у нихъ дома, много говорится о знаменитомъ мужѣ Моисеѣ . . . Что такое еврейскій вопросъ, о которомъ такъ часто говорится? Евреи, какъ евреи, живутъ себѣ, а сердце ея пусто, пусто . . .

* *
* *

И онъ явился . . . То былъ не пришлецъ съ высотъ Іудеи, а христіанскій парень съ Уральскихъ горъ. Два года онъ промаялся «тамъ», такъ какъ былъ уличенъ въ чѣмъ-то, а затѣмъ оставилъ всѣ затѣи и вернулся къ своимъ естественнымъ наукамъ, къ химіи. Онъ былъ высокъ и худъ, съ красноватымъ лицомъ и рыжими волосами. Говорилъ онъ мало и впечатлѣніе производилъ странное. Въ своей синей рубахѣ и простыхъ штанахъ онъ походилъ на рабочаго, и шаги его тоже были такіе тяжелые . . . Находясь въ обществѣ, онъ смотрѣлъ на свои покрытыя лишаями руки и думалъ: отчего это люди увлекаются этими, такъ называемыми, идеями? Пресмыкающіяся животныя они, безхвостыя кошки! Книжки они разныя читаютъ, а авторы этихъ книжекъ — беззубые львы . . . Тѣ только и близки къ жизни, которые умѣютъ пить, пить запоемъ, до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ сердце и мозгъ, пока не пойдутъ ходуномъ столъ и висѣщая лампа. Кить умѣетъ пить. Мозгъ Галилея самъ по себѣ представлялъ естественный законъ природы, основу. Подозрѣваете ли вы что-нибудь о подземныхъ кладахъ, когда вы ступаете по поверхности земли? Знаете-ли вы тѣ горы желѣза, что копаютъ рудокопы? . . .

И какая-то скрытая ненависть жила въ немъ ко всѣмъ этимъ существамъ, хрупкимъ, воздушнымъ, къ женщинамъ, съ ихъ нѣжной красотой, къ красотѣ и поэзіи въ чловѣкѣ. Столочь ихъ всѣхъ въ ступѣ, подойти къ обществу людей, кичащихся своими знаніями, и плюнуть имъ въ лицо — такая страсть горѣла въ его душѣ. Эй хозяйка! Давай-ка

мнѣ бутылку пива, полхлѣба да сыру. Денегъ нѣтъ у меня...
Подавай-ка живѣй!

Почему ему вздумалось отправиться въ столицу учиться, ему, который нисколько не довѣрялъ самимъ учителямъ? Кто знаетъ. Онъ бродилъ по Берлину, какъ по одному изъ китайскихъ городовъ. Чужды ему были люди, дворцы, башни, музеи, памятники. Онъ жилъ своей обособленной жизнью, своей душой и своими интересами, которыхъ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ. Онъ былъ въ состояніи лежать цѣлый день на кровати, глядѣть въ потолокъ и ни о чемъ не думать. Онъ могъ встать рано утромъ, отправиться далеко за городъ, переночевать гдѣ-нибудь въ ближайшемъ селѣ и вернуться домой спустя день, или два. Онъ былъ способенъ не распечатать письма даже отъ близкаго себѣ чело-вѣка. Матери своей онъ не зналъ. У его отца была вторая жена и девять чело-вѣкъ дѣтей. Въ одно прекрасное утро онъ всталъ, ушелъ изъ дому и больше туда не возвращался.

Прежде онъ былъ дровосѣкомъ, чтобы заработать свой хлѣбъ; затѣмъ онъ сдѣлался столяромъ, потомъ принялся за ученье, былъ писцомъ въ участкѣ, поколотилъ своего начальника и оставилъ должность. Около тринадцати мѣсяцевъ бродилъ онъ изъ города въ городъ, изъ одной губерніи въ другую, и тогда въ немъ вполне созрѣло желаніе учиться. Природа—это единственное надежное основаніе; все остальное: философія, религія — скользкіе пути.

Что собой представляютъ разные народы съ ихъ наслѣдственнымъ багажемъ? И на нѣмецкомъ языкѣ говорятъ, хоть онъ и ломанный. Русскимъ предстоитъ въ будущемъ завоевать весь міръ, — а онъ подчасъ чувствуетъ себя такимъ усталымъ. Если бъ онъ могъ спать сорокъ дней безпрерывно, спать непробудно, безъ сновидѣній и держать все въ своихъ объятіяхъ... Смерти дайте Василию Николаевичу, дайте ему пустынный безлюдный клочекъ земли и подушку для изголовья!..

Онъ жилъ уже два мѣсяца въ столицѣ, когда однажды вечеромъ они познакомились . . . Она сидѣла у одной изъ своихъ подругъ; шелъ споръ о Каутскомъ. На столѣ лежала большая булка хлѣба, каждый отрывалъ себѣ по ломтю и намазывалъ масломъ. Въ комнатѣ стоялъ табачный дымъ. Молодой длинноволосый студентъ, считавшій себя выше всѣхъ присутствующихъ, ораторствовалъ о чемъ-то громко. У студентокъ горѣли щеки, и глаза свѣтились, словно онѣ теперь вдругъ нашли разгадку жизни. Анна задумчиво сидѣла въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ разговоръ. Дверь открылась, и вошелъ онъ . . . Онъ не называлъ себя, а взялъ лишь стулъ и сѣлъ. Съ его приходомъ споръ не прерывался.

Анна очнулась. Что-то новое, ей доселѣ неизвѣстное, какое-то сильное влеченіе стало зарождаться въ ея сердцѣ. Что это такое? снится ли ей? Вонъ тамъ открывается дверь, невидимая рука схватываетъ ее . . . Она всплеснула руками и закусила губы — ей показалось, что на стѣнѣ задвигались какія-то тѣни. Ей хочется встать и крикнуть на всю залу: Послушайте, друзья! Она видитъ, какъ онъ встаетъ и идетъ по направленію къ ней . . . сердце въ ней застучало. Нѣтъ, это онъ только ходитъ по комнатѣ. Вотъ онъ приближается къ маленькому столику, беретъ книгу и разсматриваетъ ее. Тамъ подъ зеркаломъ виситъ полка съ бездѣлушками . . . Гдѣ она теперь? Воспоминанія ея развертываются все дальше и дальше. Родное село; баринъ ѣдетъ на конѣ, а двѣ большія собаки бѣгутъ впереди. Раздается пѣсня пастуха; бодливый волъ вырывается вдругъ на улицу и пугаетъ прохожихъ.

Онъ подошелъ къ ней и спросилъ: гдѣ улица, на которой селятся пріѣзжіе студенты? Она вскочила съ мѣста. Улица, улица эта тутъ по близости, недалеко отъ зоологическаго сада: сперва нужно держаться лѣвой стороны, а затѣмъ повернуть вправо. Онъ прямо смотрѣлъ на нее. Что-то промелькнуло на его губахъ. Гдѣ это онъ уже од-

нажды встрѣтилъ это лицо? . . . Ему вдругъ захотѣлось уйти съ ней вмѣстѣ отсюда. Наступила полночь, и гости начали расходиться; хозяйка со свѣчей въ рукѣ проводила каждаго до дверей и освѣщала имъ лѣстницу. У воротъ они разбились на группы и разошлись въ разныя стороны.

Анна идетъ съ «этимъ» человѣкомъ; онъ проводитъ ее до улицы, на которой она живетъ; оба молчатъ. Въ воздухѣ тепло; легкій вѣтерокъ порхаетъ надъ ночными тѣнями; улицы пустыньны, словно очарованы. Они стоятъ ужъ у воротъ. Ея рука дрожитъ, когда она въ темнотѣ ночи прилаживаетъ ключъ къ замку. Калитка растворилась. Съ минуту Анна колеблется, ей хочется броситься къ нему на шею. Она, наконецъ, вошла во дворъ; онъ послѣдовалъ за нею. Ворота замкнулись. Тишина царитъ въ корридорѣ, словно въ монастырѣ. Она зажгла лампу и разомъ освѣтила довольно просторную комнату. Кровать была затянута бѣлой простыней, полъ и стѣны сегодня старательно были вымыты хозяйкой, и на столикѣ все было убрано. — Они походили на двухъ путешественниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ бродившихъ по пустынѣ и случайно раскрывшихъ другъ предъ другомъ свои души. Сердце находитъ просторъ, сердце растетъ . . .

Насталъ великій день Господень. Мощной рукой и простертой дланью собираетъ онъ разсѣянныхъ съ сѣвера, юга, запада и востока. Киты въ океанѣ разверзаютъ свои пасти, орелъ поднебесный рѣветъ. Осель пробудился, левъ выходитъ изъ своей берлоги, ибо жизнь возвышается во всемъ . . . Левиаѳанъ вынырнулъ, все живущее окрестъ дрожитъ . . .

На другой день вновь взошло солнце и разлило лучи свои на сады и жилища людей. Анна проснулась обновленной. Она встала, быстро умылась, убрала постель и стала заваривать чай. Онъ сидѣлъ за столомъ и крошками ѣлъ хлѣбъ. Она можетъ обнять его теперь какъ брата, какъ

мужа. Она открыла корзину, вынула оттуда свѣжее бѣлье и разложила его на кровати. Ея сердце полно блаженства.

Съ этого дня и началось все . . . Она взяла свои книги и разстала ихъ на полкѣ въ рядъ, привела въ порядокъ лампу и вычистила его сапоги. Кончивъ работу, она сѣла у порога и глядѣла на него глазами, полными любви. Въ ея сердцѣ горитъ лучезарный свѣтъ, доля того свѣта, который припрятанъ для счастливецъ въ лучшемъ мірѣ. Ликуйте, о люди, молитесь о воскресеніи міра! Господь освободитъ васъ, пойте и прославляйте Его благость!

Міръ такъ простъ, и жизнь проста, сорвите только съ нея завѣсу. Снимите пелену, покрывающую ваши души и взгляните прямо.

— Откуда ты явилась? — говоритъ онъ.

— Я явилась для того, чтобы узнать тебя — говоритъ она, — ты далъ мнѣ почувствовать красоту.

— И мое сердце расширилось и полно новыхъ чувствъ — отвѣчаетъ онъ и покидаетъ ее на короткое время, чтобы принести сюда свои пожитки: пусть они лежатъ у тебя.

— Она кладетъ руки ему на плечи . . . Вся жизнь открылась предъ нею . . .

День клонился къ вечеру . . . И былъ вечеръ и было утро — день второй, третій, четвертый . . . Недѣля проходитъ, наступаетъ другая. Они вмѣстѣ будутъ работать, и ихъ жизнь потечетъ вмѣстѣ . . . Она опьянена любовью, а онъ властвуетъ надъ нею.

* *
* *

«Боже! душу, данную Тобой, Ты создалъ, Ты ее сотворилъ, Ты ее вдунулъ въ меня, Ты хранишь ее во мнѣ, Ты жъ ее и приѣмлешь отъ меня!» . . .

Онъ вернулся однажды домой пьяный. Она вся затрепетала и на мгновеніе почувствовала отвращеніе къ нему. Что-то порвалось и ушло безвозвратно. Что такое сердце? Разъ въ немъ образовалась трещина, ничѣмъ его не удер-

жишь. Она задумалась и вспомнила, что и того философа, котораго она случайно разъ увидѣла, она не такъ скоро забыла. Она еврейка, а онъ, Василій, — христіанинъ... Она громко расхохоталась, поймавъ себя на мигъ на этой мысли. И хотя эта мысль не посѣщала ее больше, но она чувствовала, что случилось нѣчто плохое. Пустяки, бабыи глупости! И оставаясь одна, она часто плакала. И еще разъ изъ груди ея вырвался дикій смѣхъ. Не сходитъ-ли она съ ума, подобно ея братьямъ? Господи Боже, отчего Ты насмѣхаешься надъ нами, маленькими людьми?...

А онъ началъ ревновать ее. Любовь пылала въ немъ, и въ огненныхъ языкахъ ея стали попадаться искры ненависти, нѣчто въ родѣ желанія мести... Онъ сказалъ себѣ однажды: «Василій, смотри, если ты притронешься хоть пальцемъ къ этой дѣвушкѣ, то я схвачу ножъ и заколю тебя. Ты достоинъ смерти!» И все же въ немъ прокрадывалось по временамъ желаніе схватить ее за волосы и потащить по полу, или замахнуться эдакъ да ударить ее неожиданно... тррахъ!... Она ему ничего не сдѣлала, въ душѣ онъ страстно любитъ ее, его такъ и манятъ ея губы, — но что-то заставляетъ его чувствовать къ ней отвращеніе... Онъ чувствуетъ, что между ними — цѣлая пропасть, хотя его и тянетъ къ ней... И за это онъ еще больше возненавидѣлъ ее.

Онъ замучилъ ее своей ненасытной любовью, она похудѣла и осунулась. Она стала замѣчать, что онъ иногда скрываетъ отъ нея деньги, хотя касса у нихъ была общая, и, уходя на цѣлый день, онъ не говорилъ ей, куда онъ уходитъ; а возвращался онъ съ пустыми руками... Это ее страшно терзало.

Она не вытерпѣла и упрекнула его... Это было въ воскресеніе днемъ. Анна чувствовала, что наступилъ конецъ. Онъ набросился на нее и принялся ее бить. Онъ, было, въ первую минуту и самъ испугался, но продолжалъ ее колотить. Его жестокость заставила ее на мгновеніе еще

разъ почувствовать сильную, душевную близость къ нему . . .
Но онъ повалилъ ее на земь, толкнулъ ногой и собирался
ее истоптать.

— Оставь, я беременна! . . .

Его лицо исказилось. Онъ опустился на кровать, какъ
ошеломленный. Она встала, поправила на себѣ платье, на-
кинула пальто и вышла на улицу; онъ пошелъ за нею.

На улицахъ воскресная тишина. Они идутъ вдоль
улицы. Съ церковей раздается колокольный звонъ. Тамъ,
въ концѣ улицы, дорога расходится на двѣ стороны. Она
пошла въ одну сторону, а онъ повернулъ и пошелъ въ
другую . . .

Безъ нея

(Воспоминанія одинокаго)

Одиноко брожу я тамъ, вдали отъ населеннаго города, вдали отъ шума и суеты жизни — и созерцаю красу неба, чудное освѣщеніе догорающаго дня и сумерки двухъ прильнувшихъ другъ къ другу міровъ. Я могу свободно предаться моимъ мыслямъ, переживать свои чувства и созерцать свой внутренній міръ... Въ эти часы отдохновенія я принадлежу себѣ, мечты мои нераздѣльны со мной, и весь міръ — мой. Окружающая меня долина покоя, тишина вечернихъ сумерекъ, — все снимаетъ съ меня будничную оболочку, все внѣшнее, что есть въ жизни; и я, и сердце мое, и весь міръ, и все мнѣ принадлежащее испытываютъ радостное чувство свободы.

Вотъ передо мной зеленая полоса земли, вотъ толпа шепчущихся между собой деревьевъ, вотъ главы башенъ, виднѣющихся издали на окраинѣ города, гулъ котораго ко мнѣ не долетаетъ. Вотъ красивыя предмѣстья и роскошные сады у подножія горъ, видныхъ издалека. Вотъ смуглая и миловидная нянька везетъ колясочку, въ которой покоится одѣтый въ бѣлое ребенокъ. Вотъ идетъ медленно нищій и играетъ на свирѣли. Красивая дѣвушка проѣзжаетъ мимо на велосипедѣ, и въ ея красотѣ выраженіе какого-то сладостнаго покоя.

И надъ всѣмъ распростерта тѣнь чистой жизни, сущности жизни, проникающей глубоко-глубоко въ наше сердце, возвышающей нашу душу и расширяющей грудь.

Таковы мои ежедневныя прогулки по вечерамъ. Бы-
ваетъ, что я незамѣтно для себя самого забываю все окру-
жающее и отдаюсь теченію воспоминаній... Много кар-
тинъ, свѣтлыхъ и темныхъ, встаютъ предо мной и засло-
няютъ весь внутренній міръ мой. Все, что происходитъ
въ моей душѣ, пробуждается при ихъ появленіи, и я начи-
наю кружиться въ ихъ вихрѣ, поднимаюсь и опускаюсь
вмѣстѣ съ ними, грежу и созерцаю...

Вотъ предо мной проходятъ сны юности и толкованія
ихъ, событія и желанія, борьба и стремленія, мысли и по-
рывы, удачи и неудачи, перипетіи и превращенія... Вотъ
знакомый, одинъ-другой, вотъ знакомая, одна-другая, вотъ
любовь, любовь и ненависть, томленіе и страданіе жизни.
И ради чего вся эта буря? Ради чего я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ
сталъ? Ради чего дана жизнь и въ чемъ ея суть?

Соберитесь всѣ мудрецы востѣка и запада и объясните
мнѣ загадку моей жизни. Скажите: зачѣмъ я живу, и что
такое представляетъ собой живой человѣкъ, что дѣлаетъ
человѣкъ, эта маленькая точка, движущаяся между двумя
частями безконечности — прошедшимъ и будущимъ?...

И всѣ эти вопросы и проблемы, полеты мысли теперь
далеки отъ меня и не въ состояніи сдвинуть съ мѣста на-
стоящаго этого вечера, *настоящаго* моей жизни и моего «я».
И въ концѣ концовъ я только вдыхаю воздухъ, и воздухъ
этотъ вливаетъ въ душу мою радость, я спокоенъ, и сердце
мое покойно, по крайней мѣрѣ пока оно спокойно.

Нѣтъ! я обманываю самого себя. Въ мой сердечный
покой что-то вторгается. Посмотримъ, что это такое...
Я предчувствую, что увижу нѣчто странное. Я увижу это,
и скоро.

Да, я увижу, и скоро.

* * *

Что за перемѣна произошла со мной? спрашиваю я
себя уже много дней, вставая и ложась.

Душа моя оставила свой естественный путь и рвется куда-то въ другое мѣсто. Гдѣ витаетъ сейчасъ мой духъ? Гдѣ онъ?

Боже мой, Боже мой! Я люблю!

Но зачѣмъ я лгу предъ самимъ собой, употребляя неясное мнѣ самому слово только потому, что оно ходячее. Довольно будетъ съ меня, если я скажу, что чувствую внутри себя какое то неодолимое влеченіе въ мѣсто, находящееся внѣ меня, мѣсто, которое открывается для меня въ видѣ одного существа, одинокого существа.

Это существо — одна изъ здѣшнихъ нееврейскихъ женщинъ. Что мнѣ до нея? Я этого не знаю. Но я знаю, что невинностью своей, цѣльностью и всей своей сущностью она чужда мнѣ и основѣ души моей. Знаю я, что она не пойметъ моего міросозерцанія, что она не идетъ моей дорогой и не можетъ идти моей дорогой — знаю я, чѣмъ она была и чѣмъ будетъ, все это я знаю; и при всемъ томъ не могу отрѣшиться отъ мысли о ней и не хочу отрѣшиться... Я въ ея власти.

Да, она не можетъ раздѣлять со мной моего міра. Она живетъ своимъ міромъ, своей волей, своими стремленіями и мечтами — и пусть мечтанія эти мнѣ чужды, но я нахожу въ нихъ свѣтъ и жизнь. Возвышенный духъ я нахожу въ ней.

Она не очень красива, ей недостаетъ чаръ, покоряющихъ сердце, но она свѣтитъ, свѣтитъ до глубины души... У нея блѣдное лицо съ голубыми глазами, и особая симпатія разлита по всей ея виѣшности. И когда она смотритъ на насъ, сердце сжимается отъ страха жизни.

Она одѣта во все черное и лицо ея пасмурно, только изъ глазъ ея, глядящихъ прямо на Божій міръ, выглядываетъ вся наивная кротость ея.

Золотистые волосы ея острижены и раздѣляются пробормомъ на двѣ половинъ; бѣлая дорожка, проходящая по ея головѣ, придаетъ ей грацію.

Она — эмблема гармоніи. И голосъ ея гармонируетъ съ ея душевнымъ складомъ. Она единственная, въ которой языкъ и душа такъ гармонируютъ.

Движенія ея легки. Походка граціозна, какая-то красота есть даже въ складкахъ ея платья, и когда она поднимается съ мѣста и уходитъ, тѣнь ея еще продолжаетъ плѣнять сердце.

Она одинока. Она подобна существу, пришедшему изъ далекой страны и отъ отдаленной жизни, но какъ близко касается ея все, окружающее ее! Она благородна, она съ любовью относится къ униженнымъ и оскорбленнымъ и жалѣетъ нищихъ. Она поетъ по наитію, но пѣсни ея всегда пріятно слушать. Она очень образована и живетъ во всей полнотѣ духовнымъ достояніемъ человѣчества; чо она въ ладу и съ природой. Она родилась на берегу широкаго моря — и тамъ, въ глубинѣ ея души живетъ какъ будто морской царь...

Что общаго между мной и ей?

Теперь я это знаю отчетливо. Я не люблю ея въ общепринятомъ смыслѣ, она не зажигаетъ во мнѣ бѣшеннаго огня, она только свѣтитъ мнѣ, свѣтитъ мнѣ своей тѣнью...

Она неспособна поднять меня на высоту больше той, на которой я нахожусь; но она въ состояніи сдѣлать изъ меня то, что я есмь.

Она не только женщина: она — свѣтъ, она — жизнь. Она бѣдна, но богата великолѣпіемъ жизни и звуками жизни.

Когда я вижу ее, я молюсь Отцу Небесному, чтобы Онъ связалъ наши жизни.

Я молюсь, но не знаю, внемлетъ ли Всевышній моей молитвѣ; точно также я не знаю, слышитъ ли и знаетъ ли мою молитву это существо; я не знаю, что происходитъ за кулисами души ея.

Какъ странно бываетъ жизнь! Я сижу здѣсь, унылый, за столомъ, полнымъ книгъ и могилъ мыслей, а духъ мой отданъ во власть ей и ея міру . . . А можетъ быть, въ то же самое время она сидитъ, грустная и одинокая, за своимъ столомъ, и сердце ея чувствуетъ какую-то пустоту. Она наклоняетъ свой станъ, чтобы посмотрѣть изъ окна своей комнаты на міръ и не находитъ въ немъ ничего. Но если бы она знала, что тамъ, въ концѣ города, въ маленькой комнатѣ сидитъ человѣкъ, весь поглощенный мыслью о ней, если-бы она знала, что значитъ она теперь для другого существа, которое могло бы оживить ее! . . .

И сердце говоритъ мнѣ, что она не знаетъ.

И то же самое сердце говоритъ мнѣ, что она должна знать, что она можетъ знать, что она можетъ любить. Я чувствую все, все, — и не могу сблизиться съ ней; не могу ей прямо смотрѣть въ глаза, я почти стыжусь созерцать ея красоту.

Я могу теперь плакать внутреннимъ плачемъ, безъ слезъ и печали. По временамъ я говорю себѣ: что, собственно, въ ней хорошаго? Я стараюсь находить въ ней недостатки и разбирать ее. Я говорю себѣ, что она недоступна мнѣ; но своимъ цвѣтомъ лица, граціей, разлитой по всей ея фигурѣ, своей прямою и невинностью, своей своеобразной красотой, плавностью своихъ движеній она покоряетъ мое сердце и наполняетъ меня свѣтомъ. И свѣтъ этотъ не сверкаетъ, не пылаетъ, но тихо свѣтитъ . . .

Она чиста, и душа ея чиста, и все въ ней чисто; и этой чистотой она покоряетъ насъ, въ ней она открывается намъ.

Когда я слышу ея рѣчь, я будто слышу голосъ Божества, шествующаго по раю. Голосъ ея тихъ, какъ говоръ небесныхъ звѣздъ.

Я люблю ее . . .

Порою я себя спрашиваю: что такое любовь? Да, мы живущіе между свѣтомъ и мракомъ, даже у вратъ рая не

перестаемъ анализировать себя. Когда мы охвачены чувствомъ любви, обновляющей и волнующей нашу душу, мы хотимъ еще проникнуть въ ея глубь, узнать и понять ее.

Что такое любовь?

* * *

Вотъ уже нѣкоторое время, какъ я каждый день слышу какой-то голосъ, доносящійся изъ совсѣмъ другого міра: *еврейскій народъ пребываетъ въ страданіи!* Я вспоминаю, что совершаю грѣхъ. Уже много времени я не думалъ о еврейскомъ мірѣ и даже старался не думать о немъ, направлять умъ на другія вещи, къ которымъ такъ стремится душа моя и всѣ мои чувства. Я уже считалъ себя далеко, далеко ушедшимъ отъ того міра, высоко, высоко — и вотъ теперь я какъ бы проснулся отъ долгаго сна...

И въ ушахъ моихъ раздаются вопли, вопли живущаго въ моихъ нѣдрахъ существа, вопли отъ *историческихкихъ мукъ*.

И вдругъ все наше длинное прошлое, со всѣми его свѣтлыми и мрачными красками, оживаетъ во мнѣ, наполняетъ меня, влечетъ меня, захватываетъ и толкаетъ.

Въ какую сторону я ни повернусь, во всякомъ уголкѣ существа своего я слышу голосъ Іакова, голосъ еврейскаго народа, слышу его глубокіе вздохи и чувствую его прекрасныя надежды и горечь ихъ...

Вижу я многихъ изъ насъ, полныхъ юношеской свѣжести, возвращающихся въ свою страну и распѣвающихъ вдохновенныя пѣсни Сіона на рѣкахъ Вавилонскихъ.

И моя арфа звучить; но въ то время какъ кругомъ идетъ такое броженіе, въ то время, какъ я и мой народъ готовятся пересоздать жизнь и видятъ сны юности и горя, въ одно и то же время, какая-то чуждая искра влетаетъ въ мою душу, и искра эта происходитъ отъ свѣта любви.

Тамъ цѣлый народъ, мой народъ, страдаетъ, а я прячусь за спиной женщины.

Я обладаю душой, требующей любви. Мнѣ недостаетъ другой души... А тамъ есть такая душа, богатая, столь необходимая для моей бѣдной, униженной души. И душа эта — нееврейская...

Моя сильная любовь къ ней, потребность души моей, влекутъ меня съ непреодолимой силой къ ней, къ ней и къ широтѣ ея міра. Не могу жить безъ нея: мой міръ пусть, свѣтъ моей жизни погаснетъ безъ нея. Но прошлое, которое живетъ во мнѣ, въ насъ, дѣлаетъ укоры мнѣ и сердцу моему.

Я не понимаю, о чемъ оно шепчетъ, я не желаю знать, что оно шепчетъ, но я чувствую силу его, грозную силу.

Я проклиная день своего рожденія и жизнь, проклиная весь міръ. Я проклиная все изъ-за злосчастнаго жребія своего, котораго не въ состояніи нести...

Дайте мнѣ жизнь мою, свѣтъ души моей, свѣточъ для тьмы моей!

Я рвусь къ ней, я томлюсь по ней... Великое томленіе растетъ во мнѣ и наполняетъ все существо мое. И вдругъ я чувствую бездну, раздѣляющую насъ. И я отступаю.

Не могу побороть любви своей, но образы предковъ моихъ изъ прошедшихъ вѣковъ преслѣдуютъ меня...

.

Опять я брожу одиноко, вдали отъ городского шума въ вечерній часъ. Но все не такъ, какъ было вчера и раньше. Гдѣ ты, гдѣ ты покой души моей? Гдѣ вы, небо, земля и вся вселенная, готовящаяся къ отдыху? Гдѣ вы, зеленые листья, гдѣ вы? Почему вы пожелтѣли и падаете на землю?

Нищій уже не играетъ на свирѣли, ребенка со смуглой няней тоже больше не видно.

Одиноки мы, — и я, и міръ и тоска.

Прошло три года.

Опять пришла для меня весна со всѣми потемками свѣта, она затемняетъ и освѣщаетъ все существо мое и всю душу мою.

Какъ громадное воздушное крылатое тѣло она парить по всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ мірамъ и заставляетъ ихъ выйти наружу изъ ихъ безконечныхъ тайниковъ и встряхиваетъ все ихъ существо.

И вотъ они стоятъ на порогѣ жизни. Деревья шепчутся между собой, земля одѣвается зеленью, небо и небесныя свѣтила сіяютъ, а воздухъ чистъ, какъ въ первый день творенія.

Я сижу одиноко въ моей маленькой комнаткѣ въ низенькомъ домикѣ, стоящемъ одиноко на краю шумнаго и многолюднаго города. Я уже много дней сижу тамъ, и изъ окна моего открывается видъ на уединенныя предмѣстья, раскинувшіяся свободно, подобно прекрасному небу сверху. Только тѣни деревьевъ, опушки лѣса я вижу, и порою мною овладѣваетъ глубокая тоска, безнадежная тоска.

Годы текутъ чредой, зима смѣняетъ лѣто а лѣто—зиму, день гонится за днемъ, и одна надежда хоронитъ другую. И я уже усталъ терпѣть томленіе жизни моей и камни преткновенія на каждомъ шагу. Мечты мои, дни и годы — одна только длинная цѣпь погребенныхъ надеждъ...

Все, что случилось со мной, проходитъ передъ моимъ духовнымъ взоромъ, и я вижу во всей своей жизни только одну сплошную ошибку и безконечное заблужденіе.

Все, все — и во мнѣ, и внѣ меня — вводитъ меня въ заблужденіе и обманываетъ меня. Все тяготитъ и терзаетъ меня, все кидаетъ меня отъ грѣха къ добродѣтели и отъ добродѣтели къ грѣху, отъ подъема къ паденію и отъ паденія къ подъему. Я усталъ уже отъ жизни, которая только

кажется жизнью. Я люблю и ненавижу жизнь, не зная больше, что такое жизнь.

Жизнь обманула меня, она сама себя обманула...

Не знаю, для чего мнѣ глаза. Чтобы видѣть то, чего я не могу взять? Для чего мнѣ душа, чтобы чувствовать все скрытое, если я не въ состояніи пользоваться имъ открыто.

Я хочу собрать вокругъ себя всѣ творенія міра и со-кровища бытія и плакать надъ ними. Будемъ громко него-довать противъ себя, противъ бывшихъ до насъ, и тѣхъ, что будутъ послѣ насъ.

А весна простираетъ надо мной свои крылья. Она и лучи солнца сверху наивно общаются покой вѣчности и глухи къ отголоскамъ житейской скорби.

Они ничего не потеряли.

Прошло только три года, и все стало не такъ, какъ было раньше... Все во мнѣ перемѣнилось и все облеклось какимъ-то новымъ духомъ, котораго я никогда не зналъ.

Я жилъ подобно всѣмъ людямъ. Все, что касалось меня, озаряло мой мракъ, но и затемняло свѣтильникъ души моей. Я сталъ удаляться отъ людей и ихъ сутолоки, пошелъ своимъ путемъ.

И вотъ все то, что я видѣлъ и переживалъ съ тѣхъ поръ до сего дня, о чемъ грезилъ и что выстрадалъ, сплывило во мнѣ множество воззрѣній и понятій и показало мнѣ ничтожество всего бытія и бытіе ничтожества.

Я ощущаю теперь временами въ себѣ одновременно присутствіе перваго и послѣдняго изъ людей. И этими двумя существами я стараюсь обнять міръ и жизнь. Бываетъ также, что я все, рѣшительно все забываю, я подобенъ тогда младенцу безъ дѣтства и старику безъ сѣдины. Богъ мой, Богъ мой! Я теперь твержу себѣ утромъ и ве-

черомъ: дѣйствительны ли мы? Въ самомъ ли дѣлѣ составляемъ мы часть мірозданія? Дѣйствительна ли жизнь и ея звуки? Боже, Боже! когда откроются глаза наши, чтобы видѣть все, чтобы дѣлать, и знать все, что намъ надо дѣлать? Когда разсѣются тучи надъ величіемъ высшихъ и низшихъ тайнъ? Когда удалишь Ты пламенный мечъ, висѣщій надъ міромъ и человѣчествомъ?

И среди всѣхъ вопросовъ и проблемъ, сомнѣній и мечтаній — которыя составляютъ суть жизни, суть моей жизни, — я еще продолжаю быть живымъ человѣкомъ со всѣми его обыденными интересами и терзаюсь обыденными вещами. Палка, свѣча и хлѣбъ интересуютъ меня, какъ міровыя тайны, стулъ и столъ нужны мнѣ, какъ міровыя потребности.

Я ищу своего Бога, содержанія жизни. Тамъ, въ вышинѣ паритъ мой духъ, тамъ онъ ищетъ своей сущности и возможности для своего бытія; и въ то же самое время являются также земные интересы, хлѣбъ насущный.

Пока что я живу и страдаю, полный душевнаго томленія и скорби, подымаюсь и падаю, падаю и подымаюсь. Пока что я живу среди разныхъ существъ, окруженный людскими тайнами и людской суетой. А я состарился еще въ дѣтствѣ и останусь ребенкомъ до печальной старости. День прошелъ, настала ночь. Все погружается въ забвеніе; я забываю не только то, что давно прошло, но и вчерашній день, сегодняшнее утро и вчерашній вечеръ. Не только давнишнія лица я забылъ, но и близкія мнѣ, вчерашнія и сегодняшнія. Я забываю свои грезы и страданія свои, вчерашнія и сегодняшнія.

Есть минуты, когда я отдаю ихъ власти; въ нихъ есть какая-то долговѣчность, какое-то большое спокойствіе, бывающее передъ горемъ и послѣ горя.

Тогда стоитъ лишь только подойти къ балкону моей одинокой комнаты на краю города и взглянуть оттуда на

городъ, мирно покоющійся въ глубинѣ ночи, — и я начинаю чувствовать покой ночи.

Тогда я себя чувствую какъ бы далекимъ отъ самого себя, далекимъ отъ жизненной борьбы моей, далекимъ отъ мытарствъ своихъ, горя и униженія и горькихъ воспоминаній о прежнихъ дняхъ.

Все прошлое исчезаетъ передо мной. Все, что вверху и что внизу, стираетъ черты, раздѣляющія ихъ, и весь міръ спитъ и видитъ свой долгій сонъ...

Тогда вся тишина, царящая въ моей душѣ, сама настоживаетъ. Все существо мое наполняется какимъ-то отдаленнымъ эхомъ, и я грежу о своей жизни.

Я грежу, не знаю о чемъ...

Какъ будто невидимая рука шевелитъ меня. Я узнаю эту нѣжную руку и вижу ее издалека.

Какъ будто чья-то душа безмолвно становится передъ моей душой; и все, что есть во мнѣ, преклоняется передъ ея святостью, которой я самъ лишился.

Тогда были другіе дни, дни душевнаго величія, окружавшаго меня.

То были дни, проведенные мною среди лѣсовъ и потоковъ Альпъ.

И Альпійскія горы встаютъ передо мной во всемъ своемъ величественномъ покоѣ и вѣчномъ снѣгѣ. Я вижу ихъ и себя, какимъ я былъ тогда, когда ея свѣтъ сіялъ надо мной...

Съ теченіемъ времени я все забылъ. И себя, и ее, и мечты мои, ея народъ и свой народъ.

Тогда я даже говорилъ себѣ: я пойду вмѣстѣ съ ней и буду грезить ея грезами.

Но дни эти прошли безвозвратно.

Волны расы и народности раздѣлили насъ и наши грезы; онѣ разверзли передъ нами грозную пучину, они произвели между нами разрывъ...

И теперь, въ этотъ вечеръ, среди дуновенія ночной тишины, навѣвающей сонъ на все разнообразіе міровъ; теперь, когда я сижу одинъ, одинокій въ своей комнатѣ, я получаю позднюю вѣсть отъ одного дальняго друга.

«Она» лишилась разсудка.

* * *

«Возвышеннымъ думамъ — писалъ я тогда одному изъ своихъ друзей — неумѣстно жить въ наше время, полное словъ и лишенное дѣлъ. Имъ нужны либо великіе подвиги любви, или великія преступленія. Онѣ нуждаются въ содержаніи жизни, духовномъ содержаніи, чтобы не сбиться съ пути».

«Вначалѣ я въ простотѣ душевной думалъ, что она блуждаетъ потому, что ей не хватаетъ сильной руки, которая руководила бы ею и приближала къ жизни; или, какъ я тебѣ говорилъ: ей не хватаетъ того, что никогда не можетъ быть ей дано».

«Когда она разсталась со мной — писалъ я ему далѣе — она открылась мнѣ во всей своей внутренней красотѣ и чистотѣ высокой души своей. Изумленный стоялъ я передъ неземнымъ величіемъ, разлитымъ въ ней, не зная, что сказать и выразить ей. Языкомъ «Пѣсни Пѣсенъ» хотѣлось мнѣ говорить съ ней. И я стоялъ, застывшій въ благоговѣйномъ восторгѣ».

Я продолжалъ видѣть ея тѣнь все время и въ глубинѣ души раздавался голосъ ея пѣнія.

Впослѣдствіи, когда я покинулъ Альпы, я набросалъ для самого себя на бумагѣ слѣдующія строки:

«О Суламиѣи я ничего не слышу. И я это зналъ напередъ... Я не знаю, что съ ней, и, можетъ быть, никогда ея больше не увижу. Но впечатлѣніе, которое она произвела на меня, не изгладится. Въ ней я еще вижу нѣчто человѣческое, совершенно чистое. Въ ней я вижу то, чего не видѣлъ у другихъ...»

«Стоить пойти за ней на край свѣта, чтобы наслаждаться ея внутренней красотой и очищаться ея присутвіемъ. Все высокое, чѣмъ мы только владѣемъ, стоитъ принести въ жертву ради нея и только ради нея. А я зналъ ее — и затѣмъ уѣхалъ, по своимъ дѣламъ»...

«А можетъ быть, тотъ день и тотъ часъ, когда она открылась мнѣ, были единственнымъ днемъ и единственнымъ часомъ въ моей жизни. Можетъ быть, я тогда могъ найти вѣчную разгадку уходящей жизни моей...»

Вѣчность моя возвращена мнѣ! — восклицаю я при чтеніи письма — мнѣ вернули свѣтъ вѣчности, ее и ея чистую душу, ее и свѣтящій духъ.

Я стыжусь передъ самимъ собою неизвѣстнымъ мнѣ доселѣ стыдомъ. Я стыжусь оттого, что разбилъ собственную жизнь, что упустилъ то, чѣмъ владѣлъ...

Боль за нее дѣлается невыносимой. Все плачетъ во мнѣ о томъ, что отъ меня исчезла ея красота и величіе, и что я оставилъ ее одной...

Я отвѣтствененъ за нее и за себя, за нашу жизнь... Горе мое невыносимо... Вначалѣ я считалъ ее однимъ изъ надгробныхъ памятниковъ среди прочихъ могилъ, живыхъ и мертвыхъ; теперь она единственный памятникъ. Подъ нимъ душа моя будетъ покоиться всю мою жизнь.

Въ одномъ изъ уединенныхъ селъ въ Альпійскихъ горахъ, въ чужой странѣ, она живетъ одиноко въ убѣжищѣ для душевно-больныхъ. Она сирота среди чужого народа, безъ отца и матери. Посторонніе люди сжалились надъ ней и дали пріютъ ея тоскующему духу.

Тамъ она сидитъ одиноко уже много времени, и нѣтъ ей исцѣленія.

Блѣдность красоты еще лежитъ на молодомъ лицѣ ея. Глаза ея еще смотрятъ прямо, не обнаруживая ея внутренней слѣпоты. и бѣлыя, чистыя руки ея съ какой-то грустью

выдѣляются на черномъ фонѣ, изъ за платья ея, и золотистые волосы ея не собраны въ узелъ сзади, но перевязаны красной ленточкой.

Какъ нѣмая, она ходитъ и сидитъ, прислуживаетъ и дѣлаетъ все, что ей велятъ, не сознавая, что она дѣлаетъ и что случилось съ ней. Но какъ граціозна скорбь, лежащая на ней, и какъ милы черты благородства, которыя не успѣли еще стереться.

Она любитъ сидѣть въ уголкѣ, у окна, изъ котораго открывается видъ на далекія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Но она не сознаетъ и не постигаетъ болѣе божественности этихъ горъ, какъ въ былыя времена. Порою она цѣлыми часами, днемъ и ночью, занята разсматриваніемъ своихъ рукъ.

День и ночь смѣняютъ другъ друга — она все сидитъ молчаливо, не различая свѣта отъ тьмы.

Она еще только можетъ плакать иногда, когда въ ней пробуждается ея подрѣзанная мысль и открываетъ ей, въ отдаленной перспективѣ, могилу ея жизни...

Въ эти моменты она производитъ впечатлѣніе монахини, шествующей между безмолвными ангелами. Въ эти моменты скорбь ея озаряетъ все кругомъ и плѣняетъ сердце сидѣлокъ пріюта, которыя изучили ея характеръ.

Въ эти моменты какъ бы весь міръ чутко настораживается, чтобы что-то услышать и узнать.

И это «что-то» есть загадка жизни, загадка всѣхъ загадокъ.

Одинокая живетъ она въ пріютѣ для душевно-больныхъ, сирота она, безъ народа, безъ жизни.

Она сидитъ тамъ сиротой внутри, а я здѣсь сирота снаружи.

• • •

Только деревья, роняющія свои листья, и тусклое небо видны изъ моего окна. Во мнѣ и во всемъ, окружающемъ

меня, какой-то мракъ и унылая тишина. И свѣтъ, какъ бы затмился и звуки заглохли, и все, что передо мной, подобно кладбищу.

Жизнь мою убили во мнѣ... Всѣ планы мои одинъ за другимъ рухнули, всякое желаніе мое парализовано, и я полонъ лишь осколками разоренной души...

Печаль моя уже давно притупилась. И всетаки боль еще невыносимѣе, чѣмъ когда-то. Много, много смертей случилось на моемъ небѣ и моей землѣ, но ужаснѣе всѣхъ ихъ моя собственная смерть, вѣчная смерть, вызванная жизнью безъ нея.

Тамъ, въ глубинѣ сердца, въ самыхъ глубокихъ тайникахъ своего «я» я вижу ее и свои грезы, какъ прошлое, которое никогда уже не вернется, которое давно пронеслось... Тамъ глубоко запечатлѣна потеря, постигшая меня.

Мнѣ осталось теперь только оплакивать горькими слезами нашу общую гибель, оплакивать утрату того, что было намъ вручено для храненія небомъ, и чего мы лишились благодаря людямъ.

Нѣкогда, очень давно, когда на меня находила тоска, я говорилъ: дайте мнѣ скрипку или арфу, я буду играть; когда жизнь наносила мнѣ ударъ, я просилъ топоръ, чтобы разбить головы моихъ враговъ; теперь же я могу только просить: дайте мнѣ яду, чтобы я могъ навѣки успокоиться.

Мнѣ осталось только просить прекращенія бытія, разрушенія міра моей преходящей жизни. Но проклятiе жизни лежитъ на мнѣ, и порвать его я не въ силахъ.

Чего вы хотите отъ меня? Зачѣмъ поселили вы во мнѣ, противъ моей воли, инстинктъ жизни? отчего я не могу умереть? Отчего? Отчего?

«Мы одиноки, потому что мы не одиноки... Наша жизнь въ настоящемъ безконечна по винѣ прошлаго... Пропастъ между прошедшимъ и настоящимъ у насъ очень

глубока, и всетаки мы живемъ вмѣстѣ съ прошедшимъ. На плечахъ нашихъ лежитъ тяжесть поколѣній...

Я пытаюсь жить одиноко, гдѣ-нибудь тамъ, вдали отъ всякаго общественнаго шума и далеко отъ всякихъ партій, — и я не въ силахъ сдѣлать этого.

«Всякая передуманная нами мысль, всякое испытанное чувство, всякое мнѣніе нашихъ предковъ и все ихъ наслѣдіе предъявляютъ притязанія къ моей душѣ, и она должна считаться съ ними».

«Не только свое «я» несу я на своихъ плечахъ, но и всѣхъ предковъ и все ихъ достояніе».

«Мы всѣ въ одно и то же время живемъ и умираемъ, всѣ мы мучаемся за грѣхи нашихъ отцовъ, которые извратили жизнь».

«Всѣ мы, отъ мала до велика, какъ нечестивцы, такъ и праведники, какъ юноши, такъ и старики, — всѣ испоконъ вѣковъ погружены въ скорбь и уныніе».

«И ужасный и горькій вопль, подобнаго которому я не слышалъ никогда, раздается теперь въ тайникахъ души моей! Тамъ, глубоко, глубоко я страдаю, сокрушаюсь и скорблю, скорблю и живу...

«Никто не знаетъ, что со мной стало. Но сердце мое не вѣдаетъ покоя».

«И въ то же время я человѣкъ живой и униженный, я несу въ своей груди свой міръ и свою жизнь. Всѣ дни своей жизни я все скитаюсь, все скитаюсь... Вопросы всѣхъ временъ — мои вопросы, мысли всѣхъ временъ — мои мысли, скорбь всего міра — моя скорбь и печаль нашего народа — моя печаль».

«Бываютъ моменты, когда я хочу кончить и снова начать, или начинать и кончить, созидать и разрушать, перейти въ небытіе и существовать; а бываютъ моменты, когда я вообще ничего не хочу, не въ состояніи чего-либо хотѣть... Безъ нея я не въ состояніи ничего хотѣть».

Деревья роняютъ свои листья, безмолвно стоятъ они безъ сознанія. Въ домахъ и на улицахъ безлюдно, тусклая синева неба безмолвно тянется сверху. Вокругъ тишина и вся тоска тишины, а я сижу еще въ оцѣпенѣніи въ своей маленькой комнаткѣ и переживаю все, что случилось со мной отъ первыхъ до послѣднихъ дней.

Она была моимъ началомъ и концомъ, началомъ моей жизни и концомъ ея... Исчезъ свѣтъ, и передо мной вѣчный мракъ... Я не могу пользоваться ея свѣтомъ...

Я не хотѣлъ *начать* жить, потому что я послѣдній въ жизни.

Боже! Боже! я молюсь Тебѣ: возьми отъ меня жизнь мою! возьми душу мою! Я не хочу больше жить. Намъ, павшимъ дѣтямъ Твоимъ, нѣтъ больше мѣста въ жизни... Дай намъ выпить изъ чаши небытія, но изъеми насъ изъ настоящаго, которое мучительнѣе небытія.

Но Богъ не внемлетъ моему голосу. Насильно я живу, хотя уже давно отнять у меня смыслъ жизни. Насильно я связанъ цѣпями настоящаго, тогда какъ жизнь моя давно лишена свѣта... *Насильно я живу безъ нея.*

Прошло много времени.

Порой меня снова посѣщаетъ невѣдомое Божество, во мнѣ пробуждается какое-то чуждое стремленіе возобновить жизнь и искать себѣ новаго убѣжища отъ развалинъ души моей. Не зная покоя, я какъ тѣнь скитаюсь съ мѣста на мѣсто. Ни новое небо, ни новая земля не помогаютъ мнѣ. Но вотъ я въ своихъ скитаніяхъ пришелъ на берегъ широкаго моря и услышалъ обращенный ко мнѣ голосъ его; и голосъ этотъ проникаетъ черезъ окружающую меня вѣчную оболочку грусти.

Сильное оцѣпенѣніе смѣняется сначала изумленіемъ, а затѣмъ я начинаю прислушиваться къ гулу живой природы и къ многообразнымъ отголоскамъ ея...

Уже вотъ много дней, какъ я молюсь морскому богу утромъ и вечеромъ, творю вечернюю и утреннюю молитвы.

Я не умеръ. Буду жить одинъ и попытаюсь отречься отъ себя. Я все посвящу ея памяти и запечатлѣю чистоту души ея на всей жизни, на всѣхъ жертвахъ жизни.

Своему старому другу я оттуда пишу: — «Все перемѣнилось въ глубинѣ моего существа. Все, все рѣшительно перемѣнилось, и все, что во мнѣ застыло, теперь расплавилось.

«Страсть къ чрезвычайной святости и душевной работѣ наполняетъ меня теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

«У меня теперь есть потребность жить *аскетомъ*, быть отрѣшеннымъ и изъятымъ изъ всего будничнаго въ жизни и пересмотрѣть сначала всю исторію человѣчества.

«У меня есть теперь потребность уйти на край свѣта и тамъ разбить свой шатеръ среди другихъ видовъ земныхъ существъ.

«У меня есть потребность забыть себя и міръ; жизнь и ея невзгоды, живыя существа и ихъ тѣни.

«Я не могу уже проклинать жизнь, какъ таковую».

«Во всемъ, во всемъ, въ добрѣ, какъ во злѣ, я чую какой-то примиряющій подъемъ и вижу какую-то прекрасную грусть, парящую надъ вещами. Но все это только тогда, когда я нахожусь вдали отъ нихъ и ихъ суеты и когда я насильно разрываю мою связь съ ними...

«Всѣ предметы измѣняются къ худшему при прикосновеніи къ нимъ, и потому я не хочу къ нимъ прикасаться. Пусть они идутъ своей дорогой, я останусь одинокимъ.

«Только одно забвеніе поднимается изъ бездны и затѣмъ все окутывается туманомъ»...

Изъ далекаго пути

Это было наканунѣ субботы; весь день еще былъ впереди.

Послѣ того, какъ насъ, дѣтей, выкупали въ теплой водѣ и переодѣли по праздничному, мать сунула мнѣ въ руку двадцатикопеечную монету со словами: идите, дѣти, купите себѣ лакомствъ и угощайтесь!

Меня, какъ старшаго сына, сдѣлала она казначеемъ. На этотъ разъ, однако, я не исполнилъ добросовѣстно своей миссіи... Я задобрилъ младшихъ дѣтей вырѣзанными перстнями, пуговицами и игрушками, и они, хотя съ большимъ трудомъ, отказались отъ своей доли.

И вотъ я одинъ обладатель большого капитала. Я бѣгу въ бетъ-гамидрашъ къ странствующему книгопродавцу, попавшему въ нашъ городокъ; онъ стоялъ позади амвона и разложилъ свой товаръ.

У него много всякаго добра — книги и молитвенники, псалтыри и ермолки, мѣдные подсвѣчники и ремни къ филakterіямъ; есть у него и лоттерея. Кто вытянулъ четный номеръ жребія, получаетъ отъ него какую-нибудь вещь; и всетаки по окончаніи тиража у него всегда остаются и деньги, и вещи.

И меня подмываетъ попробовать счастья тянуть жребій. Но тотчасъ же я одумываюсь, отдаю ему всѣ деньги и получаю отъ него взамѣнъ маленькую книгу въ красной оберткѣ: «Іосифъ Флавій».

Книга тонка и смята, и буквы ея стерты и разворочены.

Я ухажу домой, сажусь за печку и начинаю читать свою книгу. То, что тамъ повѣствуется, длинно. Разказы плѣняютъ мой умъ и сердце. Я читаю исторію человѣчества съ самаго начала: о сотвореніи міра, о вавилонскомъ столпотвореніи, о Симонѣ и Леви, о войнѣ между сыновьями Іакова; читаю исторію хананеянъ, десяти колѣнъ, подвиговъ Александра Македонскаго, хронику царей персидскихъ, покореніе Іудеи — все воскресаетъ и проходитъ предо мной, какъ въ чудномъ зрѣлищѣ. Я самъ — воинъ, сражающійся мечемъ и лукомъ; я брожу по пустынямъ, сопровождаю Александра Македонскаго, — а онъ ѣдетъ верхомъ на могучемъ конѣ, и конь скачетъ, и изъ ноздрей его брызжетъ пѣна... Мы шествуемъ все дальше и дальше, въ Индію; еще немного — и мы войдемъ въ глубь страны, намъ осталось только перейти рѣку, но рать Александра отказывается итти дальше. Ещѣ только одинъ шагъ къ побѣдѣ, одинъ только шагъ, но царь нашъ Александръ принужденъ повернуть обратно... Онъ беретъ камень и вырѣзываетъ на немъ дрожащими руками: я, Александръ Великій, пришелъ до этого мѣста и возвращаюсь назадъ.

При наступленіи вечера, даже во время вечерней субботней молитвы, во время привѣтственной молитвы по возвращеніи домой изъ синагоги, при молитвѣ освященія вина, за вкусной рыбой — я самъ не свой... Я продолжаю блуждать по пустынямъ, я на полѣ брани, я кладу на голову большой камень, какъ Іуда, чтобы бросить его на весь Египетъ...

— Что съ тобой, сынъ мой! озабоченно спрашиваетъ меня отецъ.

— Ничего, отдѣлываюсь я отъ него.

Съ нетерпѣніемъ я дожидаюсь, пока окончится молитва послѣ трапезы. Родители уходятъ спать въ спальню. Братья и сестры тоже задремали, и я остаюсь одинъ и читаю моего Флавія при свѣтѣ субботнихъ свѣчъ.

И сердце мое преисполнено.

Вотъ побѣды Маккавеевъ, Иуда Маккавей и геройскіе подвиги его, междоусобная война, простодушный Гирканъ, римляне, эдомитяне, Антипатръ, Иродъ, семейные раздоры, гибель Мириамъ . . .

Я обливаюсь горькими слезами . . .

Вотъ война внутри и извнѣ, раздѣлъ страны. Иосифъ — полководецъ, сорокъ воиновъ въ пещерѣ . . . Дни осады, Веспасіанъ, Титъ, Никодимъ сынъ Горіона . . . Элеазаръ, Іохананъ, Симонъ — эти неустрашимые богатыри, которымъ смерть была забавой. Трупы безъ числа разбросаны по всѣмъ улицамъ, и потоки крови сливаются въ цѣлое море . . .

Вотъ и огонь брошенъ въ великій и святой храмъ! Башни охвачены пламенемъ, священники прыгаютъ въ огонь, и зловѣщее красное облако окутываетъ все, покрываетъ мракомъ всю вселенную.

Я опускаю голову на руки и плачу . . .

Все проходитъ передо мной, какъ на картинѣ, и все это какъ то далеко отъ меня; я почти не чувствую, что эти герои и кровавые алтари принадлежатъ намъ, моимъ предкамъ, я не чувствую, хотя знаю хорошо длинную цѣпь нашей исторіи съ того времени до сего дня. Все я знаю, но нѣтъ во мнѣ живого представленія о касательствѣ этихъ людей къ намъ, къ нашей семьѣ и всѣмъ нашимъ близкимъ сосѣдямъ.

И нѣчто вродѣ вопроса возникаетъ во мнѣ: почему это тогда боролись іудеи со своими врагами, воевали съ ними, побѣждали ихъ? Но и этотъ вопросъ касается и не касается меня . . .

Плохо спалось мнѣ въ ту ночь: сны и страшныя видѣнія пугали меня, кровь, огонь и клубы дыма . . .

Утромъ я всталъ усталый и разбитый, какъ человѣкъ, вернувшійся изъ далекаго пути.

Откровеніе

До того дня я еще вѣровалъ въ сатану. Конечно, у меня не было о немъ вещественнаго представленія, я не видѣлъ его плотскими глазами, но я еще вѣрилъ отчасти въ «дѣянія сатаны» — да вѣдь этому и учили меня всѣ сказанія и исторіи, слышанныя мною съ дѣтства, всѣ книги моего отца, да и самъ онъ.

Отецъ училъ меня, что весь міръ — твореніе сатаны. Небо, земля и все, на что мы смотримъ грѣшными очами — все это воплощеніе сатаны. Прекрасныя деревья, тучныя нивы, роскошныя лѣса и большія широкія равнины — все это извѣстныя уловки сатаны и его союзниковъ.

Упаси насъ, Боже, внять его голосу; мы обязаны закрывать глаза передъ тѣмъ, что онъ намъ показываетъ, дабы исполнить заповѣданное намъ: «закрывай очи свои передъ зломъ».

А зло есть все то, что не въ духъ Творца, благословено имя Его, и единства, наполняющаго міръ. Нѣтъ опредѣленнаго зла, какъ нѣтъ отвлеченнаго добра, но рука сатаны проявляется во всякомъ зломъ дѣлѣ.

Свѣтъ науки еще не проникъ въ мою душу, я еще не читалъ тогда запрещенныхъ книгъ. Но у меня уже была какая-то потребность вникать въ суть вещей и событій. Я чувствовалъ тогда по-своему, безъ всякаго опредѣленнаго сознанія.

Міръ и его прелести безсознательно проникали въ мою душу и оставляли въ ней какой-то, мнѣ самому невѣдомый слѣдъ.

И однажды, въ разгаръ лѣта, я вдругъ почувствовалъ красоту окружающаго меня міра.

Какъ разъ въ этотъ день меня одолѣлъ страхъ Божій, и я съ особеннымъ усердіемъ сидѣлъ за книгами, желая превозмочь въ себѣ сатану.

... Между тѣмъ я перелистываю книгу, задумчиво гляжу въ нее и ничего не понимаю.

И вдругъ я почувствовалъ необходимость оставить комнату отца и выйти на улицу...

К солгалъ ему, что иду за чернилами. Лишь только я очутился за дверью, я свернулъ съ пути и вышелъ за городъ.

Улица, окружавшая нашъ городокъ, казалась безконечною по сравненію съ его небольшимъ пространствомъ. Тамъ, вокругъ города, виднѣются поля ржи, волнуемой, какъ море, зелени. Высокія деревья, одно противъ другого, бросають свои длинныя тѣни на дорогу, проходящую между рядами ржи.

Вся эта необъятная ширь захватываетъ мою душу. Взоръ мой прикованъ къ долинамъ, одѣтымъ зеленью. Легкій вѣтерокъ набѣгаетъ на нее и волнуетъ ее, и я всматриваюсь въ игру этихъ волнъ.

Солнце высоко стоитъ на лазурномъ небѣ. Покой разлитъ во всей природѣ, и я чувствую, что въ душѣ моей что-то пробуждается...

И я восклицаю: Нѣтъ, небо не сатана, солнце не сатана. деревья — не сыны сатаны.

Они открываются предо мною во всей своей красотѣ и величїи, со всей силой истинной жизни, и нѣтъ въ нихъ духа сатаны.

... Я стою пораженный и очарованный тѣмъ откровеніемъ природы, которому я внялъ.

Мое истинное человѣческое «я» поднимается и растетъ.

Я чувствую себя союзникомъ и участникомъ въ красотахъ природы.

Я стою въ тѣни дерева, я прижимаюсь къ нему, я обнимаю его всѣми чувствами души своей и падаю передъ нимъ на колѣни.
